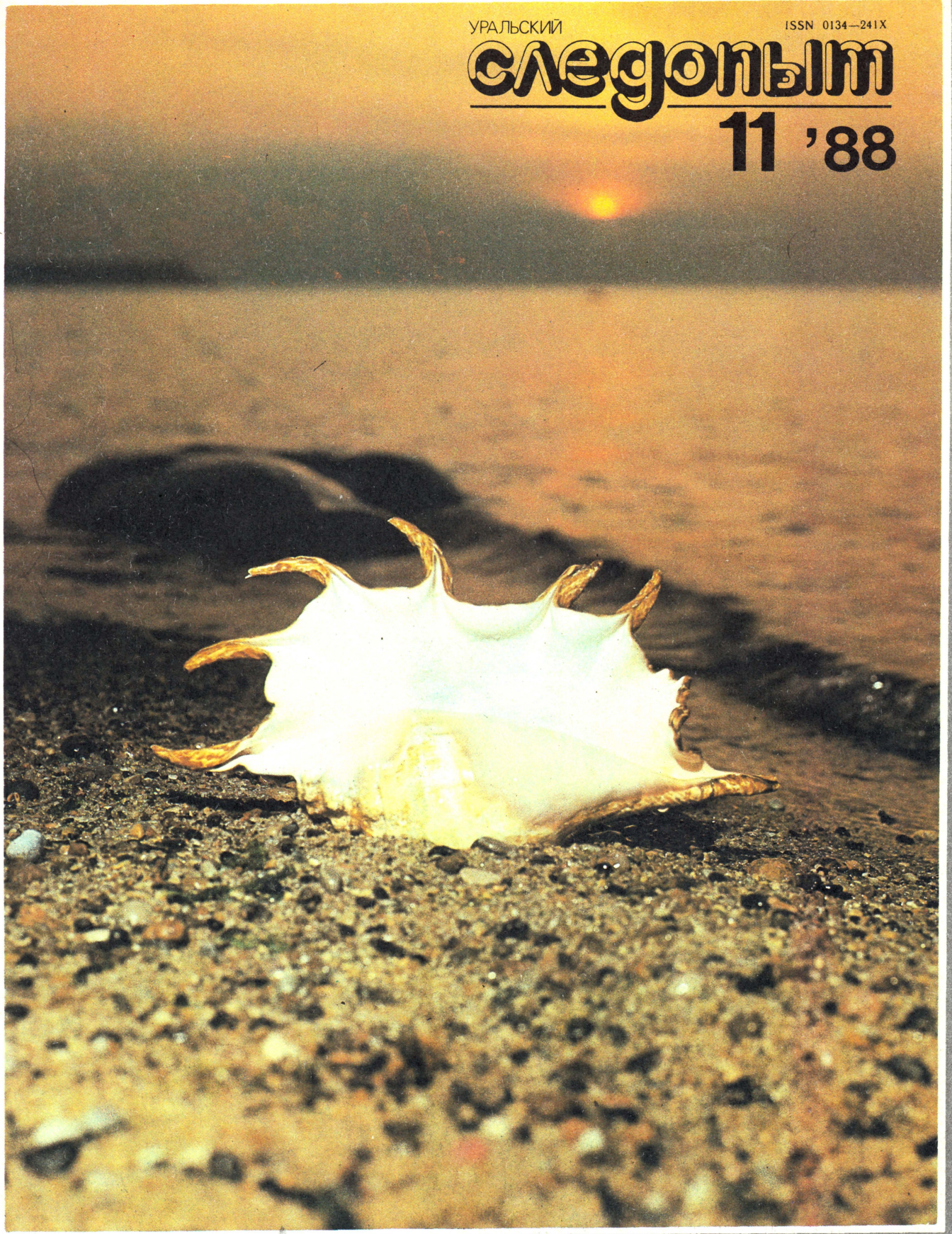

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134-241X

Следопыт

11 '88

Ветеринар

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ!

Очерк ВАСИЛИЯ ФИРСОВА читайте на 5-й стр.

Поисковый материал Ю. М. Курочкина «ПОРТРЕТ КРЕПОСТНОГО АКТЕРА?» читайте на 7-й странице.

РЕДАКЦИЯ
ОТ ВСЕГО СЕРДЦА
ПОЗДРАВЛЯЕТ
ЧЛЕНА РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ,
БЫВШЕГО СОТРУДНИКА
ЖУРНАЛА
И ЕГО СТАРЕЙШЕГО
АВТОРА
ЮРИЯ МИХАЙЛОВИЧА
КУРОЧКИНА
С 75-ЛЕТНИМ
ЮБИЛЕЕМ
И ЖЕЛАЕТ
ТВОРЧЕСКОГО
ДОЛГОЛЕТИЯ.

На снимке — картина С. П. Юшкова «ИЛЬИНСКИЙ КРЕПОСТНОЙ КРЕСТЬЯНИН СТРОГАНОВЫХ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ СИМАНОВ».

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

11 '88

В НОМЕРЕ:

А. Чечулин РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В КРЫМУ	2
Е. Пятышкина Я ТОЖЕ ЗНАЛА МАТЭ ЗАЛКУ	3
В. Фирсов ТАНКИ И ПЕСНИ	5
Ю. Курочкин ПОРТРЕТ КРЕПОСТНОГО АКТЕРА!	7
Ю. Сухов ДАВНЕЕ ИЗ ПАМЯТИ ПОДНИМУ...	8
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Голозачев ВЛАДЫКИ. Повесть. Начало	9
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	27
.	
Г. Краснопевцева ИМЕНА НА СКАЛЕ	29
А. Ларионов ИКАРЫ	30
Р. Буруковский ЗАБЫТЫЕ КРАСКИ, ИЛИ «ПЛАМЕННЫЙ ЦВЕТ — ПУРПУР СИДОНСКИХ ПУЧИН»	30
В. Крапивин ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман. Книга третья НАСЛЕДНИКИ. Начало	33
А. Шалобаев, А. Драт СТИХИ	59
А НАВСТРЕЧУ — 206-я...	60
С. Нохрин БЕЛЫЕ, РЫЖИЕ, ВОРОНЫЕ	64
«ХЭВИ МЕТАЛ»: СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ	65
Н. Кондратенко ДОЙТИ ДО ГОРИЗОНТА	69
В. Шавырин НАД БЕЖИНЫМ ЛУГОМ	72
И. Подгорный ТАЙНА БИБЛИОТЕКИ ДИДРО	76
А. Бережной ЗАБЫТЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ	76
В. Старцев АЛТЫННОВСКАЯ ПЛЯСОВАЯ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78
Е. Девиков ПЛОТНИКИ ЕКАТЕРИНБУРГА	79

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

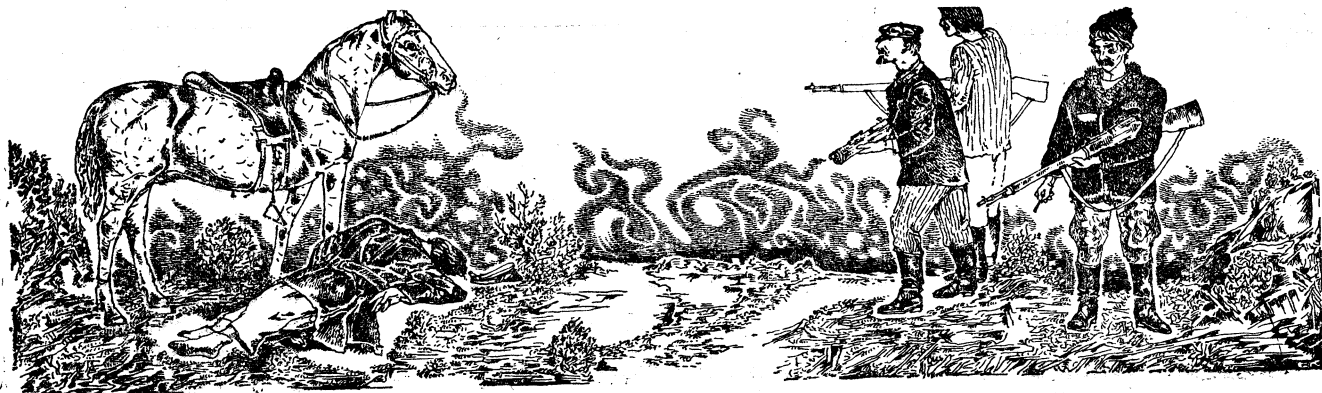
Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы и
поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через
2 интервала, 60 знаков в стро-
ке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и до-
ставки обращаться в районные
отделения «Союзпечати»

Сдано в набор 09.08.88.
Подписано к печати 19.09.88.
НС 15155.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 12,5.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 480 000.
(2-й завод: 250 001—480 000).
Заказ 466.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Николая Маркова к статье
Р. Буруковского «Забывшие
краски».

Алексей ЧЕЧУЛИН

Рукопись, найденная в Крыму

Накануне 70-летия Великого Октября внука Константина Петровича Воронова, одного из первых комсомольцев Асбеста, передала мне стопку машинописных страниц.

— В Крыму отыскались,— сказала она.

Я слышал о том, что К. П. Воронов занимался историей города и собрал немало интересных материалов, документов, редких фотографий. И вот часть архива у меня в руках. Это заметки, записанные со слов ветеранов революционного движения в Асбесте.

Записи велись в течение нескольких десятилетий и охватывают период с начала XX века до 1923 года. Не все помечены датами, не все логично связаны между собой. Порой за жанровой картинкой следует скупая справка, но их роднит одно — факт, зачастую не известный широкому кругу или стертый временем.

Для краеведа и историка труды К. П. Воронова представляют большую ценность. Здесь живые детали быта добытчиков русского асбеста: дореволюционные цены на продукты и товары в присковских лавках, репертуар театрального кружка имени Волкова, перечень семей, имевших рояли, мотоциклы, фотоаппараты — приметы эпохи, работа на асбестовых рудниках в первую мировую войну многих сотен мобилизованных киргизов, колоритные портреты монархистов, черносотенцев, меньшевиков, эсеров, новые для ряда поколений имена революционеров: члена РСДРП, участника боев 1905 года в Петербурге И. Н. Казанцева, горного инженера Николая Смирнова, сосланного в Томскую губернию, рабочего Льва Малоземова — организатора молодежной группы.

Записки о прошлом, оставленные первым комсомольцем, показывают, какого труда и жертв стоили всходы новой жизни.

НОЧНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

Утром 14 октября 1922 года к исполкому на взмыленной лошади прискакал лесообъездчик с Вороньего брода Никола Антонов. Председатель исполкома В. С. Кардопольцев, выслушав его бессвязный рассказ, обзвонил милицию и больницу. Когда все собрались, Никола повторил сообщение.

Минувшим вечером, где-то около десяти часов, его семейство управлялось со скотиной, и вдруг донеслась стрельба. До пятнадцати винтовочных выстрелов. А на дворе темно, страшно. Утром чуть свет Антонов направился с объездом по Грязновской дороге и на 16-м километре увидел оброненную кем-то шапку. Наклонился над ней и приметил кровь.

— А шапку эту носил доктор Ноздря,— закончил Никола свой рассказ.

Три пары лошадей с людьми и восемь чоновцев верхом выехали на Грязновскую дорогу.

У балластной выемки, заросшей сосняком, перед потухшим костром лежали два мертвых человека. Один из них накрыт аязмом — это доктор Л. П. Ноздря, другой — механик золотые руки В. И. Вонягин. Рядом брошены дорогие охотничьи ружья, в карманах механика все еще тикают несколько часов — он на досуге любил заниматься ремонтом точных механизмов.

Милиционер Хлытиков после осмотра заявил:

— Не ограблены. Следовательно, это политическое убийство.

Лев Петрович Ноздря, любимец присков, родом из Черниговской губернии, приехал на Урал в 1911 году, окончив Харьковский университет. Он имел ученую степень, огромную эрудицию и был отличным диагностом. Воспитанный в демократической среде, доктор был отзывчивым человеком, в помощи никому не отказывал. До революции он приобщал рабочих к чтению (выписывал «Правду», хотя был беспартийным) и к спорту: сам прилично бегал на лыжах, коньках, был непревзойденным стрелком.

Чоновцы нашли на месте убийства больше десятка гильз от трехлинейки и японской винтовки.

В квартире Ноздри было обнаружено завещание, написанное за три дня до роковой охоты: столовое серебро и утварь Лев Петрович распределял по сотрудникам, медицинскую литературу оставлял больнице, библиотеку — клубу «Пролетгильза». Но с чем же связано преждевременное завещание? Доктору кто-то угрожал? Это осталось тайной.

17 октября не одна тысяча жителей пришла проводить в последний путь Льва Петровича Ноздю и Василия Ива-

новича Вонягина. На Первомайской площади перед братской могилой звучала траурная музыка. Надрывно гудели паровозы, печально басил гудок электростанции.

Исполком вынес решение назвать больницу именем доктора Л. П. Ноздри. В приемном покое долго висел портрет Льва Петровича, но в тридцатые годы он кем-то был снят. Наименование больницы постепенно забылось...

Два месяца агенты губернского уголовного розыска с помощью комсомольцев-чоновцев вели расследование обстоятельств убийства доктора и механика. Они изъяли в окрестных деревнях много оружия, арестовали нескольких скрывающихся белогвардейцев, но преступников не нашли.

КАК БАНДУ БРАЛИ

В ночь под новый, 1923 год в клубе «Артем» шел веселый комсомольский вечер. Открылся он праздничным концертом, гвоздем которого было выступление струнного оркестра горпромуча под руководством А. Е. Абаскалова. В программе не только «Интернационал» и «Варшавянка», но и вальс «Над волнами», русско-славянский танец, хоровые песни.

В разгар праздника в клуб влетел десятник Михаил Андреевич Клячев. Чоновцы Степан Копырин и Семен Гаврюшин, охранявшие вечер, кинулись к нему со всех ног. Отдышавшись, десятник спросил:

— Оружие есть?

Степан вытащил наган. Клячев успокоился:

— Вот и хорошо. Будьте наготове, клуб хотят взорвать...

Оказывается, к нему на Карловку запросились ночевать трое молодых мужиков на подводах. Обещали хорошо заплатить — ну и пустил, а после разговор подслушал: бандитами гости оказались, посланы кем-то комсомольцев проучить. Вот и кинулся Михаил Андреевич в клуб, якобы к соседу отправился о лошади договориться, чтобы с утра за сеном ехать.

Описал Клячев обличье своих постояльцев и домой поспешил, дабы подозрений не вызвать. А чоновцы собрали потихоньку ребят, что оружие имели, и план по захвату бандитов обговорили.

Приезжие не заставили себя долго ждать. Явились — верзила как на подбор, косая сажень в плечах. Степан Копырин, третий фронтовик, уловив момент, когда комсомольцы охватили троицу полукругом, выхватил наган:

— Руки вверх!

Мужики крутанулись, но где там — навстречу винтовки и револьверы. Подняли руки, побурели. Их тут же связали и обыскали. Целый арсенал нашли: финские ножи, четыре осколочные гранаты, одна фугасная — тяжелого типа, два браунинга, маузер.

Боевая операция прошла мгновенно. Было шумно, поэтому никто ничего не понял.

Бандитов под охраной отвели в милицию, а Степа Копырин с друзьями направился к десятнику, чтобы поблагодарить его за помощь. Клячев был доволен своим подвигом. И Степана похвалил.

— А что же мне с ихним добром делать?

Ребята обнаружили в бандитских подводах винтовки, четыре сотни патронов, множество шуб, тулупов, костюмов, сапог. Были там также перины, самовары, другие ценные вещи.

Утром шесть чоновцев отвезли незваных гостей на станцию Баженово, где сдали в ЧК. Поняв, что взопались окончательно, мужики, вымалывая пощаду, рассказали все без утайки. Имущество взято ими в семьях в Режевской волости. Людей, всех восемнадцать человек, порубили топорами.

Так асбестовские комсомольцы потянули за ниточку клубка. И клубок размотался, вскрыв одну из самых зловещих банд, в составе которой было 75 кулаков и уцелевших колчаковцев. Она хитроумно оперировала в Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском и Ирбитском уездах, умело уходя от погони. Кто знает, не ее ли говорюрезы лишили жизни доктора Ноздрию и механика Вонягина.

Я ТОЖЕ ЗНАЛА МАТЭ ЗАЛКУ

Екатерина ПЯТЫШКИНА

Матэ Залка. Это имя знают многие в нашей стране. Венгерский писатель-революционер. Сражался за Советскую власть. Он же — генерал Лукач, командовавший интернациональной бригадой в Испании. Хочется рассказать о немногих встречах с Матэ Залкой, которые мне подарила судьба более полувека назад.

Было это в 1930 году. Я только начала учиться в МГУ на факультете литературы и искусства. Сразу же нагрузили общественной работой — вела культурно-массовый сектор. Возвращаясь однажды в общежитие, увидела в вестибюле секретаря нашей комсомольской организации с каким-то человеком в темно-синих галфе и френче, обутым в солдатские ботсы с обмотками. Невысокого роста, смуглый, с усиками.

— Где ты ходишь? — набросился на меня наш секретарь. — Вот товарищ... тебя ждет.

Оказалось, что это Матэ Залка. Живет в нашем доме. Организовал красный уголок и вместе с другими писателями-революционерами будет вести культурно-массовую работу со студентами нашего общежития.

И тут же секретаря как ветром сдуло.

Мы пошли в красный уголок. Это была просто комната. В одном углу свалена старая мебель, в другом стояли классная доска, плохо выкрашенный стол, и возвышался деревянный помост. Вид был неприглядный.

За столом сидел мужчина, углубленно над чем-то работал. Опираясь плечом о стенку, стоял другой — молодой блондин в черном кожаном пальто и с белым шарфом на шее. Матэ Залка обратился к сидящему за столом по-венгерски, затем представил его:

— Товарищ Бела Иллеш, венгерский писатель, коммунист.

Тот встал и поклонился мне.

Второй был Антал Гидаш, венгерский поэт, революционер.

— Можно его называть Анатолий. Я его перекрестил, — улыбнулся Матэ.

Матэ Залка спросил, как меня зовут, откуда я родом. Когда узнал, что из Мариуполя, сказал:

— Я тоже там был.

И тут же начал рассказывать о своем путешествии по берегу Азовского моря.

— Шел я долго. На мне были вот такие ботсы. — Вытянул ноги и артистично показал, какие у него были ботсы. — Путь был изнурительным, и я понял, что от них скоро ничего не останется. Тогда я снял их, связал вместе шнурком и перекинул через плечо. — И показал, как это сделал. — До Мариуполя шел босой, усталый и голодный. Время было тяжелое. Все мне отказывали в куске хлеба и крове. С большим трудом дошел до мариупольского порта. И тут один рабочий меня приютил. Я жил у него, пока не зажили ноги. Об этом я написал в своей книге, вы можете прочитать... Давайте договоримся, как мы будем работать, — перешел он к делу. — Наша главная задача — познать, ознакомиться с революционными писателями Запада... Будем готовить доклады о международном и внутреннем положении. А вас мы просим помочь организовать студентов.

Мне не нравилось, когда со мной разговаривали на «вы», и я тут же ему это высказала. Он одобритительно кивнул.

Все они говорили по-русски. Но лучше всех говорил Матэ.

Первый доклад делал Бела Иллеш. Ему приходилось часто останавливаться, подбирать нужное слово. И Матэ приходил ему на помощь. В этот вечер я больше наблюдала за ними, чем слушала доклад.

Матэ Залка все время находился в движении. Его редко можно было видеть сидящим. Любимый маршрут — от стола до дверей. Ходил неслышным шагом, спрятав руки в карманы. Чувствовалось, что у него в это время интенсивно работала творческая мысль.

Занятия в красном уголке проводились раз в неделю. Кажется, по средам. Были встречи с Людвигом Ренном, Анной Зегерс, Томасом Манном. Расскажу коротко о встрече с Манном. Было это в январе 1931 года. Встретиться с ним хотели многие. А стульев не хватало. И ребята разместились на куче мебели, образовав какую-то немислимую пирамиду. У стола тесным кружком стояли писатели и о чем-то спорили. Надо сказать, что они часто и горячо спорили.

Решив таким образом какой-то свой вопрос, представили нам Манна, и Матэ рассказал его биографию. Говоря о его брате Генрихе — тоже писателе, Матэ сожалел, что тот никак не может или не хочет понять суть пролетарской революции. Что он остался приверженцем буржуазного строя и поэтому живет в Германии.

Дальше Томас Манн начал читать отрывки из своей книги по-немецки, Матэ дословно переводил. Конечно, это был не лучший метод знакомства с творчеством писателя. Интерес у слушателей начал падать. Надо было спасать положение. Матэ предложил вольный перевод отдельных отрывков. Это тоже было мало эффективно. И тут неожиданно вместо перевода Матэ сморозил какую-то шутку. Раздался такой дружный хохот, что, я думала, рассыплется вся наша живая пирамида. Больше всех смеялся сам Матэ.

Манн сперва недоуменно смотрел на всех. Потом до него дошло. Он начал протестовать. С большим трудом Матэ взял себя в руки и извинился перед Манном.

Только два человека не участвовали в веселье, они были заняты своими мыслями — Бела Иллеш и Гидаш.

Несмотря на бедность и неприглядный вид нашего красного уголка, обстановка никого не шокировала, в том числе и западных писателей. Они постоянно были там. Со временем и студенты стали ходить туда чаще, не только на мероприятия, а просто за советом. А как эти писатели умели слушать! Каждого, кто к ним обращался, они выслушивали с большим вниманием, уважительно. Высокой культуры были люди. В борьбе и лишениях они сумели сохранить в себе все лучшие качества человека.

Помню вечер накануне Первомайского праздника. Наши западные друзья ждали этот праздник с нетерпением. Первый раз они должны были встречать его в свободной стране. Многие готовились выступить с воспоминаниями о праздновании этого дня в капиталистических странах.

Возвращаясь вечером в общежитие, я еще издали услышала музыку в красном уголке. Пошла туда. Танцующих было так много, что танцевали плотной толпой. Меня окликнул Матэ. Он был одет по-праздничному: костюм, белая рубашка. Сам веселый. Улыбаясь, протянул, как всегда это делал, обе руки, приглашая на танец. Кому-то я сунула портфель, мы закружились. Матэ предложил мне танцевать и петь вместе с ними до утра и отсюда вместе с гармонистом пойти прямо на парад. Я, конечно, согласилась.

И началось веселье! Гармонист играл мелодию за мелодией без остановки. Матэ танцевал и пел со всеми. После двенадцати ночи ряды начали редеть. К двум часам остались почти одни девочки. Но мы не сдавались. И вдруг гармонист на полуслове смолк. Как пулей сраженный, опустив голову на гармонь, тут же уснул. Матэ знаком показал нам не тревожить его, и мы тоже уснули, сидя на стульях.

Проснувшись я от криков и долго не могла сообразить, где нахожусь. А на крыльце несколько девушек и Матэ уже выкрикивали первомайские лозунги, размахивали цвет-

ными косынками. И смеялись, смеялись... Светлое, красивое было утро.

Ровно в 8.30 на нашей лестнице уже было полно знакомых и незнакомых писателей. Гармонист заиграл, и мы все двинулись к Красной площади. Матэ везде попевал. То запекает, то с кем-то перебростится шуткой, то с участием кого-то выслушает. Ни одной минуты в покое.

...Однажды, возвращаясь домой нагруженная книгами, я встретила Матэ. Он поинтересовался, как идет сессия. И я ему пожаловалась:

— Целое море книг, я в них барахтаюсь и не знаю, смогу ли когда-нибудь выплыть на берег или навсегда утону в них.

Он слушал меня, улыбаясь. Потом задумчиво произнес:

— Как бы я хотел утонуть в этом море книг и барахтаться, и барахтаться, и никогда не выплывать на берег.

Я тогда подумала: «Да кто же ему не даст утонуть в этом море книг? Он же писатель. У него уйма свободного времени, не то что у меня — несчастной студентки».

Матэ был непревзойденным рассказчиком. Помню, как он рассказывал смешные истории из своей военной жизни. Артистично, с большим юмором, входил в образ каждого персонажа. Его рассказы были маленькими спектаклями. Помню его слова:

— Вот так, Катя, прошла вся моя молодость: между жизнью и смертью, между смертью и жизнью!

ТАНКИ И ПЕСНИ

Василий ФИРСОВ,
ветеран Уральского добровольческого
танкового корпуса,
почетный гражданин города Болхова

Уральскому добровольческому танковому корпусу исполнилось 45 лет. Много написано о героических добровольцах книг, воспоминаний, рассказов и повестей. А мне часто вспоминаются и те странички из его истории, которые связаны с песнями. Да — с теми самыми «музами на войне», про которые принято говорить, что они молчат, когда говорят пушки.

Не молчали музы!

И сегодня давние стихи и мелодии звучат в памяти ветеранов, всех, кто дожил до наших дней. Знаюкам, специалистам они могут показаться несовершенными, наивными, а подчас, может, и простоватыми. Но с ними связана военная судьба, бои, победы и потери, и воистину — из этих песен слова не выбросишь и не выбросишь сами песни из нашей биографии.

Сегодня, когда перебираю в памяти музыкальные строки, ловлю себя на естественной мысли: а ведь по этим песням можно восстановить чуть ли не весь путь добровольческого корпуса — где, когда, какие города он брал и имена многих его героев

Да и в биографии многих добровольцев вплелись, вместе с грохотом разрывов и ляганьем гусениц, мелодии рождавшихся в боях песен.

Как все начиналось?

Весной 1943 года в ходе формирования корпуса в Свердловске было создано небольшое музыкальное подразделение из числа уральцев-добровольцев. Сейчас бы его назвали ВИА — вокально-инструментальный ансамбль, но в то время мы называли команду музвзводом или джаз-оркестром. Здесь оказались талантливые музыканты, игравшие на многих инструментах, поющие и даже сочинявшие музыку. Конечно, в штатном расписании корпуса не было артистов, не было и оркестра или ансамбля. Кто был санитар, кто разведчик, а кто, как, например, Роза Нотик (о ней я расскажу ниже) — санинструктором. И до войны у всех были разные профессии. Павел Афанасьевич Кондрашов, художественный руководитель, дирижер и композитор музвзвода, прежде был капельмейстером военного оркестра в одной из частей УралВО. Несколько чело-

век пришло прямо из Свердловской консерватории. Одним из них, как, например, Науму Комму, даже повезло успеть сдать один госэкзамен — он сыграл Рахманинова, другие ушли, кто с третьего, кто с пятого курса. Иван Овчинин, воспитанник детдома, круглый сирота, был одаренным студентом, мечтал стать дирижером, по классу народных инструментов доучился до пятого курса. Как и он, Николай Гребеншиков, студент историко-теоретического факультета, тоже ушел в добровольцы с пятого курса, не успев получить диплом. Пришли добровольцами свердловчане Владимир Яковлев и Михаил Шаруненко, одинаково хорошо игравшие и на баяне, и на духовых инструментах...

Своеобразно попала в наш корпус Роза Нотик, юная интересная девушка. К тому моменту она служила в частях ПВО, был у нее хороший голос, она пела в армейской самодеятельности, познакомилась во время формирования корпуса и с нашим ансамблем, выступала с ним. В день нашей отправки на фронт Роза пришла на вокзал проводить товарищей. Ребята из музвзвода уговорили ее «махнуть» с ними на фронт, усадили в вагон и не отпустили до отхода эшелона. 4-я танковая армия, в состав которой входило наше соединение, формировалась под Москвой, когда командир корпуса получил депешу из Свердловска: «Вашем соединении скрывается дезертир Роза Нотик зпт сбежавшая частей ПВО». Сначала генерал рассердился, но, послушав, как Роза поет, послал ответную телеграмму: «Роза Нотик ее просьбе зачислена добровольцем Уральский добровольческий танковый корпус».

Стихи и песни для нашего джазвзвода начали писать еще в Свердловске, а потом и на фронте профессиональные и самодеятельные авторы. Назову тут и Михаила Львова, и Елену Хоринскую, Вадима Очеретина, Розу Нотик, Клару Кацман, написавшую для корпуса первую марш-песню, когда еще мы были в Свердловске.

*Броневые погружены кони,
В путь-дорогу, боец молодой.
На знакомом свердловском перроне
Мы сегодня простимся с тобой,—*

эту песню на стихи Е. Хоринской, подаренную нам перед отправкой на фронт, мы любили слушать.

Много довелось нам услышать между боями песен известных и малоизвестных, песен, что пела вся страна, и песен, которые рождались между атаками на привалах в самом коллективе добровольцев.

Немало рассказано о песне про «черные ножи», но хочется вспомнить ее здесь снова добрым словом, ведь уже новые поколения молодых выросли, может быть, для кого-то этот рассказ первый.

Уральские рабочие, как известно, снабдили корпус добровольцев всем необходимым — от танков до пуговиц на гимнастерках. Златоустовцы сделали специальные ножи, скорее для бытовых нужд, чем для боевых. Но случалось применять их и в рукопашной, к слову, в одном из фильмов показан такой эпизод. Когда корпус начал боевые действия, немецкое командование предупреждало своих солдат, что на фронте объявилось уральское соединение «Черные ножи» — дерутся отчаянно. В Брянских лесах стояли в ожидании пополнения. Вот тут впервые и прозвучала эта песня о черных ножах, пелось в ней об отваге, о верности Родине, о вере в победу. Долго не знали, чьи слова (музыку написал Н. Комм). Сорок лет спустя эти стихи обнаружили напечатанными в газете «Доброволец», что хранится в музее боевой славы. Юные следопыты Урала, идя по пути добровольческого корпуса, оказались в Туле, их тепло встретила Роза Нотик. Она и рассказала, что стихи написала вместе с Иваном Овчининим.

Она же написала позже и слова «Марша наступления». Мы обычно знали, какой город и к какому сроку должны взять, и часто приурочивали к этому событию песню. Эта получилась напористая, эмоциональная:

*Я вижу, как над Львовом стальные
кружат птицы,
И девочки убитой на сером камне
кровь,
Гуляют по бульварам фашистские
убийцы,
Горит мой Львов любимый, разрушен
город мой.*

Портрет крепостного актера?

(См. слайд на 2-й стр. обложки)

Юрий КУРОЧКИН

В конце 1830-х годов молодой учитель Пермской гимназии Павел Иванович Мельников (известный потом как писатель Андрей Печерский) по каким-то своим делам оказался в прикамском селе Ильинском — крепостной вотчине заводладельцев и землевладельцев Строгановых. То, что ему встретилось там, весьма удивило его, и он посвятил этому наблюдению целую главу в своих «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», напечатанных потом в «Отечественных записках». Вот что он писал тогда с несколько барственной иронией.

«...От лекаря мы отправились — как думаете, куда? в театр!!! Да, в театр: в особое здание, исправлявшее прежде должность приходского училища, со сценою, с оркестром, с партером и креслами. Шутите Ильинским! В самой Перми до сих пор не выдвигали комедий, а в Ильинском есть театр. И на нем играют не странствующие сыны Мельпомены, нет — актеры имеют в Ильинском постоянные жительства и служат «писчиками» в вотчинном правлении. Мы вошли в театр, освещенный двадцатью салными свечами и двумя плоскими, от которых дым и смрад носился тучею по зале. Народу было множество, потому что пускали в театр даром. Мы разложили носовые платки в креслах и сели. Спектакль начался. Играли «Семейство Старичковых»... Приезжие из Перми таяли от удовольствия, жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов».

Что в крепостные времена в усадьбах богатых землевладельцев существовали театры, где актерами, музыкантами, балеринами, художниками и режиссерами были крепостные люди, мы знаем хотя бы из повестей Герцена «Сорока-воровка» и Лескова «Тупейный художник», есть и специальная театроведческая литература, где такие театры выявлены, описаны, систематизированы, изучены. Но в этих ученых книгах нет ни слова о таких театрах на Урале, хотя историка края известно, что кроме Ильинского они существовали в Очере, Чермозе, Пожве.

Достаточно было бы с помощью машины времени заглянуть в зрительный зал крепостного театра, скажем, в Архангельском, Кускове или Останкине, чтобы понять, в чем их разница с уральскими, описанными Кирпищиковой и Мельниковым. В раззолоченном зале останкинского театра графа Шереметьева сиял драгоценностями и орденами цвет столичной аристократии. А бревенчатый сарай, приспособленный в Ильинском вначале под школу, а потом под театр, был переполнен «мужиками».

Театр крепостных, а не просто крепостной театр — вот что это было! Ничего подобного ни в России, ни еще где-нибудь не встречалось. А театр в Ильинском, например, существовал не годы, а десятилетия.

На материале Ильинского театра написала свою повесть «Катерина Алексеевна» Анна Кирпищикова. Дочь крепостного, вышедшего в управители, она с детства была зрительницей театра и в повести довольно подробно рассказала о нем. Но театр был лишь фоном в повести, построенной хотя и на реальной основе, но все же не претендующей на документальный очерк — нет ни одной подлинной фамилии, нет списка репертуара, описания деталей постановки, декораций. А так хотелось бы узнать хоть что-нибудь. Но увы...

Впрочем, об одном из участников этого коллектива удалось узнать нечто реальное из неопубликованных воспоминаний сына строгановского крепостного А. А. Вологодина, случайно попавших мне в руки.

Вологдин упомянул там о талантливом крепостном человеке Семене Петровиче Юшкове — художнике, музыканте, композиторе («музыку для водевилей поставлял»). Замечательный собиратель искусства Прикамья Н. Н. Серебренников сумел разыскать и сохранить для потомков несколько его работ — они сейчас в Пермской художественной галерее. Это портреты Н. П. Строгановой и С. Г. Строганова и три портрета членов семьи Шариных, оброчных крестьян села Ильинского.

Со временем выяснилось, что работы Юшкова есть и в Свердловском краеведческом музее, но в так называемых фондах, почему они и не были известны никому, кроме сотрудников музея. В надежде встретить на этих работах что-то имеющее отношение к Ильинскому театру я и поспешил в музей.

Мне принесли два небольших полотна на подрамниках, но без рамок. Масляная живопись, уже несколько тронутая временем — потускневший лак, мелкие трещинки (художники их называют кракелюрами).

На одном из полотен изображен молодой офицер с тонкими, как говорят, породистыми чертами лица. Явно кто-то из аристократов. Надпись на обороте объясняла, что это Александр Николаевич Строганов, представитель одной из богатейших в России фамилий, владельцев Ильинского. По-видимому, обычный барский заказ мастерскому холопу, какие в свое время выполнял крепостной ходок Тарас Шевченко.

А вот другой портрет... Это что-то интересное. Молодой, еще безусый человек, просто, но чисто, по-господски одетый, на шее со вкусом повязанный галстук. Простое, умное и одухотворенное лицо, взгляд с грустинкой чистых и ясных глаз, руки с тонкими длинными пальцами... На обороте помета: «Ильинский крепостной крестьянин Строгановых Михаил Алексеевич Симанов. 1856 год. Получено от Анны Алексеевны Калининой 14 сентября 1929 года».

Держу портрет в руках, и чем-то он все больше и больше притягивает к себе. Что крепостной, в этом не сомневаешься — глаза сказали, но что крестьянин... это вроде не вяжется с обликом внешним и внутренним. Однако писчики, о которых писал Мельников, крепостные служащие Строгановых, по сословию тоже были крестьянами. И не мог ли Михаил Симанов быть, например, тоже писчиком, а значит, мог и в театре играть? Более чем возможно.

Да, было бы замечательной удачей — найти портрет уральского крепостного актера. Это не только пополнило бы иконографию русского крепостного театра, но и стало бы первым экспонатом в изобразительном фонде уральского театра крепостных.

...Смотрю на портрет, заглядываю на оборот его, всматриваюсь через лупу, рассчитывая найти хоть какую-нибудь малюсенькую зацепку в подкрепление мысли, прочно засевшей в голове: актер ведь это, актер!

Но нет, никаких зацепок даже через лупу не нашел. Возвратил портрет, проводил его взглядом, пока он вновь не скрылся в месте своего постоянного хранения, и ушел.

Ушел, а думка осталась. Причин, чтобы утверждать, что на портрете Юшкова изображен актер, вроде бы нет. Зато есть причины предполагать это. И может, кто-то другой, поглубже заглянувший в строгановские архивы, найдет когда-нибудь и документ, говорящий о том, что «ильинский крепостной крестьянин Строгановых Михаил Симанов» был актером крепостного театра.

Давнее ИЗ ПАМЯТИ ПОДНИМУ...

 Как мало дней
 У золотой поры
 Осеннего цветного листопада.
 Ей больше тонкой
 чувственной игры,
 Притворных вздохов жалости
 Не надо.

Она бесстрастно
 Завершает путь —
 Законы бытия просты и святы —
 И в краткий срок
 торопится вернуть,
 Что у земли, дожда
 и солнца взято.

Пришла пора
 Свои дела судить —
 Легко и трудно прожитые годы.
 Смогу ли я,
 Успею возратить,
 Что взял у книг, у песен,
 У народа?

 Полюбила...
 Вот полюбила!
 Сердца-дьявола не унять,
 Ради милого позабыла
 Дом родимый,
 Отца
 И мать.

За кудрявым чубом под кепкой
 Без приданого,
 Налегке
 Поплыла, как малая щепка,
 Будто щепонька по реке.

Перекатами,
 Водовертью,
 По немыслимым по кругам.
 До чего у реченьки этой
 Неприветливы берега.

Все надежды на счастье отнял
 Неприрученный
 Зверь-поток.
 Поскорей бы куда на отмель,
 На покатый белый песок,

Чтобы угол
 С детской кроваткой,
 Чтобы сад за окном шумел...
 Но у миленького — палатки
 Да строительство на уме.

Утешенье, не надо лучше,—
 Перетерпим да подождем.
 Сколько пролито слез горючих,
 Сколько мокнуто под дождем.

Стали праздником перемены,
 Все прошло,
 Поросло быльем.
 Муж заботливый и степенный,
 Чаша полная — теплый дом.

Снова сад раскрывает почки,
 Поезда кричат вдалеке.
 Убежала за милым дочка
 Без приданого,
 Налегке.

Без подушки
 И без перины,
 С чистой верой в юной душе,
 Что с единственным
 И любимым
 Будет рай в любом шалаше.

Ах ты, доченька, боль-кручина,
 Пташка вешняя без гнезда.
 Ты забыла мои седины
 Иль не видела никогда?

Я тебе ли не говорила?
 Я тебя ли не берегла?
 Полюбила...
 Ох, полюбила!
 Все по-своему повела.

Ты не слушай мои упреки,
 А в любви становись сильней.
 Речка, речка,
 Судьба-дорога,
 Будь к ней ласковей, чем ко мне.

 Леса оделись в пышный иней,
 Мороз никольский держит власть.
 А гроздь тяжелая рябины
 Негорьким соком налилась.

И неприкрыто, щедро, ало
 Над свежим снегом зацвела.
 Ей было мало —
 Было мало!

Для полной спелости тепла.
 Не так ли запоздало зреет
 Твоя душа от стужи лет?
 И сердце добротой щедрее,
 И глаз приветливее свет.

 Выйду я под солнышко
 Вечерком
 На крыльце высокое
 Босиком.

Под ногою в елочку
 Половик
 По ступенькам стелется
 Невелик.

А под синей тучею
 За рекой
 Размахнулась радуга
 Широко.

Уронила радуга
 В острова
 Тонкие, расшитые
 Рукава.

Будет много думаться
 Одному.
 Давнее из памяти
 Подниму.

Как отец мой весело
 Ставил дом,
 До звезды названивал
 Топором.

Травы в пояс кашивал
 По росе.

Как вели, бывало, мы
 На крыльце
 Разговоры тихие
 Дотемна...

Все осталось, если бы
 Не война.

Даль заря багряная
 Обняла.
 Отыграла радуга,
 Отцвела.

Как солдатка горькая
 На Руси,
 Чибис над поскотиной
 Голосит.

Василий
Головачев

ПОВЕСТЬ

ВЛАДЫКИ

Рисунки
Д. Литвинова

Автоматические видеокамеры высотой капсулы метеопатруля, обозревающие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроноквантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль светящегося тумана, пролилась по стенам на землю, и покатился кольцевой вал голубого пламени по лесу, оставляя за собой выжженную, спекшуюся от небывалого жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десятки километров вокруг, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно — стены будто покрыли белой светящейся краской, провалы же окон в них были черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров. Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса пришла неестественная тишина...

Запись кончилась.

Ромашин посмотрел на собеседника.

Павел Жданов сидел совершенно неподвижно, в устремленных на выключенный проектор желтых глазах читалось непробиваемое спокойствие.

Он был высок, благодаря развитой мускулатуре выглядел массивным, форму инспектора носил с подчеркнутым щегольством. Лицо его казалось несколько замкнутым, лишенным мимики, — Ромашин отнес это на счет долгой работы в пространстве, вне больших человеческих коллективов.

— Управление¹ из-за этого переведено на режим бедствия? — Павел кивнул на проектор.

— Да, — подтвердил Ромашин. — Хотя внешне масштабы катастрофы не впечатляют.

— Прошу прощения, но мне не очень ясно, почему вызвали именно меня. Разве у земного сектора мало специалистов нужного профиля?

Павел удивлялся не зря. Он был инспектором безопасности дальних космических экспедиций, а Игнат Ромашин возглавлял отдел безопасности научных исследований УАСС Земли — служба одна, но разные направления, объекты, задачи. И вдруг Павла вызывают в

¹ Управление аварийно-спасательной службы (УАСС).

1821 Центр, отстраняют от прежней работы и приглашают в наземный сектор...

— Попробую объяснить. — Ромашин изменил позу, на миг задумался, не отводя глаз. — Во-первых, у вас за плечами десятилетний стаж работы в космосе, а космос воспитывает в человеке умение мыслить раскованно, не стандартно, не стереотипно. Во-вторых, по образованию вы физик, что немало важно; в-третьих, незаурядный спортсмен. Есть и в-четвертых, но об этом поговорим отдельно.

— Звучит интригующе.

— Увы, я вынужден говорить туманно, особенно в той части, что касается выбора вашей кандидатуры. Вернемся к главному. Я введу вас в курс дела, дам связь, код выдачи информации. Будете работать по своим планам и своими методами. Сразу отмечу, параллельно с вами будут работать и уже работают другие группы нашего отдела. Пусть это вас не смущает, дублирование неизбежно — положение дел требует исключительных мер, которых не знает пока никто... Главными консультантами для вас будут Атанас Златков, бывший заведующий лабораторией времени, и инженер-хрономеханик Игорь Марич, непосредственный участник эксперимента. Он — единственный, — Ромашин снова изучающе взглянул в глаза Павла, — кто остался жив из персонала лаборатории. Вы видели, как это произошло. Последствия катастрофы плачевны. Повреждена орбитальная станция дальнего обнаружения — она в момент эксперимента проходила над лабораторией. Вокруг башни хроноквантового ускорителя, мы называем ее Стволом, лес и все остальное уничтожено в радиусе двадцати километров. Нарушен тепловой баланс региона. К Стволу подойти невозможно из-за «хронопены» — темпоральных эффектов. Здание лаборатории уцелело, однако и в него проникнуть никому до сих пор не удалось.

Ромашин замолчал. Павел, помолчав тоже, проговорил:

— Извините, но я все же не понимаю, чем вызван режим бедствия. Эксперимент не удался, произошла катастрофа, нужно провести расследование причин, устранить последствия... так? Обычная формула работы линейных отделов Управления. Где здесь работа для безопасников?

— Эксперимент не просто не удался, он вышел из-под контроля! Хроноген — генератор реакции хронораспада — «провалился» в прошлое на сотни миллионов, а может быть, и на миллиарды лет, но главная беда в том, что Ствол неустойчив, колеблется во времени. Возможно, генератор продолжает работать и уходит все глубже в прошлое. К чему это

может привести, неизвестно. Ваша задача — выяснить степень вины самих участников эксперимента.

Павел безмолвно переваривал сказанное. У него уже скопилось немало попутных вопросов по мере того, как собеседник продолжал рассказ, но высказывать их вслух было преждевременно.

— Запишите код информационного канала нашего отдела.— Ромашин продиктовал семизначное число.— Вопросы ко мне есть?

— Могу я начать работу сегодня?

— Можете, я только что хотел просить вас об этом. Ваш кабинет рядом, комната двести семь...

Пройдя к себе и осмотревшись, Павел сделал вывод, что кабинеты любой организации стандартны до тех пор, пока не приобретут отпечаток личности владельца. В этом работал, очевидно, кто-то назидательно-угрюмый, пожилой, любящий порядок и дисциплину. Эдакий педантичный зануда с лысиной в полчерепа.

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде чем сделать — подумай!», на втором — пункт номер тринадцать Инструкции УАСС, именуемый в просторечии «СРАМ» — «сведение риска к абсолютному минимуму». Интересно было бы взглянуть на прежнего хозяина кабинета, неужели у них в отделе есть такие личности? Впрочем, хозяином мог быть и новичок, стажер, заучивающий инструкцию наизусть.

Павел заглянул в кабину таймфага: пусто, чисто, на стенке карта станций выхода, на другой — крохотная панель с одним-единственным индикатором и сенсором включения, игла указателя перемещения. Вставляешь иглу в гнездо на карте, дуешь на сенсор, и ты — за тысячу километров отсюда, или за миллион, а то и за сто световых лет...

Павел сел за пульт координатора, посмотрел на часы и повернул ключ подачи питания.

С высоты в пять километров колонна хроноускорителя выглядела блестящей белой трубой, из которой струилась марево нагретого воздуха. Труба торчала посреди черной холмистой равнины, рассеченной надвое голубоватым лезвием реки. На равнине кое-где в низинках сохранились останки деревьев, обугленные пни, угрюмо отблескивали перламутровой глазурью оплавленные остовы зданий. Пятиэтажный куб лаборатории у стены Ствола выделялся на черно-сером фоне неестественной фарфорово-снежной белизной.

— Эра Больших и Могучих Дел... — пробормотал сосед Павла.

Инспектор покосился на него. Среднего роста, жилист, малоразговорчив, лицо жесткое, в оспинах мелких шрамов, глаза темно-карие, почти черные, зеркало природы волевой и уверенной в себе. Инженер-хрономеханик Игорь Марич. Впечатление такое, будто его неотступно гложет какая-то мысль.

Их познакомил в кабинете Павла Ромашин, и они сразу направились к месту происшествия: до Брянска таймфагом, оттуда в район катастрофы на патрульном куттере.

На панели управления мигнул желтый огонек, звякнул сигнал вызова. Марич, сидевший на месте пилота, тронул сенсор связи.

— Контроль-два, — раздался в кабине грасирующий баритон.— Борт-икс, вы находитесь в зоне работы аварийно-спасательной службы. Ответьте на волне «триста».

— Все в порядке, второй, — ответил Марич в желудь микрофона над плечом куртки.— Машина инспектора Жданова, отдел «Б».

— Включите автоответчик, иначе вас будут запрашивать каждую минуту. Спокойной работы.

Марич выжидательно посмотрел на Павла. Пора действовать, понял тот и предложил:

— Сядем поближе к зданию лаборатории.

— Ближе чем на два километра не подойти. Вокруг Ствола установлен защитный барьер — «во избежание»...

— Тогда — у барьера.

Куттер плавно заскользил вниз.

— Лаборатория снабжалась энергией централизованно, через земную энергосеть, — спросил Павел, — или имела собственный реактор?

— И то, и другое.— Марич говорил отрывисто, хрипловато и негромко.— Реактор вмонтирован в Ствол на двадцатом горизонте — стандартный кварк-кессон. Мощности его хватало только на поддержание резонанса в ускорителе. Но Ствол сейчас излучает в два раза больше энергии, чем может дать реактор. Внутренних источников ускоритель больше не имеет, внешние отключены, значит, откуда-то идет подпитка.

Куттер бесшумно спланировал на вершину невысокого холма, покрытого коричневой губчатой массой, похожей на пензу.

— Вы хотите сказать, что Ствол откуда-то выкачивает энергию скрытно?

— Выкачивает, но не в нашем времени! Если эксперимент удался, то Ствол превратился в канал, соединивший наше время с прошедшими эпохами. Выходить будем?

— Пожалуй, на минуту. Потом познакомите с Центром.

Из отчета Павел узнал, что Управлением аварийно-спасательной службы создан специальный пояс защиты вокруг лаборатории.

Пояс включал в себя посты наблюдения и контроля за пространством, передвижные генераторы силовых полей, излучатели антимагнетизма, сейсмостанции, установки зондирования горных пород, локаторы и другую технику. Управлял всем сложным комплексом защиты Центр, начальником которого был назначен Атанас Златков, доктор хронофизики, бывший завлаб.

Марич вылез из кабины и прошелся по голый поверхности холма, разминаясь. Из-под его ног при каждом шаге всплывали облачка желто-коричневой пыли. Павел выбрался следом.

— Расскажите о цели эксперимента. В отчете описаны его последствия. Вы ведь находились тогда в лаборатории?

Марич отрицательно качнул головой.

— Я был под нею — в бункере независимой аппаратуры. Бункер имеет отдельный выход, который сейчас разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

— Физик, специальность — нелинейные эффекты единого поля.

— Тогда упрощать не буду. Вам, как специалисту, должно быть известно, что путешествие во времени невозможно без перемещения в пространстве. Земля вращается и движется вокруг Солнца со скоростью тридцать километров в секунду. Солнечная система перемещается в пространстве со скоростью двести километров в секунду. Двигается Галактика в межгалактическом вакууме, не стоит на месте скопление галактик... Короче, чтобы попасть хотя бы в прошлый миг и в ту же точку, необходимо с небывалой точностью рассчитать, где была Земля в то мгновение, и лишь тогда пробивать скважину во времени. Но мы обошли это препятствие тем, что вели самофокусировку хроноскважины.

— И на время эксперимента канал скважины сохраняется?

— Вы хорошо схватываете суть. В ходе эксперимента «стволом временного пробоя» связываются все миллионы Земель различных эпох.

— Что же произошло?

— Мы решили уйти в прошлое на глубину в пять миллиардов лет, к моменту образования Земли. — Марич нахмурился. — Но хроноген почему-то глубже одного миллиарда не шел, несмотря на увеличение мощности пробоя. Он словно напоролся на слой времени повышенной твердости. И тогда возникла идея применить направленную реакцию хронораспада.

— После чего и произошла катастрофа?

— Не знаю. Раз двадцать мы запускали хроноускоритель без ощутимых результатов. На двадцать первый...

(184) — Понятно. Ну, а что послужило причиной катастрофы?

— Не люблю гипотез. Я не теоретик, а инженер-механик. Практик, занимающийся аппаратурой. Вам лучше поговорить со Златковым.

— А все же? Разве у вас нет своего мнения?

— Считаю, что хроноген ни при чем, — сухо проговорил Марич. — Башня ускорителя снизу доверху напичкана системами безопасности и контроля, автоматически прекращающими эксперимент при малейшей опасности. Нет, я не знаю, что случилось.

— Что же, — вздохнул Павел, — и на том спасибо.

Он достал бинокль и принялся рассматривать белоснежное здание лаборатории с черными провалами окон. Казалось, все помещения заполнены странным черным дымом.

Вдруг из-за здания выпрыгнуло круглое черное пятно и стремительно помчалось к близкой белой стене Ствола. Павел разглядел паукообразное существо с длинными суставчатыми ногами, двумя парами глаз, глянцево-цифровым эллипсоидом тела. Поглядывавший на инспектора Марич вскинул к глазам свой бинокль.

— Конкистадор, — пробормотал он через минуту. — Автомат обслуживания ускорителя и оборудования лаборатории. Вполне самостоятелен, дитя второго поколения «мыслящих» автоматов.

Павел повел окулярами в сторону, в километре обнаружил ряд черных труб, направленных на белую башню хроноускорителя, и повернулся к ним спиной.

— Поехали. Центр далеко отсюда?

— Почти под нами.

Центр пояса защиты представлял собой подземный бункер с энергохозяйством и собственной универсальной вычислительной машиной. Зал управления и контроля площадью в триста квадратных метров был занят низкими пультами автоматического монитора защиты, аппаратуры наблюдения, контроля параметров среды, связи и передачи информации. Стены зала служили экранами комбайнов оперативной связи и наблюдения, на один из них был выведен объемный геологический разрез до километра глубиной того участка, где стоял Ствол: на фоне коричнево-черных пластов с вкраплениями красных, оранжевых и желтых полос и трещин — голубоватая круглая колонна, постепенно растворяющаяся в породах равнины на глубине в двести метров.

Атанас Златков сидел в кресле возле одного из пультов, на рукаве его плотной ру-

башки выделялся алый ромб с маленьким серебряным сфинксом. Это был крупный смуглый мужчина с шапкой блестящих черных волос, медлительный и, как показалось Павлу, несколько апатичный.

— Вы далеко не первый, кто просит меня объяснить причины катастрофы,— сказал он в ответ на вопрос инспектора.— Но специалисты вашего ведомства не любят иметь дело с домыслами, им подавай факты, не так ли?

— В общем верно,— согласился Павел.— Вы хотите сказать, что факты, известные вам, в равной мере известны всем остальным, а новых не прибавилось. Угадал?

Златков с проснувшимся интересом окинул Павла взглядом.

— Профессиональная интуиция? Впрочем, неважно, новых фактов у меня в самом деле нет.— Он нахмурился.— Самый страшный из фактов — гибель коллег! А я вот уцелел... и Маричу повезло,— кивок в сторону инженера, устроившегося в кресле перед экраном.— Двое из всего персонала!

Павел промолчал. Трагедия была настолько свежа в памяти этого человека, что любой вопрос о лаборатории воскрешал события и бередил душевную рану. Но не спрашивать инспектор не мог.

— Хорошо. Если вам это необходимо, я выскажу свои предположения.— Златков заговорил быстро, с солидной долей злости.— Связь с лабораторией нет, внутрь пробиться до сих пор не удается. Обычные жестко запрограммированные киберы просто не возвращаются, а конкистадоры не хотят подходить к зданию даже на сто метров. Знаете, что такое конкистадор?

Павел вспомнил биомеханического «паука» и кивнул.

— Странное название для кибера.

— Так их назвал сам конструктор — Фелипе Мендоса. Вероятно, из-за того, что предназначались они специально для нашей лаборатории и первыми должны были «завоевать» время.— Златков задумался, хмуря густые широкие брови, нервно побарабанил пальцами по панели пульта.— В результате эксперимента оказались связанными хроноскважиной различные временные эпохи в разных точках пространства. По моим подсчетам, Ствол соединил не менее трех десятков эпох с промежутками в сотни тысяч и сотни миллионов лет. Сам хроноген вероятнее всего «провалился» глубже пяти миллиардов лет в историю Земли и не вышел из резонанса. С большим трудом мы получаем информацию о точках выхода Ствола на поверхности Земли, но помочь конкистадорам не в силах, им приходится самим удерживать Ствол на грани полного распада. Если бы не они...

(185)

— Мне говорили,— кивнул Павел.— Произошла бы цепная реакция хронораспада.

— Мы посылаем конкистадоров в Ствол сотнями, возвращаются единицы, да и те почти без памяти. Вероятно, выход из Ствола в реальное время стирает информацию на молекулярном и атомарном уровнях. Мы, конечно, ищем способы проникновения в Ствол человека, но задача исключительно сложна, необходимы опыты на животных, и нужен доброволец, который спустился бы «вниз» по Стволу и отключил генератор...— Златков покачал головой, чуть поморщился и снова надолго задумался. Павел терпеливо ждал, поглядывая на экраны, показывающие пейзажи вокруг Ствола.

— Собственно, это все, что я могу сообщить,— с неохотой проговорил Златков, очнувшись от своих размышлений.— Наука о времени не дает однозначных ответов, а предлагает несколько вариантов с разной вероятностью. Коллеги-хронофизики более осторожны в выводах, но они не знают того, что знаю я о работе хроноускорителя. А я... боюсь, что генератор хронораспада «провалился» так глубоко, что нам его уже не достать. Понимаете, на чем висит человечество?

Павел вдруг почувствовал мимолетную неприязнь к этому человеку, ответственному за безопасность не только отдельного коллектива, но и, может быть, всего рода людского на Земле.

— Если ваши эксперименты со временем так опасны,— тихо произнес он,— то почему вы не объявили мораторий на их проведение?

— Прежде чем экспериментировать, ученые создали теорию хронопрокола, или, если хотите, «бурения времени». И до последнего опыта теория и практика сходились даже в деталях, так что ни о каком моратории речь не шла. Кстати, за нашей работой пристально следил СЭЖОН¹, а эта организация, как известно, применяет свои особые полномочия весьма успешно.

— Простите, я поторопился с выводами. И все же, несмотря на расчеты, контроль и прогнозы, катастрофа произошла. Подвела техника, наука, теория? Халатность конкретного человека?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я занимаюсь хронофизикой уже сорок лет, хроноускоритель — мое детище...— Златков махнул рукой, успокаиваясь.— Вам это не нужно. Моя уверенность зиждется не только на интуиции, но и на фундаменте фактов, пусть недостаточно мощном. Катастрофа не должна была случиться. Некоторые странности натолкнули

¹ СЭЖОН — отдел социального и этического контроля за опасными исследованиями в рамках Высшего Координационного Совета.

меня на мысль, что в эксперимент вмешался кто-то чужой... Но об этом мы поговорим в другой раз. Извините, меня ждут.— Начальник Центра поднялся.— Марич в курсе всех событий в лаборатории, в качестве гида он не заменим.

Златков опустил голову и отошел.

— Неужели вы заставили его задуматься о чем-то еще, кроме науки?— с уважением спросил незаметно подошедший Марич.— Мало кому это удается.

— За что вы его не любите?

— Не любите — слишком громко сказано... Скорее, мне его жаль. Он теоретик в кубе, для него существует прежде всего наука, его драгоценные, сверхоригинальные идеи, а потом все остальное.

Павел промолчал. По его мнению, Златков искренне скорбел о гибели сотрудников; что касается его качеств — спешить с выводами не стоило.

Инспектор прокрутил в памяти разговор с начальником Центра защиты. Больше всего его насторожила брошенная вскользь фраза о вмешательстве в эксперимент «кого-то чужого». Неужели такое возможно? Но кто мог вмешаться? По данным косморазведки в Рукаве Ориона — звездном рукаве Галактики, к которому относится и Солнце, — нет цивилизаций, достигших уровня земной. Но, может, такие цивилизации были в прошлом?..

Павел присел на свободный стул у стены зала, соображая, чем заняться в первую очередь. Ему надо было ознакомиться с отчетом об экспериментах лаборатории, начиная с момента пуска хроноускорителя, проанализировать рост энергозатрат, запросить характеристики сотрудников, а также собрать данные наблюдений за Стволом, параметры среды вокруг него, информацию о конкистадорах. Кроме того, следовало составить сводку странных фактов о работе ускорителя до катастрофы и после. И все это за один день.

«Паук» не убежал, смотрел на Павла прозрачно-желтыми линзами размером с детскую ладонь, задумчиво шевелил двумя парами передних лап и словно прислушивался к словам человека.

— Иди сюда, дурачок, — ласково повторил Павел. — Не бойся, ничего плохого тебе не делают.

Стоявший рядом инженер Центра Полуянов усмехнулся в усы.

— Не пойдет. Эвристограммы и память у него, очевидно, стерты, работают только узлы механоинстинктов. Он не убежит, но и не подойдет. Придется оглушать радиовсплеском.

Они стояли в трех километрах от белой

1189

колонны Ствола в низинке между двумя пологими холмами. По дну низинки стлался ручей с рыжей водой, кое-где на склонах сквозь корку такыра проклюнулись зеленые стрелки травы: жизнь понемногу возвращалась на черно-коричневый полигон смерти. Оба — инженер и Павел — были в прозрачных пленочных скафандрах, перепоясанных ремнями антигравов.

Полуянов достал сетчатый карандаш радиомаяка.

— Дорогой ты мой, хорошо, что сумел вырваться оттуда. За сей подвиг мы попробуем тебя подлечить, дружище.

Всплеск радиоизлучения заставил конкистадора подскочить вверх на добрых два метра и рухнуть недвижимой массой.

Они подхватили сорокакилограммового «паука», запеленали в пластиковый мешок и упрятали в багажник поджидавшего куттера.

— Вези в лабораторию, Боря, — сказал инженер пилоту. — Мы вернемся на своей малой тяге.

Павел посмотрел на часы: с момента сигнала наблюдателя о выходе из Ствола конкистадора прошло чуть более сорока минут.

Они достали бинокли и принялись рассматривать Ствол.

— Вы пробовали подойти к стене, взять пробы?

— Анализы можно сделать и на расстоянии. А человеку к стене Ствола в обычном скафандре не, подойти — сработала базисная система безопасности ускорителя.

— Что это значит?

— При автоматических запусках ускоритель уходит в прошлое без людей, и чтобы не подпустить к нему наших хвостатых и бесхвостых предков, а также другую любознательную фауну, в Ствол вмонтирован контур гипноиндуктора. При приближении к ускорителю всему живому внушается одна из самых простых деадаптирующих реакций: страх.

— И много таких систем безопасности?

— Три. Первая — сигнальная, это обычные предупреждающие световые и радиосигналы. Вторая — гипноиндукция, третья — инфразвуковая, отпугивающая. Пошли отсюда, сейчас будет коррекция.

Не успели они пролететь и сотни метров, как Ствол вдруг поголубел, потерял монолитную плотность скалы, стал водянистым, полупрозрачным. Гулкий удар прокатился над холмами, и тотчас же со всех сторон в Ствол вонзились огненно-зеленые стрелы, оставив после себя шлейфы изумрудных искр. Раздалось ядовитое шипение, перекрывшее все остальные звуки. Вторая волна зеленых молний с шипением и свистом накрыла Ствол. С хол-

«Аэлита» — 88

мов сдуло пыль, словно под ударами исполненных плетей.

Павел заметил, что огненные стрелы вылетали из черных труб, с угрозой глядевших в сторону Ствола.

Шипение и свист стихли, на землю легла удивительная, неестественная тишина. Она угнетала, внушала тревогу, противоречила здравому смыслу, потому что могла существовать только в вакууме, где нечему передавать звук.

Полуянов махнул рукой вперед. Павел устремился за ним.

Через минуту они выскочили из «мешка» тишины: в ушах словно лопнула пленка, не пропускавшая звуки, и стали слышны шорохи, посвисты ветра, далекие удары гонга, бормотание громкоговорителей, шумы каких-то машин.

— После разряда хронооптимизаторов — тех черных труб — в зоне вокруг Ствола на полчаса образуется область «белого шума», — пояснил инженер. — Молекулы воздуха «вибрируют» по закону Фрактали, звуки в этой области гаснут мгновенно.

Они опустили у холма, в склон которого были врезаны двери Центра защиты.

Полуянов поднял руку, прощаясь. Павел снял скафандр и направился в зал контроля, где его должен был ждать Марич.

В зале раздавались негромкие голоса операторов связи, наблюдателей, специалистов разных отделов Академии наук. Златкова не было.

Павел пожал холодную руку хроноинженера. Марич выглядел уравновешенно-урюмым, у него были красные глаза, словно он всю ночь читал.

— Ну что? — спросил он рассеянно. — Есть новости?

Инспектор на вопрос не ответил. В обычной для него обстановке в космосе он действовал методом отождествления себя с виновником аварии или катастрофы, проходя этап предварительных размышлений в темпе погоны, основываясь больше на интуиции, точно угадывая доминантные стороны характеров людей. Но в тех случаях были живы свидетели катастрофы, а то и сам виновник. Случай с лабораторией времени отличался от остальных тем, что из ее сотрудников уцелел только Игорь Марич, не сохранилось ни записи эксперимента, ни упоминаний о его задачах и масштабах, ни каких-либо документов, могущих пролить свет на тайну катастрофы.

— Хотелось бы уточнить следующее, — сказал Павел. — У погибших сотрудников лаборатории остались друзья, которые, возможно, что-то могут рассказать о их поведении, настроении, передать последние раз-

говоры перед катастрофой. Кроме того, интересны их высказывания о новых явлениях, друг о друге. А еще меня интересует техника защиты от «хронопены». Можете дать консультацию?

Марич оценивающе посмотрел на Павла.

— Приходите завтра сюда к десяти, я вас проконсультирую.

В тоне инженера проскользнули насмешливые нотки, но Павел не придал этому значения.

В Управлении он встретился с Ромашиным.

— Наши специалисты в техсекторе уже занимаются скафандрами, — сказал начальник отдела. — Зайдите, поинтересуйтесь. Решение, кстати, уже найдено.

— Комплекты противоядерной защиты?

— Нет, противоядерные коконы в условиях «вспененного времени» не годятся, а капсулы высшей биологической защиты слишком громоздки, в здание лаборатории в них не пройти. По заданиям пятидневной давности техсектор создает спецкостюм, через пару дней он будет готов, я узнавал.

— Прекрасно, найду обязательно.

В своем кабинете Павел переоделся, но когда собрался уходить, позвонил Марич:

— Какие у вас виды на вечер?

— Никаких, — честно признался Павел.

— Тогда жду в Центре у прибористов. Хочу предложить небольшую прогулку к Стволу. Не возражаете?

Павел поразмышлял немного, отражая слабый протест расслабленного тела.

— Ждите.

Спустя полчаса он отыскал Марича в недрах лаборатории Полуянова одетым в обычный пленочный скафандр, но с какой-то ажурной антенной, обнимавшей шлем. Инженер протянул увесистый пакет второго скафандра.

— Наденьте на всякий случай, от линий защиты ускорителя он защищает неплохо.

В двенадцатом часу ночи они выбрались из-под земли на склон холма. Ствол был освещен со всех сторон прожекторами и сиял так, что долго смотреть на него было невозможно.

Спустившись в низину с ручьем, перешли его вброд, с полкилометра шли ровным полем. Павел посматривал на молча шагавшего инженера, но вопросов не задавал.

Их трижды окликнули по радио дежурные наблюдатели, пока не вмешался сам Павел. Тогда их оставили в покое.

До куба лаборатории оставалось еще около полкилометра, когда они подошли к яме с уходящими вглубь ступеньками.

— Здесь я вышел... когда очнулся после того, что произошло. — Марич говорил глухо, сквозь зубы.

— Это вход?..— осторожно начал Павел.

— В бункер независимой аппаратуры. И не вход, а запасной аварийный выход. Я уже пробовал пройти туда с конкистадором, да и не я один, но мы кое-чего не учитывали. Попробуем еще раз вместе?

Павел на мгновение растерялся, он не был готов к несанкционированному штурму лаборатории, но колебался недолго, чутко ощущая напряжение партнера.

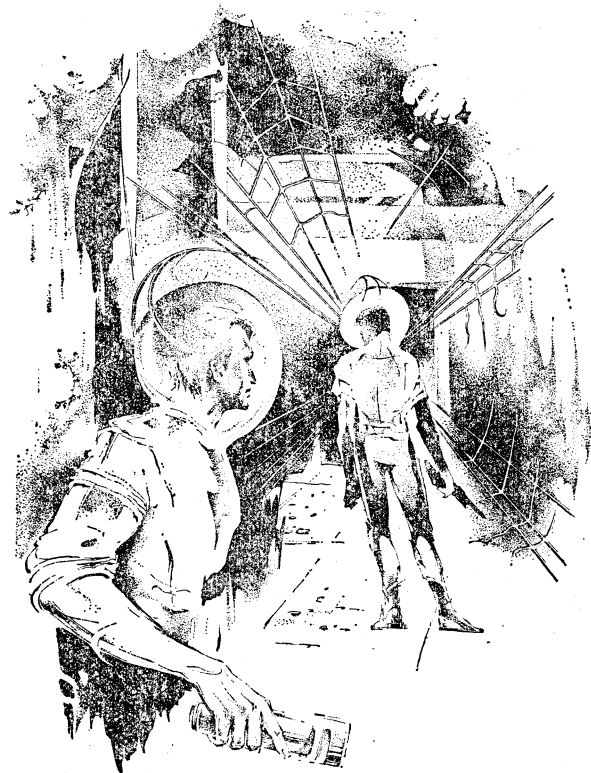
— Идем. Что у вас есть кроме фонаря?

— «Универсал» и батарея спецснаряжения, как и положено разведчику. У вас в поясе такая же. Я пойду первым, прикрывайте тылы и следите за каждым моим жестом. Вполне возможно, что придется драпать без оглядки. «Хронопена» — очень скверная штука. Если она прорвется в тоннель...

Не обращая внимания на высветившуюся в воздухе очередь алых букв: «Вход запрещен! Опасно для жизни!» — Марич включил фонарь и полез вниз.

Павел кинул взгляд на сияющую гору Ствола, скрепя сердце шагнул на ступеньку из черного базилита.

Метров сорок они преодолели без труда: здесь уже поработали роботы, подрасчистили завалы и выровняли пол, но потом ход сузился из-за вспучившихся стен, потолок прогнулся так, что местами приходилось чуть ли не вставать на четвереньки. И наконец дорогу преградила металлическая на вид стенка с

(188)

листом обычного пласт-папира: «Впереди опасная зона! Кто пойдет дальше — пеняй на себя!»

Марич хмыкнул, сорвал листок, скомкал и выбросил. Оглянулся. Лицо у него было какое-то обостренное, веселое и злое одновременно.

— Дальше действительно опасная зона, опасная прежде всего неизвестными хроноэффектами. До сих пор удивляюсь, как я ее прошел, когда выбирался из бункера. Кстати, до него всего метров триста. Но я недаром взял «универсал». — Марич снял с пояса пистолет. — Я выяснил у знакомых физиков, что «хронопена» боится энергоразряда. Сейчас проверим их гипотезы практически.

Павел молчал. Он не был трусом, но и рисковать любил с открытыми глазами, рассчитав последствия рискованного шага и максимально собрав информацию о препятствии. В данном случае он оказался в глупом положении, с самого начала поддавшись энергичной уверенности инженера в правильности своих действий.

Марич посчитал молчание Павла за согласие и разблокировал дверь. Казавшаяся металлической перегородка исчезла, оставив вместо себя пылающую алую надпись: «Стоять! Опасно для жизни! Проход запрещен!». За перегородкой шел узкий тоннель, одетый в броневую каркас, весь оплетенный паутиной, так что уже в десятке метров все тонуло в белесом туманном мерцании.

Инженер поднял пистолет, проговорил: «Оплели тут все, паршивцы, пройти невозможно!» — и выстрелил. Сверкнуло фиолетово-голубое пламя разряда, в то же мгновение тоннель изогнулся, как живой, в грудь шибануло раскаленным ветром, Павла подхватила неведомая сила и с размаху шмякнула обо что-то упруго-неподатливое...

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на холме, прислоненный к глыбе гранита, а рядом сидит Марич с лицом старика. Он заметил движение инспектора и улыбнулся криво, словно извиняясь.

— Что случилось? — сипло спросил Павел, сглатывая горькую слюну. — Как я здесь оказался?

— Вышел сам. Разве не помнишь?

— Абсолютно!

Павел с некоторым трудом встал, ожидая болезненных ощущений, но их не было, только ноги казались ватными. Сзади, за глыбой камня, в земле чернело отверстие... нет, не отверстие — матово-черный диск с идеально ровной поверхностью.

— Что это?

— Это? — Марич усмехнулся. — Спросишь завтра у Златкова. Когда мы рачьим манером

«Аэлита» — 88

выползли оттуда, эта черная штукавина поднялась следом из дыры, как вода. По-моему, в бункер нам пройти не удастся.

— Кто говорит о бункере? — раздался в наушниках голос диспетчера ночной смены контроля. — Вы, двое у лаборатории, скоро прекратите нервировать спасателей? Что там у вас произошло? В вашем районе возрос радиационный фон.

— Возвращаемся, — буркнул Марич и встал. — Пошли, инспектор. Не повезло сегодня, повезет завтра. А ты парень ничего, сдержанный. Видел же я, что хочешь остановить, но не остановил. Знаешь, когда я выстрелил, кто-то мне так внятно и громко сказал: «Дурак!». Не ты, случайно?

Павел сдержал улыбку, отрицательно качнул головой.

— Я сразу вырубился, начисто.

— Ясно. Да и голос вроде не твой был... Мне почему-то меньше досталось, хотя я стоял впереди. Оглядываюсь — ты качаешься, вот-вот упадешь. Я тебя толкаю к выходу, зову, а ты молчишь, только ноги передвигаешь, как сомнамбула.

— Ничего не помню.

Больше они не разговаривали. Только прощаясь с Павлом, инженер задержал его руку в своей, но так ничего и не сказал. Если бы Павел догадался его спросить, дальнейшие события могли бы повернуться иначе...

Наутро он снова полетел в Центр защиты и не узнал местности вокруг Ствола: угрюмая чернота и ржавые полосы исчезли, холмы, равнина, речные террасы поросли сочной изумрудной травой, преобразившей ландшафт в удивительно опрятный, чистый и веселый уголок природы. Ствол гляделся на этом зеленом фоне естественно и празднично, не вызывая привычной тревоги: незатейливая белая колонна, диаметром в километр и высотой в два; на Земле много сооружений, больших по масштабам и сложности.

В зале контроля инспектора встретил Златков.

— Говорят, вы ночью опускались в преисподнюю. Это правда?

— Правда, — смущенно признался Павел. — Глупо и несерьезно, конечно, но так уж получилось.

— Марич умеет заражать своей энергией окружающих.

Павел не ответил, думая, что инженер виноват не больше, чем он сам.

— В бункер независимой аппаратуры пройти, к великому сожалению, невозможно. «Хронопена» просочилась и туда. А теперь, после вашего похода, весь тоннель заполнен

«аморфным временем», субстанцией с максимально возможной энтропией... Вы ко мне?

— Простите, что отвлекаю, — встрепнулся Павел, ощущая себя мальчишкой, которого выдрали за уши. — У меня всего два вопроса.

— Валяйте, — без выражения сказал Златков.

— Можете объяснить непосвященному, почему хроноускоритель в ходе некоторых запусков резко увеличивал энергопотребление и тут же уменьшал до нуля?

Златков перестал глядеть на пульт, но глаза его по-прежнему оставались равнодушными.

— Для нас это пока тайна. Теоретики разработали любопытную гипотезу, но проверить ее оказались не в состоянии.

— Вы можете поделиться идеей хотя бы вкратце?

— Нет ничего проще. В ней утверждается, что Ствол наткнулся на встречную хроноскважину древней цивилизации Земли, основанной предками дельфинов около двухсот миллионов лет назад. — Златков еле заметно усмехнулся, заметив растерянность Павла. — Вы сами этого хотели. Теоретики не скованы цепями здравого смысла, тем более что их расчеты сходятся с фактами. Другая гипотеза и вовсе экзотична: Земля вмещает бесконечное количество цивилизаций, не имеющих контакта между собой, потому что живут они во времени, «повернутом» относительно друг друга на определенный «угловой квант». И наш Ствол где-то соприкоснулся с таким же Стволом кого-то из «соседей».

Павел невольно покачал головой.

— Вы меня ошеломили. Неужели такое возможно?

— Кто сказал нет? Теоретически можно создать любой континуум с любым ходом времени и даже вообще без времени. Еще сто лет назад считалось, что инвертировать время невозможно, а сегодня Ствол «пробурил» его на миллиарды лет в прошлое!

— У меня остался последний вопрос. Однажды хроноускоритель включился сам, ночью. Есть мысли по этому поводу?

— Были, сейчас нет. В рамках двух последних гипотез, с которыми я вас познакомил, укладывается и этот случай.

Взгляд Златкова был прикован к панели контроля среды. Павел тихонько отошел, посмотрев на часы. Марич обещал прийти в десять, но шел уже одиннадцатый час утра, а его не было. В это время в зале прозвучал гудок.

— В зоне человек! — доложил автомат. — Тревога!

В первое мгновение Павел подумал, что

человек вышел из лаборатории, но потом понял — тот шел к зданию, а не от него. Видеокамеры поймали его и показали крупным планом на главном виоме.

Человек в толстом голубом комбинезоне с ранцем и непрозрачным конусовидным шлемом спокойно приближался к Стволу.

Несколько операторов связи начали вызывать незнакомца, в воздух поднялись куттеры аварийного патруля. Но тут неизвестный оглянулся, помахал рукой, словно знал, что за ним наблюдают, и в зале раздался характерный, глуховатый, с легкой хрипотцой голос Игоря Марича:

— Не надо меня спасать, Атанас, я все рассчитал. Надо прекращать эксперимент, стрелка которого давно выскочила за шкалу риска. И я надеюсь, что в лаборатории кто-нибудь остался жив.

— Что ты делаешь, безумец! — изменившимся голосом сказал Златков в микрофон. — Ты же знаешь, никто не может пройти по зоне «хронопены», где время прямо преобразуется в пространство. Никого не спасешь и сам погибнешь напрасно!

— А вот тут ты ошибаешься, — донесся голос Марича. — Польза уже в том, что я хотя бы проверю скафандр, который сделали в техсекторе. Повинись за меня, я его украл, кому-то ведь надо проверять его в деле.

— Игорь... — Златков замолчал, оттолкнул микрофон и бросил в сторону сквозь зубы: — Он никогда не понимал, что авантюра не сродни риску!

Вот что имел в виду инженер, приглашая меня сюда к десяти часам, подумал Павел. Кто мог представить, что он способен на такое! Недооценил я его, однако...

Марич тем временем остановился в ста метрах от здания лаборатории, достал из ранца черный кубик, нагнулся, что-то сделал, и кубик превратился в паука-конкистадора.

— Я тут взял с собой помощника, — продолжал Марич. — Специально программировал, убрал блок самосохранения, вывел на блок памяти запись своих датчиков, я их нацепил целую кучу. В случае чего он выскочит, и вы все узнаете.

Конкистадор у ног инженера зашевелился, два раза подпрыгнул на месте, словно разминая ноги, и помчался к главному входу в здание. Не добежав с десятков метров, он вдруг засветился оранжевым светом, очертания его искажились, заколебались, будто в струе нагретого воздуха. В следующее мгновение он вырос в размерах вдвое, и следить за ним стало невозможно — он почти «размазался» от скорости, человеческих реакций не хватало для визуального наблюдения за ним.

(198)

— Зону эффектов он прошел, — с облегчением произнес Марич. — Я, грешным делом, боялся. До встречи, спасатели! Атанас, передай привет этому парню, инспектору, понравился он мне. Если мне пройти не удастся, он справится.

Все в зале оглянулись на Павла. Тот молчал, ждал, чем кончится происшествие. Идти к Маричу на куттере без защиты было обычным самоубийством. Все понимали это, никто — ни наблюдатели-ученые, ни спасатели — не предвидел такого поворота событий.

— Опасайся глухой черноты, — бросил вдруг Златков. — Черная «жидкость», ты должен помнить, ночью видел в дыре выхода из бункера. Не подходи близко, судя по всему, это предсказанное «аморфное время».

Марич снова помахал рукой, постоял у входа в лабораторию и вошел. Он молчал, но скорее всего радиоволны не проходили сквозь слой «хронопены».

Потянулись минуты ожидания, сложились в часы. Ждали наблюдатели, операторы, ученые, спасатели, пилоты аварийного патруля, готовые лететь хоть к черту в зубы. Марич не возвращался.

Он вернулся он и через день. И лишь через двое суток из лаборатории выполз конкистадор. Бок его был наполовину снесен, глаза не светились, но он все же сумел пройти границу зоны преобразованного времени, где его подобрала роботы. Однако блок памяти его оказался пустым.

Начальник отдела кивнул на ряд кресел у стола, Павел сел, окидывая взглядом пейзаж видеопласта. Кабинет Ромашина представлял сейчас собою каменную террасу на склоне горы.

Ромашин перестал порхать пальцами по клавиатуре стола, несколько секунд читал бегущие по черной матовой панели световые строки и коснулся сенсора «отбой». После этого вылез из-за стола и сел рядом с инспектором, глядя на космы облаков, плывущих у вершин гор.

— Разобрались?

Павел покосился на его седую у висков шевелюру.

— В основном. У бывшего заведующего лабораторией есть интересная идея, объясняющая причины катастрофы. Он считает, что в эксперимент вмешался кто-то чужой.

— Это подтверждается фактами?

— Утверждать не берусь, но некоторые факты действительно говорят в пользу гипотезы. По сообщениям конкистадоров, оборудование Ствола работает в экстремальном

режиме, внутри Ствола находятся люди, но связи с ними нет.

Ромашин кивнул.

— Как вы считаете, Игорь Марич погиб?

— Вероятно, хотя надежда на его возвращение остается. Вполне возможно, что внутри лаборатории время течет медленнее, чем вне здания.

— А не мог он проникнуть в Ствол через выходы лаборатории?

— Не исключено, однако чтобы это проверить, надо повторить его попытку. Конкистадор, вернувшийся оттуда, пуст, как консервная банка.

Ромашин перевел взгляд на Павла, в глазах его мелькнула тень сожаления и вины. И намек на сомнение.

— Не торопитесь с разведкой, прежде рассчитайте варианты проникновения в здание. Ошибки быть не должно. И еще: вы слышали о странных явлениях в атмосфере Земли, в Приземелье и на границах Системы?

— Нет.— Павел не стал рассказывать Ромашину о ночном походе с Маричем к Стволу.— В последнее время я не слушаю программу новостей.

— Вкратце дело вот в чем: две недели назад над Стволом засветилась область стратосферы площадью в десять квадратных километров. Издали очень похоже на северное сияние. Кроме того, в десяти тысячах километров от поверхности Земли над той же точкой обнаружен «пузырь отталкивания» — зона, не пропускающая через себя ни одно материальное тело. Диаметр «пузыря» около двухсот километров. Визуально он не наблюдается, никаких аномалий физических полей не обнаруживает, но при попытках преодолеть абсолютно пустое пространство «пузыря» возникают силы отталкивания.

— Занятно,— тихо проговорил Павел.

— Вы находите? Ну и последнее: у полюсов эклиптики, на расстоянии около одной астрономической единицы, объявились «прозрачные дыры» — зоны поглощения вещества. В одну из них засосало несколько автоматических зондов и беспилотный астрономический модуль, в другую — станцию СПАС-42. Из пяти членов экипажа спастись удалось троим. Объяснить причины всех этих явлений ученые пока отказываются, но нет сомнения в их связи с катастрофой, вернее, с работающим до сих пор Стволом.

— Эта мысль приходит в голову в первую очередь.

— Совершенно верно. Тем более что явления стали наблюдаться две недели назад, как раз после катастрофы, а области свечения, отталкивания и поглощения укладываются на прямой, проходящей через Ствол.

[191]

— Эксперты не пробовали прощупать космос дальше по вектору?

— Интересная мысль! Мы предложим проверить... Что ж, степень вашей автономности остается прежней. Готовьтесь к вылазке в лабораторию, восстанавливайте обстановку в зале управления во время эксперимента. Сможете определить степень опасности работающего Ствола?

— Не знаю,— помедлив, ответил Павел.— Наверное, только при наличии полной информации о положении дел. Пока же Ствол для нас — «черный ящик». Никто не знает, почему он работает и в какие времена проник.

Ромашин встал, походил по кабинету и сел за стол.

— Вы мне напомнили... Вам не кажется, что возник парадокс? По свидетельствам конкистадоров, ближайшие точки выхода Ствола в реальное время — двести лет назад, триста, десять тысяч. Почему же нет документов из прошлого, что эти события имели место? Ведь для нас-то они уже произошли? Предки должны были отразить их в документах, летописях...

— Парадокс и в самом деле существует, но физики объясняют его по-разному. Одни — тем, что в силу вступил закон затухания последствий. Второе объяснение весьма оригинально: эксперимент закончился в ту же секунду, когда и начался. То есть все, что мы сейчас переживаем, — один из возможных путей развития эксперимента, как бы «сон» Вселенной. Исчезнет причина хроносдвига — исчезнут, как и не было, события, происшедшие после пробоя хроноскважины. Но есть и еще более экзотичные гипотезы. Например, что Ствол вышел в прошлом в «соседних временных углах», именно поэтому нет в нашей истории свидетельства его выхода.

— М-да, любопытно. Вам нужна моя помощь?

— Пока нет.

— Тогда до встречи. Жду вас через два дня... если ничего не случится. Надеюсь, мир просуществует столько времени.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение, и Павел вернулся в свой кабинет. Там записал появившиеся мысли на кристалл, прочитал поступившие по запросам сообщения и заторопился в экспертный отдел Академии наук. А вечером его нашел дежурный по Центру:

— Жданов? Вас вызывает «роуд-аскер» сто семь.

Код «роуд-аскер» сто семь означал немедленную явку.

Павел посмотрел на часы: шел двенадцатый час ночи.

— Буду через двадцать минут.

«Аэлитар» — 88

В бункере Центра его ждали Ромашин, Златков и директор УАСС Ив Костров. До этого Павел видел директора всего два раза, и то, что руководитель столь мощной организации «снизошел» до посещения Центра защиты, указывало на серьезность происходящих событий больше, чем другие факты.

Ив Костров был среднего роста, нетороплив, скуп на слова, ширококул и рыжеволос. Твердый рост, пристальный взгляд из-под припухших век... Павел, здороваясь, встретился с ним глазами и понял, что оценен и взвешен взыскательно и точно — он, инспектор космосектора УАСС, считавший себя неплохим психологом, непроницаемым для других!

— Дела наши не блестящи,— сказал Ромашин.— Только что получен анализ состояния среды вблизи Ствола: изменены все природные параметры, обнаружена широкая гравитационная депрессия, растущая в глубь Земли. Кроме того, открыты странные объекты в космосе, расположенные по вектору от Ствола на расстоянии около тридцати тысяч астрономических единиц от Солнца. Но самое главное, что дальше нас не пропустили!

— Как не пропустили? — удивился Павел.— Кто не пустил?

— Не знаю. Путь в космос в этом направлении блокирован. В световом полугодие от Солнца корабли УАСС наткнулись на неизвестное поле, отбросившее их назад.

— Может быть, надо просто обойти эту область?

— Результатов пока нет.— Ромашин посмотрел на директора Управления и замолчал.

— Вы догадываетесь, зачем вам все это говорится при мне? — спросил тот, сдерживая в голосе басовитые гроыхающие нотки.

Павел кивнул:

— Под угрозой жизнь многих тысяч людей, и надо спешить с выключением Ствола.

— Под угрозой существование цивилизации — вот как стоит вопрос! Необходимо сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить грядущие катастрофы. Покажите мне оборудование Центра и его структуру,— обратился Костров к Ромашину.

Инспектор остался стоять рядом с молчащим Златковым.

— Ну и ну,— пробормотал Павел.— Час от часу не легче!

— Он еще слабо сказал,— тихо произнес Златков.— Под угрозой существование Вселенной, а не только земной цивилизации! Я боюсь, как бы хроноген не «провалился» к самому моменту возникновения нашего Мироздания!

— Вы как-то сказали, что у вас разрабо-

(192) тана собственная гипотеза о причине катастрофы...

— Не отрицаю, гозорил. Разве Марич не отбил у вас охоту выслушивать бредовые идеи?

— Напрасно вы о нем так...

Начальник Центра пожал плечами.

— Не судите пристрастно о наших отношениях. Он меня не любил, это верно, да и я его не жаловал за несдержанность, излишнюю категоричность, но он прекрасный специалист... Был. Жаль, что он пошел на тот безумный шаг без подготовки.

— Вы не ответили.

— Извольте. Я уже высказывался на эту тему. Одно из двух: вмешались или чужие разумные существа, или наши с вами правнучки. Многое говорит в пользу второго: раньше мы не могли проникнуть в прошлое глубже миллиарда лет, а тут вдруг прорвались гораздо ниже; не могли ни на минуту выйти в будущее, и вдруг вышли. На поддержание ускорителя в рабочем состоянии нужна колоссальная энергия, почти четверть дневного ресурса земного энергояса. Откуда она поступает в Ствол?

— А если чужой разум?

— По логике происходящего — похоже. Коль уж затронута будущее Вселенной, другие цивилизации не могли не вмешаться. Но их вмешательство заметили бы сразу, оно было бы наверное сравнимо по мощности с общеземной катастрофой. Если бы я мог попасть в Ствол и посмотреть записи регистраторов!

Павел вздохнул.

— Тогда я был бы не нужен. Хочу вернуться к вашему утверждению об угрозе существованию Вселенной. Доказательства есть? Слишком уж фундаментальные вещи затронуты этими страшными словами. Вы не преувеличиваете степень опасности?

— Может быть,— неожиданно легко согласился Златков.— Извините, мне надо работать. У вас еще есть вопросы?

Павел вдруг понял, что устал.

— Нет. До свидания.

Выходя из зала, он оглянулся. Директор УАСС и начальник отдела безопасности смотрели ему вслед.

В отдел Павел прибыл в половине восьмого утра и первым делом прочитал поступившую свежую информацию. По его просьбе расчетная группа отдела безопасности смоделировала обстановку в главном зале лаборатории во время эксперимента. Все было, как обычно: мощность хроноимпульса, работа силового оборудования Ствола, разговоры

по интеркому с абонентами вне здания лаборатории — нашлись записи. Ничто не предвещало катастрофы, никто из экспериментаторов не заметил ничего необычного. Во всяком случае, за полчаса до катастрофы.

Быстро дочитав остальное, Павел отправился в отдел разработки индивидуальных средств защиты — «отдел бронемастеров», как его называли в техническом секторе.

Его встретил сам начальник отдела Тишо Алюш, бронзоволицый, с орлиным носом и пронзительными глазами. Одет он был во все красное и коричневое, как ни странно, гармонирующее с цветом лица и фигурой.

— Проходите, — пригласил Алюш; голос у него был гортанный, горловой, и слова он выговаривал очень четко и правильно, как диктор интервидения.

Небольшой прямоугольный зал был поделен на отсеки, соединенные лентой транспортера, из дальней стены выростали выпуклые щиты с люками и окнами — камеры испытаний. В зале было свежо и тихо, витали приятные травяные запахи.

Алюш провел Павла в самый конец зала к последнему отсеку. В огороженной с трех сторон молочным пластиком комнатке стояли какие-то сложные агрегаты, у которых возились две девушки и юноша. Четвертый работник сидел перед экраном и следил за вспыхивающими в окошках на пульте зелеными и красными цифрами.

Алюш повернулся к Павлу, кивнул на экран.

— Испытываем ваш скафандр. — Начальник отдела снял с зажимов одной из машин какой-то черный сверток с блестящими полосами и развернул в плоское подобие человеческой фигуры. — Внутренняя оболочка. Она будет служить фильтром и удалять отходы метаболизма. Управляется биотоками, но есть и звуковое дублирование.

Павел с сомнением потрогал мягкую и эластичную пленку.

— А я в нее влезу?

— Не волнуйтесь, она рассчитана на крупногабаритную начинку. К сожалению, готов только первый скафандр, а он в камере.

— Нельзя ли посмотреть?

— Нет ничего проще. Сеня, включи передачу из камеры.

Низкорослый Семен включил видеосвязь с камерой, одна из стен отсека исчезла, и на ее месте явился короткий круглый тоннель, заполненный слоистым голубым дымом. В дыму бродила странная серая фигура с конусом вместо головы. На спине у нее выростал круглый горб — генератор защитного поля, на поясе — ряд приборов и светящихся индикаторов.

[193]

Семен поколдовал на пульте, дым в камере исчез.

— Что, конец? — раздался с пульта голос испытателя.

— Еще нет, Лори, — ответил Семен. — Пришел инспектор безопасности, хочет посмотреть, как ты выглядишь в скафандре.

— Ну и как я ему?

— Нормально, как горбатая горилла.

Павел покосился на Алюша, смущенного юмором подчиненных, и некоторое время рассматривал скафандр со множеством окошек, штуцеров, рубчатых полос и выпуклых ромбов, превративший человека в неизвестное науке существо.

— Выглядит довольно необычно, как панцирь мезозойского пресмыкающегося. Мне пришлось перепробовать все типы скафандров для космических исследований и разведки, но такого я еще не видел.

Он покинул отдел через полчаса и вскоре был уже под Брянском, в зале Центра защиты, психологическая атмосфера которого заставляла его с особой остротой ощущать нависшую над миром грозную непредсказуемую опасность. Знакомого инженера, занимавшегося засылкой в Ствол конкистадоров, Павел обнаружил в отделе программно-кибернетического обеспечения.

Помещение напоминало «отдел бронемастеров»: те же кубы отсеков, за перегородкой терминал вычислителя, видеоселектор, в центре черный круг с манипуляторами. На круге стоял конкистадор, у которого возился Федор Полуянов.

— Извините, что отрываю от работы, — сказал Павел.

— О чем разговор, — развел руками Федор, сероглазый, плотный, с пышными усами. — Ваша фирма настолько серьезна, что ее уважают даже неспециалисты.

Он нашел два свободных кресла, сели в уголке, чтобы не мешать работающим у пульта.

— Что вас привело к нам сегодня?

— Хочу узнать подробнее, что удалось выудить у конкистадоров о работе хроноускорителя.

— Тогда подвигайтесь поближе, кое-что покажу. — Федор придвинул кресло к пульта и вырастил из панели усик мыслеуправления. — За две недели с момента катастрофы из Ствола вышли одиннадцать конкистадоров, последнего мы лозили вместе. Блоки памяти у них были разрушены, однако кое-какие крохи информации о работе систем Ствола удалось наскрести.

Инженер включил проектор, вспыхнувший виом раздвинул стены помещения. Павел увидел часть песчаного пляжа, нависающую над

«Элита» — 88

ним циклопическую сизо-синюю стену, какие-то бурые высохшие растения и россыпь камней. Но не это привлекло внимание инспектора: на переднем плане виднелись полузасыпанные песком матово-черные полусферы, из которых торчали длинные красные хлысты, похожие на удочки,—не то антенны, не то усы.

— Одна из самых качественных голографий, полученных нами от конкистадоров. После обработки, разумеется. Видите полусферы с антеннами? Это главное доказательство того, что в Стволе находятся чужие разумные существа. У нас такого оборудования в Стволе нет.

Подождав немного, Федор сменил изображение.

Низкая темная комната, закопченная и грязная, а может быть, сказалось качество голографии. Посередине круглая колонна с черной дверью, рядом с колонной люди, мужчина и женщина. Лица немного смазаны, но заметно, что они устали.

— По одежде—выходцы из двадцатого века. Как они туда попали—неизвестно.

Снова смена изображения.

Снежная равнина с чахлыми кустиками, а вдали—золотистый купол, похожий на пухлую шапку светящегося тумана.

— Хроноскважина,—пояснил инженер.— Канал непосредственного преобразования пространства во время. Остальные снимки, к сожалению, некачественные, почти ничего не разглядишь. Кроме голографий, мы получили записи состояния некоторых агрегатов Ствола. Нет сомнения, хроноген продолжает работать и удерживать Ствол в состоянии «вибрирующей струны». Состояние это опасно тем, что в любой момент время может «пойти вразнос»—термины условны, и... никто ничего не успеет понять. Мы просто исчезнем, а вместе с нами и обозримая часть Вселенной. Перспектива не из приятных, не правда ли?

— Меня сбивает с толку, что вы так легко рассуждаете об этом.

— Потому что не верю в пессимистические прогнозы! Мы, считавшие себя владыками пространства и времени, разбудили такие чудовищные силы, что наши старшие братья по разуму не могли не вмешаться. Полусферы с антеннами наверняка являются их аппаратами.

Пазел с сомнением покачал головой.

— Что-то вид у них больно непрезентабельный. Вмешательство иного разума я представляю себе не так. Во всяком случае, без применения техники, похожей на нашу. Каким образом конкистадоры пробираются в Ствол?

[194]

— Через особые точки. Бывает, что некоторые участки Ствола «выпадают из резонанса», тогда в этой точке происходит выброс особой субстанции, нечто вроде черного тумана или жидкости, которую теоретики называли «аморфным временем». В момент окончания выброса можно успеть проскочить внутрь Ствола. Но нужна исключительная реакция, превышающая даже возможности конкистадоров. По подсчетам, из десяти запускаемых автоматов проходят в Ствол два-три, ну, а назад возвращаются и вовсе единицы из сотни, да и те инвалиды.

— Из людей никто не пробовал пройти в Ствол?

— Никто... кроме Марича. Это ведь равносильно самоубийству.

Второй раз Павлу напоминали об опасности его будущей вылазки. Конечно, он имел право отказаться, но кто-то же обязан проникнуть в хроноускоритель и выключить этот проклятый генератор?

— Чем грозит человеку столкновение с «хронопеной»? Мне много говорили об опасности зоны темпоральных эффектов, но чем она опасна конкретно?

— В зоне «хронопены» рядом существуют области пространства, в которых время течет в разных направлениях и с разной скоростью. При переходе из области в область может произойти нарушение тонкой структуры мозга—распад психики, распад личности.

— М-да...—протянул Павел.—Атаковать Ствол в лоб действительно опасно. Спасибо за предупреждение.

— Всегда к вашим услугам,—серьезно сказал Федор.

Инспектор вернулся в зал контроля и попросил диспетчера выдать ему статистический отчет об изменениях среды вокруг Ствола за последние двое суток.

Полчаса ушло на изучение отчета, выведенного на дисплей. Ромашин не зря обращал внимание Павла на характеристики среды в месте расположения лаборатории. По отчету выходило, что процесс изменения среды постепенно ускоряется. Неожиданным было появление гравитационной депрессии. Поле тяготения вокруг Ствола приобрело форму вогнутой линзы: направление силы тяжести уже не совпадало с перпендикуляром к земной поверхности, и люди вдруг начинали идти под углом в пятнадцать градусов к вертикали. Летательные аппараты в полете по горизонтали, приближаясь к Стволу, начинали полого скользить вниз, альтиметры давали снижение высоты, а гравиметры упрямо твердили о неизменности потенциалов гравитации.

«Аэлита» — 88

Со Златковым поговорить не удалось. Пока Павел беседовал с диспетчером, начальник Центра исчез из зала в неизвестном направлении. Видимо, он устал от бесконечных вопросов и не хотел снова и снова повторять азбучные, по его мнению, истины.

Павел соединился с базой УАСС в Калининграде и попросил подготовить к полету модуль, перебросив его в район Брянска, к станции таймфага. Модуль, способный совершать «теневые» прыжки внутри Солнечной системы, понадобился ему, чтобы посетить те странные области над Землей, о которых говорил Ромашин. Едва ли того требовал ход расследования катастрофы, и Павел в душе понимал это, но пришло откуда-то ощущение нереальности происходящего, отстраненности бытия, ненужности и тщетности попыток осмысления событий. С Павлом такое происходило впервые, он сначала с удивлением, а потом и с тревогой прислушивался к себе, пытаясь понять, чем вызваны необычные ощущения, и пришел к выводу, что причин несколько. Он «выпал» из привычного ритма работы в космосе, это раз. Остался без друзей, которые понимали его с полувзгляда, это два. И наконец, получил изрядный психологический шок от избытка информации и того смысла, который стоял за словами «режим бедствия», «катастрофа» и «угроза существованию Вселенной».

Павел вышел из кабины таймфага в Брянске и отправился разыскивать транспортную площадку грузового орбитального лифта, где должен был дожидаться его модуль без пилота.

Получив разрешение диспетчера транспортной инспекции на старт, Павел привычно провел контроль функционирования и поднял машину в воздух. Через пять минут он был над Стволом. Зависнув на минуту на высоте в десять километров, Павел сообщил в Центр о своих действиях и попросил включить его модуль в поисково-опознавательную сеть Центра.

Переключив станцию связи на волну интеркома, он стал слышать переговоры пилотов и наземных служб. Голоса были негромкими, буднично спокойными, и Павлу на короткое время показались напрасными его тревоги и страхи. Жизнь Земли продолжалась обычными темпами, и даже здесь, в районе катастрофы, где УАСС ввело режим бедствия, не чувствовалось лихорадочной и жестокой спешки, напряжения и тревоги, соответствующих «настоящему» бедствию, влекущему разрушения, уничтожение природной среды и человеческие жертвы.

Модуль медленно пополз вверх. Зеленая холмистая равнина вокруг Ствола отодвинулась, детали и подробности ландшафта растворились на фоне сочной зелени. Ствол превратился в белый карандаш, воткнувшийся острым концом в землю.

Мимо проскользнул ажурный короб с шариком кабины на торце — излучатель силового поля. В километре висел второй такой же, за ним еще один. Вероятно, пояс силового ограждения. На высоте сорока километров Павла окликнули:

— Кто там лезет напролом? Пилот неизвестного аппарата, ответьте патрулю ограждения, вы нарушаете режим работы.

Павел притормозил подъем.

— Инспектор Жданов, отдел безопасности.

Тон патрульного не изменился.

— Будьте внимательнее. Выйдите из зоны риска.

Вскоре Павел оказался в непосредственной близости от первой из странных областей — светящегося слоя площадью в два десятка квадратных километров. На фоне фиолетового купола стратосферы она выглядела красивой зеленовато светящейся паутиной, похожей на интерференционную картину световых волн. Узор «паутины» медленно и непрерывно менялся.

Павел направил модуль прямо в ее центр, готовый изменить курс при первых же признаках опасности, но делать это ему не пришлось: аппарат сам собой, без команды, плавно отвернул от переливчатого светового покрывала. В рубке зазвучал тот же суровый голос:

— Инспектор, вы в опасном районе. Прошу не мешать работе исследователей. Как слышите?

— Прекрасно слышу, — пробормотал Павел сердито. — Чем опасен район свечения?

— В его излучении есть жесткая компонента.

— Модуль имеет полевую защиту от всех видов излучения.

— И все же прошу не рисковать. Исследования свечения начались недавно, могут быть неприятные сюрпризы.

— Хорошо, понял.

Аппарат увеличил скорость и вышел из-под светящейся вуали. Земля на глазах превратилась в пухлый голубовато-зеленый шар.

Десять тысяч километров до следующей загадочной области пространства — «пузыря отталкивания» — модуль преодолел за две минуты. Здесь повторилась та же ситуация, что и в районе свечения: модуль изменил траекторию и погасил скорость почти до нуля.

— Вы у зоны «два», — произнес знакомый

патрульный.— Диаметр ее тысяча километров, включите локацию в диапазоне инфра.

Павел послушно включил локаторы и увидел впереди и вверху мерцающую голубоватым светом объемную фигуру— сетчатый шар. Вокруг зоны установили радиоотражатели, догадался инспектор, чтобы видно было издалека. Напрасно полетел, подумал он вдруг, разглядывая на экранчике локатора светящуюся мошкару вокруг тысячекилометрового «пузыря». Никто сейчас не скажет, связаны ли эти странные образования с работой Ствола, а интуиция не обладает правом проверенного факта. Что из того, что я убежден в их связи? Доказательств-то нет. Доказать эту связь можно, только побывав в лаборатории...

С полчасика Павел выписывал петли возле громадного шара, пустого, как и пространство кругом. С сочувствием подумал о суетящихся исследователях, которым предстояло больше разочаровываться, чем радоваться открытиям, и повернул модуль носом к Земле. Тоскливое чувство ненужности вернулось вновь и потащило за собой привычную цель размышлений, конечным итогом которых были злость и боль неведомой утраты.

В Управлении Павла ждало сообщение об испытаниях скафандра и короткая записка начальника отдела безопасности: «Павел, зайдите, вы мне нужны». Записка была оставлена два часа назад.

Видеопласт кабинета на этот раз встретил его дубовой рощей, запахами прелой листвы, грибов. Ромашин из-за стола исподлобья посмотрел на инспектора, кивнул на стул.

Павел сел. Хозяин наклонился к столу, коснулся сенсора программ видеопласта, дубовая роща исчезла, кабинет замкнулся стенами из мерцающего огнями янтарного пластика.

— Собственно, у меня к вам всего один вопрос.— Ромашин походил в задумчивости у стены и сел напротив.— Вам не кажется, что за вами следят?

Павел оторопел.

— Нет,— сказал он спустя несколько секунд, совладав с изумлением.— Зачем кому-то следить за мной?

— Значит, нет...— повторил Ромашин, не сводя с него глаз.— Допустим, вы не заметили. А во время работы с лабораторией ничего странного вокруг вас не происходило?

— Вы меня озадачили... Что имеется в виду?

— Все, что выпадает из рамок обыденности— в поведении людей вокруг, в событиях, связанных с вашим участием. Попытайтесь вспомнить, это важно.

— Я попытаюсь,— Павел развел руками,— но для этого нужно время.

— Тогда у меня все. Вспомните— позвоните. Завтра в семь вечера по времени Москвы состоится экстренное совещание Совета безопасности ВКС. Прошу вас явиться на заседание, это здесь же, в Управлении, в конференц-зале.

В своем кабинете Павел попытался справиться с мыслями, но из головы не шло выражение глаз Ромашина, когда он говорил: «Вам не кажется, что за вами следят?». Павел прочитал в них холодную заинтересованность и недоверие, граничащее с враждебностью. За что? За какие прегрешения? Кто может следить за ним, инспектором аварийно-спасательной службы, работником спецгруппы, в которую входят профессионалы следственного дела? Бред! Что стоит за этими вопросами?..

Павел тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, попытался вспомнить какой-нибудь необычный эпизод, но на ум ничего не приходило. Тогда он отложил поиск «странного» на вечер.

В «отделе бронемастеров» его ждал Алюш, одетый на этот раз в темно-коричневый костюм.

— Вот,— сказал Алюш, подавая Павлу серый толстый балахон.— Готов к испытаниям в полевых условиях. Надо только заказать снабженцам, чтобы в Центр прислали робота-андроида.

Павел взвесил скафандр в руке.

— Килограммов шестнадцать?

— Восемнадцать без генератора поля и батарей. Полный комплект весит сорок один килограмм.

В Центр прибыли к двух часам дня. Павел отметил появление у Ствола трех фиолетовых конусов. Что-то новое... Инспектор нашел Златкова и сообщил о предстоящих контрольных испытаниях скафандра. Начальник Центра поманил Павла к себе, усадил рядом в пустующее кресло. В виоме виднелся Ствол, холмы и фиолетовые конусы на них.

— Мы разработали метод наблюдения за слесем «хронопены» вокруг ускорителя. Не хотите посмотреть? Те конусы— антенны хроновизоров.

Златков произвел необходимые переключения на пульте, и картина в центральном виоме изменилась. Пейзаж остался тем же, но холмы, покрытые травой, потеряли цвет, стали серыми, словно присыпанными пылью. Ствол из стройной белой колонны превратился в полупрозрачную неровную скалу, похожую на гигантский сталагмит. Куб лаборатории и вовсе исчез. Но главное, что «сталагмит» Ствола «дышал»: форма его медленно

изменялась, поверхность то вспухала прозрачными буграми, то опадала зализанными волнами, с крутых склонов отрывались студнеобразные капли, скатывались вниз, разбиваясь на «брызги», и постепенно рассасывались до полного исчезновения в сотне метров от подножия «ледяной скалы».

— «Хронопена» в наглядном изображении, — сказал Златков. — Студнеобразные пузыри — это области пространства с локальным ходом времени. В каждом пузыре время течет по-другому. Если бы хроновизор появился у нас раньше, мы потеряли бы меньше автоматов.

— Благодарю, — сказал Павел. — В свою очередь предлагаю посмотреть запуск робота в лабораторию. Кстати, не мешало бы включить хроновизор — будет видно, где робот войдет в «хронопену».

Робот, одетый в скафандр, был уже готов к выходу. Алеш проверил, как он реагирует на команды, усатый Федор Полуянов натягивал на себя легкий пленочный скафандр.

— Провожу до линии гипнозащиты, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Павла.

— Готов, — сказал Алеш. — Можете начинать.

Павел обошел фигуру в сером балахоне. Вблизи скафандр выглядел более внушительно, чем в первый раз по виому.

— Какова программа?

— Самая простая — пойти и вернуться, — пробормотал уже одетый Федор, застегивая прозрачный куб шлема. — Он обойдет лабораторию, войдет внутрь и попытается пройти в зал управления. Встретятся препятствия — вернется. Весь путь будет записываться на видео.

Федор поднял руку и пошел к выходу. Серая сгорбленная фигура потопала за ним. Впечатление неземного существа усилилось, так как было заметно, что идет не человек.

Павел проводил необычную пару и вернулся в зал контроля.

Посмотреть собралось человек двадцать. Златков занял место глазного диспетчера и приказал в течение часа соблюдать в эфире режим радиомолчания. Шум переговоров на общей волне интеркома стал стихать.

Павел устроился в кресле рядом с начальником Центра и стал наблюдать, как Полуянов ведет робота по берегу ручья.

В километре от Ствола инженер остановился.

— Дальше мне, к сожалению, нельзя. А хотелось бы... Иди, дружище.

Робот размеренно зашагал к зданию лаборатории.

1971

Златков включил хроновизор, Ствол и здание лаборатории превратились в «ледяные утесы», даже отдаленно не напоминающие произведения рук человека. По их склонам все так же сползали сгустки многосвязного квантованного пространства-времени.

Робот дошел до границы темпоральных эффектов и шагнул в «студень». На обычном экране его фигура причудливо исказилась, задрожала, стала зыбкой и скачком выросла в размерах. В виоме, принимавшем изображение от антенн хроновизора, было видно, как робот вошел в одну из жидких на вид капель, разделился на три одинаковых силуэта и, вспыхнув, пропал.

Как сонные мухи, поползли секунды, складываясь в минуты, в десятки минут. Павел нашел глазами Алеша, начальник «бронемастеров» развел руками: что, мол, я могу сделать? В это время Павла тронул за рукав Ромашин.

— Ждете?

— Ждем. Уже час с небольшим.

Его прервал голос наблюдателя:

— Возвращается!

Полуянов бросился бегом с холма к тому месту, где у границы запрещенной зоны должен был выйти робот.

В виоме хроновизора длиннорукий урод вынырнул из шевелящейся массы «студня» в шести экземплярах, сложился в один. В обычном виоме робот выглядел иначе: сначала из черного прямоугольника двери главного входа вынеслось размазанное серое пятно, пролетело к границе несоответствия времени, миновав ее, превратилось в серого горбуна, который неторопливо направился к ожидавшему его человеку.

— Поздравляю, — сказал Ромашин Алешу.

— Рано поздравлять, — оживился тот. — Посмотрим, что он принесет.

— Он вернулся, а это главное. — Ромашин глянул Павлу в глаза. — Кажется, приближается ваш звездный час?

— Мне пока не объяснили, что я должен делать в здании.

— Все объяснит Златков, лучшего специалиста у нас нет.

Они стали смотреть, как возвращаются Федор и робот.

Инженер почему-то размахивал руками, забегал вперед, останавливался, толкал серого «нечеловека» в толстое плечо, а тот размеренно шагал вперед, не обращая внимания на действия своего провожатого. Наконец Полуянов выдохся.

— Он не отвечает на вызовы и не слушается команд. Что делать? Так мы пройдем мимо лифта в Центр. Разрешите, мои ребята спеленают его и принесут вниз?

«Аэлита» — 88

— Действуйте, — буркнул Златков.

На склоне холма показались «ребятки» Федора — два странных механизма, похожие на многоруких безголовых обезьян. Они ловко окружили невозмутимо шагавшего робота, мгновенно опрокинули, заключив в захваты его руки и ноги, и понесли в Центр. Робот дернулся несколько раз и затих.

Через несколько минут выяснилась причина молчания робота. Во-первых, антенны связи скафандра оказались «съеденными» необычной коррозией, а во-вторых, у робота почти полностью отсутствовал энергозапас.

Павел не стал дожидаться, пока ученые разберутся в случившемся, и вместе с Ромашиним вернулся в Управление.

— Я вижу, вы до сих пор сомневаетесь в целесообразности режима бедствия, — уже в кабинете сказал Ромашин.

— Мне почему-то казалось, что внешняя сторона этого режима выражается эффективней. Два года назад я был свидетелем тревоги по форме «Шторм», тогда Управление проводило операцию «Демон». Где-то в Северной Америке обнаружили неземной аппарат, обладающий способностью изменять реальность мира, за ним прилетели хозяева, и дело едва не закончилось крупной катастрофой. Вот тогда режим бедствия был исключительно заметен: в воздух были подняты все три спасательных флота УАСС.

— Руководителем операции был я. Но мы отвлеклись. Вы говорите, что на этот раз режим бедствия со стороны не бросается в глаза? Что ж, как мне кажется, это большая похвала отделу безопасности, да еще из уст профессионала. Наша работа и должна быть незаметной. Ну-ка, смотрите.

Ромашин наклонился над столом, стремительно прошелся пальцами по сенсоратуре, в стенах комнаты загорелись ячеи виомов. Каждый показывал свою картину, в основном — рубки крейсеров космического флота и спасательных шлюпов, посты связи станций приема аварийных сигналов и посты оперативного дежурства, диспетчерские пункты аварийно-спасательной службы, кабинеты руководителей Управления.

— Вы видите «изнутри» систему координации Управления по режиму бедствия. Я координатор операции, и на кабинет сведены все цепи связи и контроля.

Напротив, в полуметровой рубке одного из крейсеров звездного флота, плотный крупнолицый человек с коротким ежиком волос разговаривал с невидимым собеседником:

— Эвакуируйте женщин и детей, остальные пойдут во вторую очередь. Потом пройдите по трассе Ориона в ТФ-режиме и пощупайте границу мрака, только без ненужного риска...

1961

«Аэлита» — 88

В другом виоме в такой же рубке трое космолетчиков работали на общем пульте, переговариваясь на таком узкоспециальном жаргоне, что Павел с трудом понял: космолет не мог пробиться в какую-то закрытую неизвестно чем область пространства, его выталакивало обратно.

В третьем виоме разговор шел о свертывании дальних звездных экспедиций и подготовке к эвакуации колоний у других звезд.

В четвертом директор УАСС разговаривал с председателем Высшего Координационного Совета Земли о необходимости переброса энергетического моста от энергостанций солнечного пояса в район Брянского леса, к установкам Центра защиты...

Ромашин сделал выпад пальцем в стол, радуга виомов погасла.

— Так-то, — сказал он. — Это наша работа, и пусть она будет видна только нам. Хочу вернуться к разговору, который вы сочли за неудачную шутку — о слежке. Вспомните два момента: кто вам сообщил о вызове на Землю в отдел безопасности?

Павел наморщил лоб.

— Кто-то из дежурных бортиженеров космолета «Рысь», базового корабля экспедиции к Альфе Рыси. Меня направили туда для расследования причин исчезновения разведшлюпа с тремя исследователями.

— Где исчез шлюп?

— В одном из пылевых поясов. Вокруг звезды вращаются две планеты и три пылевых пояса, самый внутренний и преподнес сюрприз: в нем обнаружили твердые образования, «не влетающие» в рамки теоретических представлений об эволюции планет. Предположили, что тела — искусственного происхождения, и...

— Понятно. Вы направили модуль к этому пылевому кольцу...

— И меня вернули.

— Вы ничему не удивились потом?

— А ведь верно! Полет занял полтора часа, и когда я прилетел, заместитель начальника экспедиции сказал, что я вернулся вовремя. Мол, только что пришло ТФ-сообщение с Земли, чтобы меня отправили в отдел безопасности наземного сектора. Понятное дело, я удивился — как «только что»? Дежурный сообщил мне об этом полтора часа назад! Но разбираться было некогда, и я улетел. Вы хотите сказать, что меня вернули из полета до того, как пришло сообщение с Земли?

— Более того, вас никто не вызывал на Землю.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ЗАЖЕЧЬ ИСКРУ В СЕРДЦЕ

Проблема воспитания глубоко-нравственного человека столь же стара, пожалуй, как вопрос о смысле жизни: решать ее приходится, приходилось и придется — до тех пор, пока существует род человеческий, — каждому, кто примет на себя труд родить и вырастить нового человека. Я не случайно говорю «человека», а не «ребенка», ибо детство — важнейший период человеческой жизни. Не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира, — в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш.

Н. М. Амосов в книге «Здоровье и счастье ребенка» писал, что есть три канала для тренировки словесных формул, выражающих убеждения: личный пример авторитетного человека, такие же примеры любимых героев книг и фильмов и собственные действия человека (удержался от плохого поступка, совершил хороший). Конечно, самый действенный — третий, однако он лишь закрепляет то, что было уже воспринято и прочувствовано раньше. Личные примеры высокой морали и служения идее редко встречаются в жизни. Родители, знакомые и учителя не воспринимаются как примеры, поскольку мелкие дефекты поведения заслоняют их благородную сущность, даже если она есть. Вот почему так важно приучить детей к чтению книг.

Не секрет, что активными читателями становятся те дети, которым много читают мамы, папы и бабушки в возрасте от 1 до 6 лет, — дальше эти дети обычно начинают читать сами. Что и как? Зайдите в любую детскую библиотеку, поинтересуйтесь: дети какого возраста читают больше всего? Услышите в ответ: лик приходится на 3—5 классы, а уже семиклассников очень мало. На вопрос — что же просят больше всего? — вам ответят: 1—2 классы — сказки, 3—6 классы — фантастику. Любопытно при этом, что подавляющее большинство библиотечек считает фантастику литературой предосудительной. Более того, несколько лет назад во все детские библиотеки поступило указание рассредоточить фантастику и приключения по всему фонду, не выделяя их в отдельный стеллаж, как было раньше. Тем не менее дети ее

все равно выскивают, со вздохом сообщают библиотечкари.

В чем тут дело? Попробуем разобраться в этом феномене: с одной стороны, мы говорим — растет нечитающее поколение, и уже не первое, а с другой стороны — даже тех, кто хочет читать, «не пуцаем»... Литература, которую дети читают с удовольствием, — это сказка, фантастика, приключения. Так не проще ли открыть эту дверь (и пусть входят в нее желанными гостями), чем силой пытаться заставить читать то, что не хочется? Ведь как бывает: дам фантастику, если возьмешь еще это и это; один возьмет и отнесет домой, а потом вернет не читая; а другой не придет больше... И скажите на милость, где и кому удавалось таким «силовым» методом воспитать любителя чтения? Когда ребенка кормят через силу, его тошнит; когда заставляют читать то, что не хочется, отбивают охоту к чтению вообще. Это — аксиома.

Надо радоваться тому, что ребенок любит сказки, ибо сказочные герои, по сути, и есть нравственные эталоны, созданные мудростью тысячелетнего опыта всех народов мира, мудростью всечеловеческой. В любой сказке есть точное разделение светлого и темного, добра и зла, и не случайно нет ни у одного народа сказок о том, что побеждает зло. Побеждает всегда добро, так было, так есть и так будет, — вот первое, что закрепляется в сознании ребенка, читающего сказки. В жесткой однозначности нравственного содержания сказочных образов есть та необходимая жесткая однозначность нравственных правил, норм, что не допускает разночтения и не принимает оправданий «разными обстоятельствами».

И не надо путать настоящую сказку с сусальной рождественской историей: только сопоставление двух противоположностей (Ивана-царевича и Кощея Бессмертного, Василисы Премудрой и Бабы-Яги, Буратино и Карабаса, хоббитов и Владыки Мордора) делает для ребенка вполне очевидным выбор между добром и злом, наполняет его эмоциональным смыслом.

Любой воспитатель детского сада подтвердит вам, что ребенок, читающий в 5—6 лет, умнее, глубже, часто наблюдательнее, пытливей, чем его сверстник, не знающий букв. Ребенок, проводящий часы перед телевизором, иногда обладает более широкой (количественно) информацией, но ни способностью к анализу ее, ни тем более развитым воображением он, как правило, не отличается. А уж то, что фантастика будит и развивает воображение, сегодня факт общепризнанный.

И второй довод в защиту пользы фантастики для детей.

Еще в 1930 году Горький сказал

замечательную фразу: «Дети растут для будущего». Сегодня, 60 лет спустя, далеко не все взрослые поняли справедливость этой фразы. А дети поняли. Они понимают, чувствуют, что растут не для «сегодня» и не для «вчера», а для «завтра». И поэтому хотят знать, хотя бы одним глазком заглянуть в это «завтра», в котором им предстоит жить для «послезавтра», поэтому и про «послезавтра» надо хоть что-нибудь знать! Знать для себя, для того, чтобы понимать «сегодня», какими строить себя для жизни в «завтра» и «послезавтра». А такое знание дает им только фантастика.

Не случайно, я думаю, библиотека нашего пединститута, проведя опрос среди первокурсников: какие книги ты хотел бы прочитать в ближайшее время? — получила на первом месте запросы на... кого бы вы думали?.. на Ефремова! Затем — на «Дети Арбата» Рыбакова. Будущие учителя, те, кому через пять лет идти в школу, растить граждан 2000 года, хотят знать, какое оно — это «завтра», для которого им работать. Но им уже не 10 лет, и поэтому они понимают: чтобы не делать ошибок сегодня, надо знать об ошибках, сделанных вчера, — и поэтому за фантастикой всегда идет история.

Так органично детская любовь к сказке в 4—8 лет перерастает в юношески максималистскую страсть к фантастике в 10—15 лет, а потом так же органично переходит в зрелую и непоколебимую любовь к исторической, психологической и другой серьезной литературе.

Любовь к Толстому и Достоевскому нельзя вложить силой — она должна вырасти из потребности более глубокого осмысления мира. А эта потребность возникает непременно у того, кто в детстве зачитывается «Королем Матиушем» и «Алисой», подростком совершает подвиги со Зверобоем и крапивинскими мальчишками, юношей сражается за счастье человеческое рядом с Максимом Каммерером и Благородным Руматой, преклоняется перед Женщиной — Таис Афинской и Ассоль... Да разве перечислишь всех!

Отбивая у мальчишек и девочек любовь к сказке и фантастике, мы рубим сук, на котором сидим, ибо отбиваем «заодно» и любовь к книге вообще. А потом те же «метры от литературы», которые вчера называли фантастику второсортным чтивом, благодарно возмущаются на страницах периодики бездуховностью молодежи, тем, что она вообще ничего не читает. Но ведь чтобы понять, почему этот 15-летний любому виду досуга предпочитает сунуть голову в полиэтиленовый мешок или часами подергиваться под оглушающие вопли динамиков — без мыслей, без чувств, — надо оглянуться на 5—10 лет назад, когда не нашлось рядом.

с ним человека, который отворил бы ему дверь в дивный мир мечты, благодетельства, любви. Который дал бы ему в руки сегодня — эту, завтра — ту, послезавтра — третью книгу, но уж такую, что наверняка оставит крошку себя в сердце ребенка. Некому было выстроить его душу. И поэтому, даже если его вылетят (сейчас много говорят об этом: спасти алкоголиков, спасти наркоманов), — а что он будет делать, чем жить, когда его отдадут от дурмана? Ведь душа-то в нем не выстроена, а без души — что за жизнь?!

Поэтому давайте прежде всего думать о тех, кто не ушел еще от нас на «красивые, глухие окольные пути».

Сегодня фантастика — это единственный универсальный род литературы, который читают все: от третьеклассника до доктора наук, от домохозяйки до космонавта. И тем не менее, как ни горько это признание для любителя фантастики с двадцатилетним стажем, я признаю, что основание для предубеждения против нее в последнее десятилетие есть, и очень серьезное.

Давайте подумаем, через какую дверь вошли в фантастику мы (те, кому сегодня за 30—40 лет) и через какие двери войдут в нее наши дети и внуки? Через унылые, серые и бездарные издания «Молодой гвардии» последних десяти лет? Но ведь именно о них говорят с совершенно справедливым предубеждением в детских библиотеках. За редким исключением, их действительно лучше не давать в руки детям. Но что же тогда давать?

Мы счастливее наших детей в этом смысле. Откликнитесь, сверстники, я уверена, что не ошибусь, мы начинали с вами одинаково: к нам вовремя пришли Жюль Верн и Беляев, Уэллс и Мартынов, «Приключения Карика и Вали», «Королевство Кривых Зеркал», и «Страна багровых туч», «Туманность Андромеды» и «Магелланово облако», и «Изгнание владыки», и Громова, Гансовский, Гуревич, Емцев и Парнов, Лагин и многие другие.

Зайдите в библиотеку сегодня, спросите «Гианэю» Мартынова, «Затерянный мир» Конан Дойла... Спросите «Матиуша», «Питера Пэна», «Хранителей», спросите Майн Рида или Купера, Брет Гарта, Лондона... Я специально говорю больше о детской приключенческой классике и сказке, так как спрашивать «Час Быка» Ефремова или «Обитаемый остров» Стругацких просто бессмысленно. Уходят, гибнут от ветхости книги, воздействие которых на пробуждающуюся душу ребенка неоченимо и несравнимо ни с чем. А сколько их уже ушло, прекрасных книг, которые помнят только наши отцы и деды?!

Вы скажете: пусть читают Пушкина и Гоголя. Да не будет он в

10 лет читать Пушкина: сказки он перерос, а до остального — не дорос еще! Он вообще тогда читать не будет! А дайте ему в 7 лет — «Карлсона», в 9 лет — «Тайну двух океанов», в 12 лет — «Туманность Андромеды», а в 14 — «451° по Фаренгейту», и он — ваш, он будет с горящими глазами рыться в книгах, он достигнет в 15—17 лет до «Второго нашествия марсиан», до «Вина из одуванчиков», а там и рукой подать — до Гоголя и Воннегута, Чехова и Горького, Толстого и Томаса Манна, «Игры в бисер» и «Саги о Форсайтах»... Но дайте же ему самому подняться по ступеням, не тащите его за шизорот через целые пролеты, не губите в нем будущего профессионального читателя! Ибо только фантастика оказалась на сегодня способной вырастить лет за двадцать систематического «употребления» такую не виданную доселе категорию — «профессионального читателя». Такого, кто не только читает, но и имеет по поводу читаемого свое мнение, свои требования, свои запросы и критический взгляд, который к тому же желает их высказать!

Что же делать, где выход? Да ведь он — на поверхности: **НУЖНЫ ПЕРЕИЗДАНИЯ**. Нужна специальная детская серия, и пусть она идет прицельно в детскую библиотеку, и пусть переиздается систематически хотя бы раз в десять лет. Надо только помнить, зачем и для кого составляется эта библиотека. Она, например, не должна иметь особо роскошного оформления — чтобы не превратиться в «экстра-валюту» на книжном рынке, не осесть в читальных залах и шкафах под замком (надо быть чудом природы, чтобы в 9—10 лет прочитать книгу в 400—500 страниц в читальном зале, на это редкий взрослый способен)...

И пусть она покажется устарелой иным «зубрам» от фантастики, наивной, чересчур прямолинейной, но ведь законы детской литературы несколько иные, чем литература для взрослых. Здесь нужно смотреть на два главных момента. Эта литература должна быть, во-первых, безусловно гуманистической, отстаивающей лучшие идеалы человечества, человечески цельной, проникнутой радостным и деятельным чувством бытия, а во-вторых, глубоко нравственной, несущей образец нравственного поведения, нравственного мировоззрения. Герой детской книги должен быть, безусловно, хорошим человеком!

Именно в этом главная сила крапивинских мальчишек, хотя я встречала людей, которые утверждают, что это бессмысленная и вредная идея: мальчик со шлагой, с деревянным кинжалом против олицетворения зла. «Да ведь они всегда терпят поражение!» — говорят эти

люди. Нет, это неправда, ведь дело не в том, чтобы взять верх. Дело в неистребимой жажде добра и справедливости, присущей этим мальчишкам, в остром неприятии равнодушия и лицемерия, уверенности в правоте и необходимости вмешаться, готовности к открытому спору и бесстрашной схватке. Вопрос «бывает так или не бывает?» звучит в данном случае так же нелепо, как попытки жителей Каперны убедить Ассоль в том, что алых парусов она не дождет. Пусть наши дети растут с искрой в душе, они должны верить, что наперекор всему однажды сверкнет на горизонте алый парус, а деревянный клинок войдет в кирпичи, как в масло. Только так можно с годами вырастить из искры — солнце. А человек с солнцем, пусть просто с искрой в душе не пойдет грабить, насильничать, губить живой мир вокруг себя, оскорблять и унижать беззащитных.

Впрочем, вернемся к нашей серии.

Детская секция Всесоюзного совета КЛФ (о создании которого сообщалось в № 6 «У. С.») задумала составить список этой гипотетической библиотечной серии **НФ** с примерной рекомендацией к прочтению по возрастам.

Когда у нас в руках будет список — будет возможно бороться за серию, «пробывать» ее.

Но для этого нам нужно как можно больше ответов на вопрос: «Ваши любимые фантастические книги в возрасте от 3-х до 20 лет?».

Поэтому приглашаем всех, кто считает себя «профессиональным читателем» или любителем чтения, членом КЛФ и не членом, всех, кто занимается пропагандой хорошей литературы не по долгу службы, а от избытка собственных душевных запасов и личного стремления сделать мир лучше, — принять участие в нашем почине.

Если вспомните возраст, когда книга произвела наибольшее впечатление, укажите. Если не помните автора — неважно, восстановим. Только пишите от себя лично. Не от ума, а от сердца. Попросите друзей, знакомых, учеников, собственных детей ответить на этот вопрос.

Ваши письма шлите на адрес редакции «Уральского следопыта» с обязательной пометкой: для **ВС КЛФ**.

Надеемся на вашу помощь, друзья!

В. А. Сухомлинский писал (лучше его не скажешь): «Уже в детстве надо зажечь в сердце каждого человека искру гражданской страсти и непримиримости к тому, что является злом или потворствует злу». Так давайте зажигать эти искры сегодня, завтра можно и опоздать.

А. БЕЛОШИСТАЯ, учитель

ИМЕНА НА СКАЛЕ

ГАЛИНА КРАСНОПЕВЦЕВА

К ним, своим землякам, Георгий Павлович Камаев пришел не один, а с младшим сыном Владимиром, который недавно вернулся домой из армии.

Из Качканара до Верх-Иса добирались автобусом, а дальше — 25 километров — пешком. Пахло разнотравьем, день разгорался, а они все шли и шли. Но вот и гора Вересовая, заветная скала-вершина с мемориальной плитой «Солдатам Каменушки, погибшим в 1941—45 гг.».

Остановились, помолчали.

— Ну, здравствуйте! — сказал негромко Георгий Павлович и провел ладонью по строкам, молча читая фамилии: Егор Бабошин, Федор Турьшев, братья Алексей и Михаил Глушаевы, Алексей и Василий Умриловы, Иван и Григорий Москалевы, Петр Шардин, Петр Васьков, Петр Рублев, Ким Мочалов, Алексей Филимонов, Николай Чусовитин, Кирилл Коронов, Федор Ладик и Фадей Камаев — родной брат. Сосны вплотную подошли к скале и стоят почетным караулом...

А раньше лес на Вересовой был редкий: его вырубали на крепи для штолен и шахт, на дрова. Каменушка жила, работала. Она была вон там, внизу. Таежный поселок в 25 домов, большинство — барачного типа: начальная школа с одной учительницей, пекарня, магазин, казенная баня... Жизнь Каменушке лет двести назад дали платиновые да золотые прииски. Теперь поселка нет — остались лишь фотоснимки да память сердца.

Забой. Люди с тачками. Река Нясьма. Длинные желоба, в которых промывали драгоценную землю. А вот каменушенцы заготавливают кедровые орехи...

Лёля Камаев (так в детстве звали Георгия) пошел учиться на десятом году, закончил в Каменушке начальную школу, год проходил на Верх-Ис, в пятый класс. Мечтал закончить семилетку.

Но началась война, и все изменилось. Были каменушенцы старателями — стали солдатами. Поклонились Вересовой и ушли воевать. Были школьниками — стали старателями. Проводили солдат и пошли в забой. Работали как мужики, как солдаты тыла.

В маленькую Каменушку, где всего-то 25 дворов, не вернулось семнадцать человек. Их имена должны знать оставшиеся в живых — сегодня,

завтра, всегда. Это Георгий чувствовал всем нутром своим.

Через годы стала отчетливой мысль — поставить памятник погибшим героям.

В 1950 году старательский промысел был закрыт — Каменушка опустела. Георгий Павлович работал в геологоразведке, потом строил железную дорогу на Качканар, возводил корпус горно-обогажительного комбината, более 20 лет проработал электросварщиком на предприятиях растущего города. А Каменушку и погибших земляков не забывал. Обратился в Качканарский городской совет ветеранов войны — там поддерживали, в Косьвинском поселковом Совете — тоже. Поехал в Нижнетурирский военкомат. Его допустили к архивам военной поры. И вот составлен список погибших односельчан. Семнадцать фамилий.

Теперь надо было перенести их с бумажного листа на более долговечный. Пенсионер Камаев устраивается электросварщиком на завод по ремонту горного оборудования, чтобы постигнуть литейную премудрость. Потом всю зиму терпеливо вырезал из мягкой липы буквы и цифры — всего 260 штук. Старательно клеил их на деревянную основу — буквы, словно солдаты, выстраивались ровными шеренгами, образуя знакомые фамилии. Модель готова. По ней на заводе отлили дюралевую плиту.

А вскоре пошла на Каменушку заводская машина — на сенокос. Прихватила и Камаева с плитой, высадив на Вересовой.

Теперь надо было втащить плиту на вершину, пробить в скале четыре отверстия, укрепить в них болты, залив бетоном, навесить и прочно, на века укрепить плиту. Работал два дня, с раннего утра до поздней ночи. Спал в стареньком домике, построенном когда-то сборщиками жилицы.

Наконец дело сделано. День приветливый, ясный. Пели птицы, шептались деревья. А там, внизу, за бывшей Каменушкой, трудились качканарские покосники. Жизнь продолжалась...

Камаев взял зубило и на скале, что рядом с мемориальной плитой, стал высекать букву за буквой: «Жизнь, ты помни солдат, что погибли, тебя защищая!».

Многие века не давал покоя людям древнегреческий миф об Икаре и Дедале.

Случайные исторические записи сохранили сведения о попытках людей смастерить себе крылья для полета. Так, живший в XI веке монах Оливье из Мальстери (Англия), смастерил крылья из птичьих перьев. При испытании их он кинулся с высокой башни, упал на землю и сломал обе ноги.

Другой монах из Шотландии — Домиан, оказавшись на земле со сломанной ногой, объяснил неудачу так:

— Разве мог я взлететь? В крыльях среди перьев орлов и голубей по недосмотру оказались и куриные. А куры, каждый знает, летуны никудышные.

Триста лет назад московские стрельцы привели в приказ мужика и представили своему начальнику Троекурову.

— Князь-боярин, могу сделать крылья и полететь как журавль.

— Что же тебе мешает?

— Без денег невозможно.

— С деньгами и я куда захочу улечу, — рассмеялся Троекуров. — Сколько же тебе надо?

— Рублей двадцать.

— Однако, мужик, ты порядочный разбойник.

Но все же предложение мужика заинтересовало Троекурова. Выделили из государевой казны 18 рублей.

И вот к кремлю заспешили посадские, стрельцы, дворяне.

На верху колокольни появилась фигура. Было видно, что мужик что-то прилаживает к своим рукам. Но вот он перекрестился и взмахнул крыльями. Внизу затанли дышание. Но крестьянин почему-то не полетел.

К колокольне затрусил подъячий.

— Что еще удумал, поганец?

— Иршенные крылья будут подходящими. Надо еще пять рублей — закупить овечьи и козьи шкуры и выделать их под замшу. Они будут легки и меня поднимут.

Долго Троекуров гневно грозил мужику всякими карами, но отступить было поздно, и крестьянину еще выделили денег из казны.

Снова собрались москвичи на площади. Мужик взмахнул руками, прыгнул и камнем полетел вниз. Раздался треск; пыль тучей поднялась над местом падения.

Летописец сообщал по поводу неудачного полета: «И за то ему (крестьянину) учинено наказание: бить батоги, снем рубашку, и те деньги 23 рубля велено доправить на нем и продать животы ево и остатки». То есть у «летуна» забрали избу и хозяйство, сделали нищим.

Но все же он еще легко отделался.

Сохранились сведения, что во второй половине XVI века крестьянин по имени Никита, принадлежавший боярскому сыну Лупову, соорудил «деревянные и размашистые крылья» и пробовал летать. Крылья, видимо, помогли ему планировать, когда он прыгал с небольшой высоты.

Но Никита решил совершить полет всенародно. Событие это произошло под Москвой, в Александровской слободе, в присутствии царя. Легенда сообщает, что Никита поднялся в воздух и якобы несколько раз облетел Александровскую слободу. Первый русский «авиатор» крестьянин Никита погиб, но не вследствие неудачного полета. В дело вмешалось духовенство: «Человек не птица, крыльев не иметь... Аще же приставит себе аки крылья деревянные, противу естества творит. То не божье дело, а от нечистой силы. За сие содружество с нечистой силой отрубить выдумщику голову. Тело окаянного пса смердящего сбросить свиньям на съедение. А выдумку, аки дьявольскою помощью снаряженную, после божественной литургии огнем сжечь».

Но даже такие строгие меры не останавливали людей.

Рудольф
БУРУКОВСКИЙ

Забывтые краски,

или «Пламенный
цвет —
пурпур
сидонских
пучин»

**РАКОВИН ПУРПУРНЫХ
СОК СОЧЕТАЕТСЯ С ШЕРСТЬЮ
СТОЛЬ ТЕСНО,
ЧТО НИКОГДА
ОТ НЕЕ ОТДЕЛИТЬСЯ
ОН БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕТ.
КАК БЫ ТЫ ШЕРСТЬ
ОТБЕЛИТЬ НИ СТАРАЛСЯ
ПОТОКОМ НЕПТУНА,
ДАЖЕ
ВСЕ ВОЛНЫ
МОРЕЙ НЕ ОТМОЮТ
ПУРПУРОВОЙ КРАСКИ!**

**Тит Лукреций Кар
«О природе вещей».**

Я люблю спрашивать тех, кто приходит смотреть нашу коллекцию раковин: а как вы себе представляете пурпурный цвет? И слышу: это красный, темно-красный, а однажды мне даже сказали: желтый. И тогда я спрашиваю о другом, вроде бы с этим не связанным: а каков, по-вашему, цвет багряный? У Пушкина, например: «В багрец и золото одетые леса» или «Роняет лес багряный свой убор». Как это? И слышу: это красный, розовый и еще разные цвета! И лишь изредка — фиолетовый. Спрашиваю, потом удивляю объяснением, что слова «багрец» и «пурпур» — синонимы и что под этими словами подразумевается целая гамма красно-фиолетовых и фиолетовых оттенков.

Поверьте, я не хочу удивить, поразить. Я сам не устаю удивляться причудливым зигзагам, что рисует история. Вот и хочу рассказать, что произошло с пурпуром, багрецом, или багрянцем — драгоценной краской древнего мира, так прочно забытой, что многие и не представляют, какой это цвет.

Пурпур часто упоминается классиками античности. Вы можете его встретить, например, в стихах Альбия Тибулла («Элегия Лигдама»):

*«Жемчуг ли радость мне даст, с берегов
эритрейских добытый,
Шерсть ли, чей пламенный цвет — пурпур
сидонских пучин...».*

В «Георгиках» Вергилия:

*«Греций крушит города и дома их несчастные,
лишь бы
Из драгоценностей пить и спать на сарранском
багрянце...».*

Пигмалион в «Метаморфозах» Овидия Назона изваянную им статую Галатеи «на покрывала кладет, что от раковин алы сидонских». Я хочу обратить ваше внимание на эпитеты. Пурпур там из сидонских пучин или сарранский. Сидон (нынешний Сайда), Сарры (нынешний Тир), а также Библ, Карфаген и многие другие города-государства, полисы, были основаны древним средиземноморским народом — финикийцами. Им, неумолимым мореходам, приписывают многие открытия — стекло, алфавит... Считают их и первооткрывателями пурпура.

Сохранилась легенда о том, как основатель финикийской цивилизации царь Феникс гулял по берегу со своим псом, и тот, среди прочей ерунды, которую может подбирать собака, резвящаяся у ног хозяина на морском берегу, принесла ему и раздавленного зубами моллюска. Сок его тела окрасил морду собаки. Так и был открыт пурпур.

Правда, известно — еще задолго до финикийцев пурпур получали в Древнем Египте и на Крите — за 1600 лет до н.э. Несомненно, однако, что именно финикийцы распространили культуру пурпурокрашения по всей Ойкумене, что именно они создали два крупнейших центра — в Саррах и Сидоне, что именно в поисках все новых и новых ресурсов для пурпурного производства осваивали все новые и новые берега, основывая все новые и новые поселения.

А «открыть пурпур», как я выяснил на собственном опыте, не так и сложно (правда, если ты к этому подготовлен).

В 1976 году мне довелось попасть на остров Фернандо-По (Республика Экваториальная Гвинея), в порт Малабо. Можете не сомневаться, что, как только нас отпустили на берег, я с друзьями отправился на поиски раковин. Целый день я провел в воде, с маской, вечером сидел в лаборатории. Я этикетировал добычу, записывал впечатления, а передо мной на столе среди прочих лежала ракушка из семейства Мурексов, или Багрянок — Филлотус дуплекс. Моллюск, как и полагается, втянул тело в раковину, укрывшись крышечкой — оперкулюмом. Из-под нее выделялась пена. Сначала она была белого цвета. Через некоторое время боковым зрением я заметил что-то странное, поднял голову и увидел: устье раковины окрашено в фиолетовый цвет. Я не сразу понял, в чем дело. А когда понял, тут же вспомнил финикийского царя.

Вот мы и упомянули главных героев нашего рассказа — моллюсков из семейства Багрянок, или Мурексов. Именно они служили основным источником для получения пурпура. В бассейне Средиземного моря в разных его районах сырьем служили моллюски трех видов: Мурекс брандарис, Трункуляриопсис трункулюс и Пурпура геместомы (т.е. буквально «кроваворотая»). Но в принципе пурпуросодержащее вещество имеется у всех членов этого семейства и у моллюсков близких семейств. В каждом моллюске содержится ничтожное его количество, концентрируясь в так называемой гипобронхиальной железе, в ее среднем отделе. Для окраски одного грамма шерсти

(а красили именно неспряденную шерсть) нужно было... 10 000 раковин. Известен такой исторический факт: когда Александр Македонский захватил в городе Сус сокровищницу персидского царя Дария, он обнаружил там кроме золота и прочих предметов роскоши 10 тонн тканей, крашенных пурпуром!

Я решил подсчитать, какая же гора могла получиться, если бы свалить все раковины, необходимые для этого, в одну кучу. Приняв (для ровного счета), что объем одной раковины 10 куб. см, я получил кучу высотой 100 м и диаметром у основания в 160 м!

И до наших дней дошли следы пурпурной индустрии. На юге Италии, вблизи Торенто, известен холм из осколков пурпурных раковин, который называется Монте Тестацеа, а вблизи города Сайда в Ливане обнаружен холм подобных осколков длиной в 100 м и высотой в 7!

...Итак, надо выйти на берег моря и собрать необходимое количество раковин. В Дакаре я, например, находил целые скопления Пурпуры геместомы на каменной гряде, зайдя в воду всего лишь по колено. Но чтобы найти те десять тысяч, что необходимы для окраски 1 г шерсти, надо было бы поработать и поработать. Тех Пурпур, что были на той гряде, явно не хватило бы. Тем более сложно обстояло дело с Мурексом брандарисом или с Трункуляриопсисом трункулюсом, которые обитают глубже. Правда, в Неаполе на базаре я видел рыбака, сидящего около кучи Мурекса брандариса не менее метра высотой. Он их продавал на вес. Можете быть уверены: я не выдержал и купил килограмм, но пурпур получить не стал. Мы их сварили, вернувшись на судно, и съели, а раковины — вот они, на фотографии.

Итак, вы собрали моллюсков в количестве, необходимом, например, для того, чтобы покрасить пуловер. Это примерно 500 г шерсти. Следовательно, нужно «всего» 5 000 000 раковин. Но собрать их нужно быстро, желательно в течение 1—2 дней, т.к. пурпур получают из живых или не более 1—2 дней хранящихся моллюсков. В противном случае качество краски резко ухудшается.

Тело моллюска освобождают от раковины и кладут в свиновый сосуд необходимого объема. Туда добавляют соль из расчета: чуть больше полкилограмма соли на 45 кг моллюсков. Три дня этот состав настаивается в месте, защищенном от солнечного света, затем сосуд помещается в печь, тоже защищенную от солнечных лучей (Плиний рекомендует разбавить этот настой водой, но он приводит количество воды в амфорах, не указывая, что это за амфоры. И тут я бессилен вам посоветовать). Варка длится 10 дней. Первое время сверху снимают примеси, пену, грязь, жир — словно накипь с супа. Через 10 дней в сосуд погружают шерсть, очищенную от жира, и варят еще три дня. Затем шерсть оставляют отмочить 5 часов и лишь потом, отмыв от раствора, вывешивают на просушку на солнце.

И вот тут-то и начинаются чудеса. Через некоторое время бесцветная до сих пор шерсть окрашивается в желтый цвет. Затем желтый цвет переходит в зеленый, зеленый — в голубой, потом в синий и наконец в разные оттенки фиолетового или красно-фиолетового. Да! Да! Именно фиолетового. А не в разные оттенки красного, как думают многие. Еще сто лет назад подобное удивление пережил, например, знаменитый французский ученый Лаказ-Дютье, первооткрывший пурпур: «Желая определить значение слова «пурпур» как краски, я обратился к живописи. Я осматривал картины мастеров, просил искусных и образованных художников указать мне тон, оттенок, какие они применили бы, изображая пурпуровую драпировку. Всегда при этом встречались большие затруднения, однако всегда я видел красный цвет преобладающим». Призывая на помощь литературу и живопись, я встречал относительно пурпура ту же неопределенность. Если же держаться опытов и приведенных указаний старинных писателей, то становится очевидным, что художники, желающие красить пурпуром, должны менять его сообразно с различными периодами. Чем дальше мы заглядываем в

старину, тем более преобладает фиолетовый оттенок, а чем более, напротив, мы приближаемся ко времени Плиния (около 80 года после Рождества Христова), тем более господствует красный, но, без сомнения, до того времени, когда уже перестали употреблять пурпур, основной тон этой краски должен быть фиолетовым.

Процесс проявления краски сопровождался отвратительным запахом. Он был так силен, что сведения о нем попали в исторические документы. Например, о неприятном запахе, исходившем от работников пурпурных красильниц, упоминается в так называемом папирусе Салье, относящемся ко времени фараона Рамзеса II (1300 лет до нашей эры). Считают даже, что парфюмерия как таковая возникла вместе с производством пурпура.

Теперь уже хорошо известно: все чудеса объясняются тем, что в гипобронхиальной железе моллюсков, из которых получают пурпур, содержится два его родственника — прохромогена, которые под влиянием ультрафиолетовых лучей превращаются в синий индиго и красно-лиловый диброминдиго. Муракс брандарис, например, содержит 6,6 — диброминдиго, при образовании которого в процессе фотохимической реакции выделяется 6 молекул очень неприятно пахнущего газа меркаптана.

Проявившись, эта краска не выцветала. Тит Лукреций Кар, чьи стихи я привел в качестве эпиграфа, несколько не преувеличивает. Так, например, те пурпурные ткани, что захватил Александр Македонский в Сусе, происходили из Гермियोны, что была расположена на побережье полуострова Пелопоннес, и попали они в сокровищницу за 180 лет до этого. 560 лет хранилась в римском храме Фортуны окаймленная пурпуром туника, посвященная в храм Сервием Туллием, — и не изменила цвета.

Огромная трудоемкость работы по окраске пурпура, по моему, несомненно для каждого, кто читает мой очерк. Астрономические количества моллюсков, необходимых для его производства; невозможность заготавливать краску впрок и, следовательно, необходимость проведения работ тут же, на месте сбора раковин, — все это удорожало стоимость продукции. Настоящий тирский пурпур да еще так называемый двойной пурпур (когда только что покрашенную «соком» Муракса брандариса шерсть перекладывали в другие чаны, где уже ждал ее экстракт из Пурпуры гемастомы, и снова варили) был предметом роскоши. Он спорил в цене с золотом. Недаром Геродот упоминает, что царь Крез в дар дельфийскому оракулу преподнес вместе с тысячами голов скота, драгоценными ложами, золотыми чашами и слитками также пурпурные плащи и хитоны. А персидский царь Камбис в дар эфиопскому царю вместе с золотом и миррой послал пурпурное одеяние. Поэтому достойны удивления строки романа Э. Бульвера-Литтона «Последние дни Помпеи»: «...Всюду виднелись прохожие, или, вернее, празднующиеся, почти все одетые в тирский пурпур». Далее он описывает ложа, защищенные от солнца тентами из пурпура, в тавернах.

На самом же деле девушка из знатного римского семейства имела возможность на своей праздничной тунике — претексте — иметь лишь узенькую пурпурную каемочку, а ее отец — патриций, сенатор, отправляясь на форум, надевал торжественную тогу — ангустиклавию, украшенную пурпурной каймой пошире. Консулы — высшая власть — носили вышитые пурпуром тоги.

Другое дело, когда заходила речь о боге. Римляне считали, что без пурпура молиться олимпийцам нельзя. Вергилий в «Энеиде», описывая подготовку к молитве, пишет: «Волосы должно покрыть и укутать пурпурным покровом...». И жрецы — авгуры — надевали для священнодействия короткие плащи — трабеи — с пурпурными полосами.

И так было не только в Риме. Вавилоняне посвящали пурпур изваяниям своих богов. Тертуллиан упоминает о пурпурных одеяниях царей Египта и Вавилона.

В конце концов пурпур стал символом лиц царского достоинства; в Византии, к примеру, простым смертным

было запрещено носить одеяние, окрашенное пурпуром. Нуворишу, посмевавшему польститься на такое, грозила даже смертная казнь.

А вот императору было дозволено все. Например, известно: паруса судна властителя Египта Птолемея Филопатра были орнаментированы тонким пурпурным рисунком. Пурпурные паруса несло судно Антония и Клеопатры в битве при Акциуме. А византийские императоры даже писали пурпурными чернилами.

Добыча пурпурных раковин и производство пурпура, не поддающееся механизации и требующее большого количества работников для сбора моллюсков — длительного монотонного труда, — было возможно только во времена рабовладения. Во времена средневековья их добывали для окраски царских одеяний да кардинальских мантий. Последний удар производству пурпура нанесло открытие алой краски шарлах, которую научились получать из насекомого щитовки (или кермеса), обитающего на малоазиатском дубе. И, наконец, в 1467 году папа римский Павел II специальным постановлением запретил красить мантии пурпуром.

Пурпурокрашение практически было ограничено Средиземноморьем. Известны лишь два района, где оно еще применялось. Первый из них — Британские острова. Здесь для этого использовался мелкий моллюск Пурпура лапильюс. Производство пурпура было в основном связано с монастырями. Пурпур изготовляли также жители Бретани, Нормандии, Ирландии и даже Норвегии. До наших дней дошли старинные пергаменты и книги, расписанные пурпурной краской. В Ирландии же этот промысел сохранился до XIX века.

Второй район — Центральная Америка. Здесь производство пурпура существовало еще в XVII—XVIII веках и практически тоже было основано на рабском труде. В качестве сырья использовался моллюск Пурпура патула, живущий в больших количествах на скалистых берегах в зоне прилива и у западного, и у восточного побережий Центральной Америки. Известны были панамский пурпур, а также пурпур из Никойи (Коста-Рика) и Никарагуа.

Пурпурокрашением занимались индейцы, живущие в маленьких поселениях рядом с прибрежными испанскими латифундиями. Так же собирали огромные количества моллюсков, но технология — если можно так сказать — была другой. Моллюска брали в руку, выдавливали из него каплю «сока» и через нее протягивали нить — хлопковую или из агавы. Потом эту нить откладывали в сторону на просушку, моллюска опускали обратно в море, брали следующего и следующую нить... И так далее, и так далее — непрерывный, однообразный и бесконечный труд. Зато ткани, вышитые пурпурным узором, славились на рынках мира.

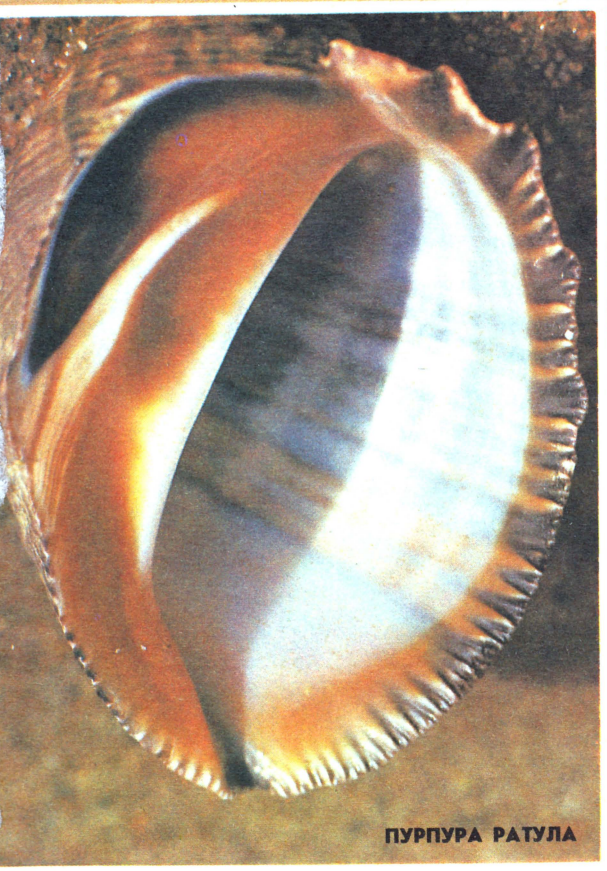
И, наконец, в далекой Индонезии, на острове Бали женщины получают пурпур настоящего чистого алого цвета из моллюска Вазум керамикус для... окраски ногтей.

На прощанье вернемся снова к строкам А. С. Пушкина. Обратите внимание: он-то явно знал истинный цвет пурпура. «В багрец и золото одетые леса!». Много ли вы найдете чисто алых тонов в осенней растительности? Золота — сколько угодно. Но алого?

Зато фиолетовые оттенки налило. Их появление связано с такими растительными пигментами, как антоциан и антоксантин, содержащимися в осенних листьях.

Двойной смысл таится в строках А. С. Пушкина: это и удивительно точное описание осеннего леса, и подчеркивание его поистине царственной красоты. Недаром же лес одет в атрибуты царского достоинства — в багрец и золото.

Простая на этом с пурпуром. Закроем эту страницу истории моллюсков и их раковин в связи с историей человечества. Взгляните теперь на окружающий нас мир и поищите в нем пурпурные оттенки в их истинном значении. Я буду рад, если вы увидите их теперь во множестве: в закатном или рассветном небе, в лепестках сирени, в кристаллах аметиста, в осеннем лесу. И если это будет так, значит, я рассказал вам эту историю не зря.

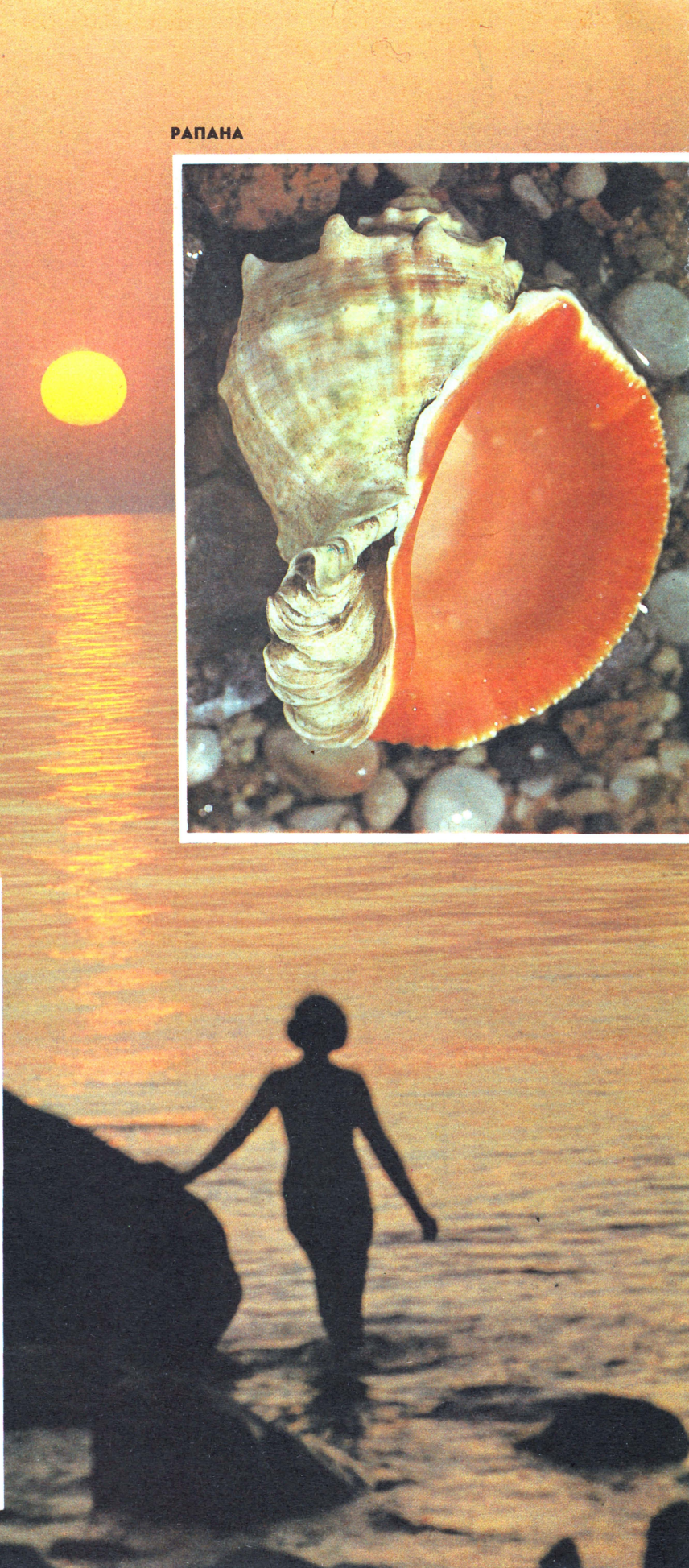

ПУРПУРА РАТУЛА

РАПАНА

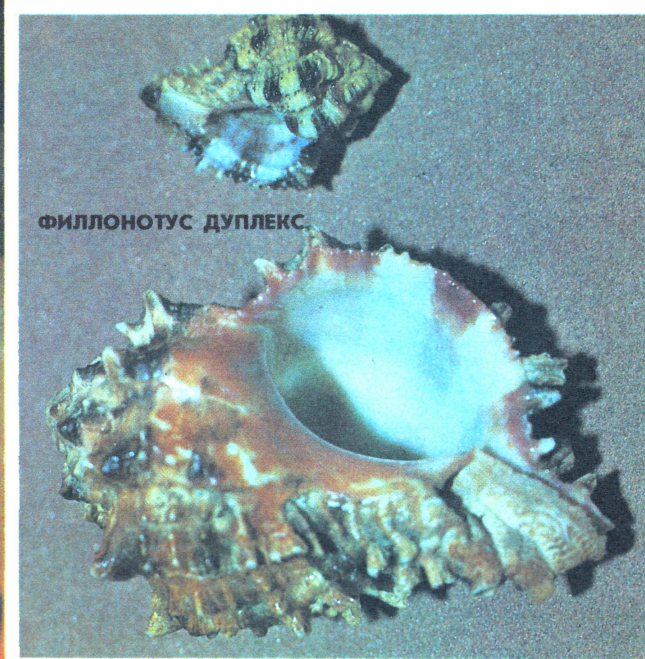

ВАЗУМ ЦЕРАМИКУС

ПУРПУРА ГЕМОСТОМА

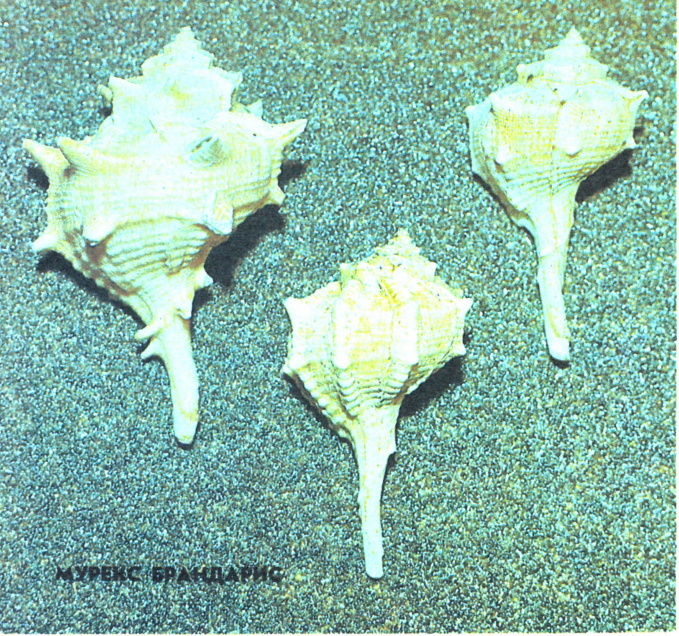

ФИЛЛОНОТУС ДУПЛЕКС

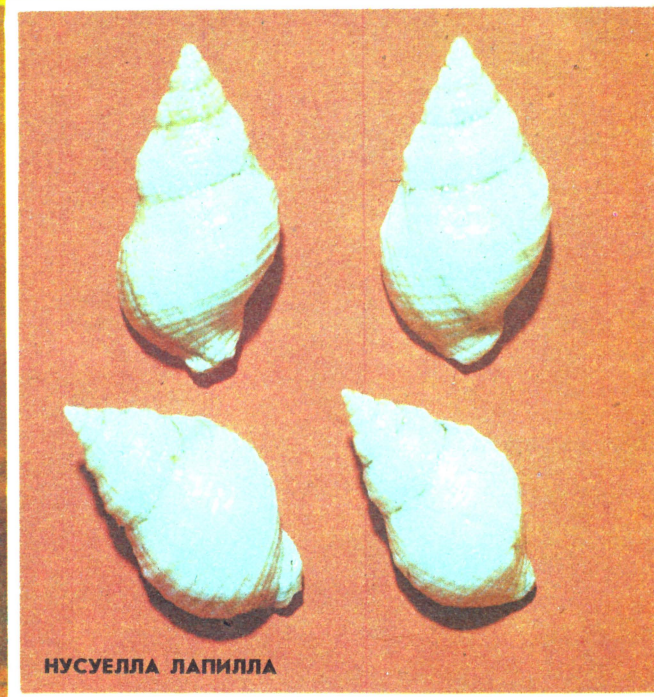

ТРУНКУЛАРИОПСИС ТРУНКУЛУС

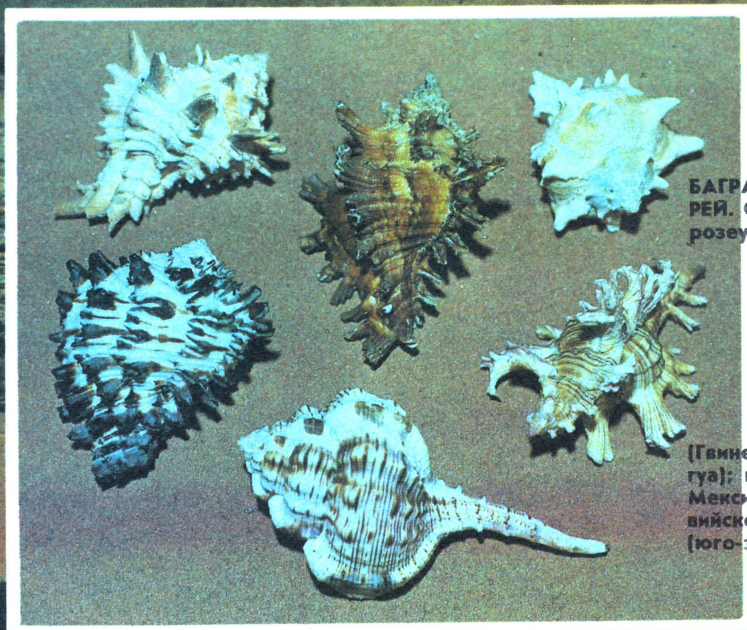
Забывтые краски

МУРЕКС БРАНДАРИС

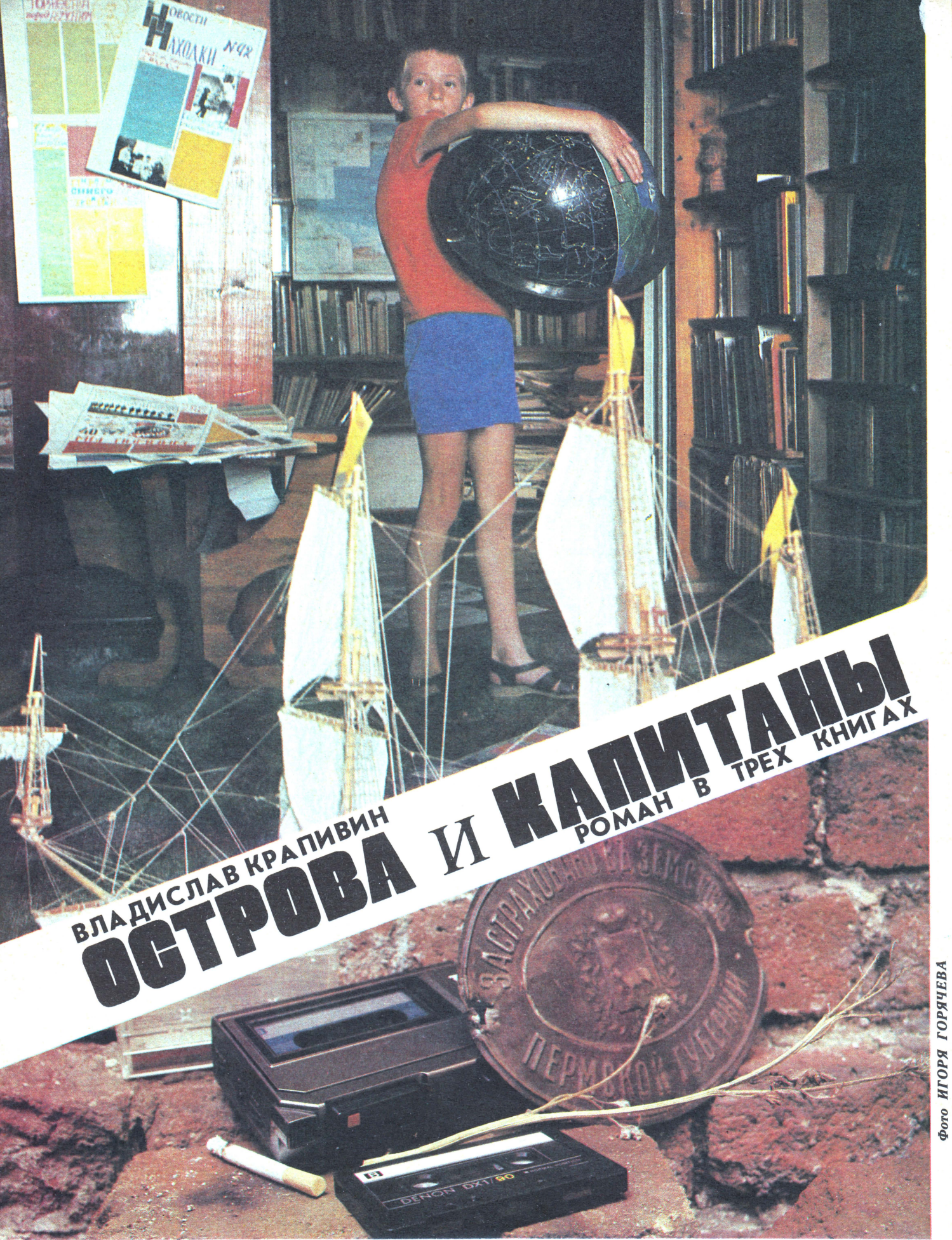
НУСУЕЛЛА ЛАПИЛЛА

БАГРАЯНКИ-МУРЕКСЫ РАЗНЫХ МОРЕЙ. Слева направо: сверху — Мурекус розеус (Сенегал); Мурекус брeвифронс

(Гвинея), Мурекус брассика (Никарагуа); внизу: Мурекус радикс (Западная Мексика); Мурекус хаустеллум (Аравийское море); Мурекус пальмарозе (юго-запад Индии).

ПЛАМЕННЫЙ ЦВЕТ — ПУРПУР СИДОНСКИХ ПУЧИН

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
РОМАН В ТРЕХ КНИГАХ

КАССЕТА

Утро восьмиклассника

Егор Петров, дома именуемый Гориком, в классе — Гошкой или Петенькой, а в компании Больничного сада наделенный кличкой Кошак, поднялся на второй этаж и сел на подоконник. В коридоре было тихо. Шли уроки.

Напротив окна белела дверь с табличкой «2 кл. Б». За дверью слышались бубнящие голоса, они иногда прерывались гневными возгласами и резкими щелчками — очевидно, указкой по столу. Очередной возглас прозвучал громче остальных, а через три секунды дверь с маху открылась и вылетел тощий рыжеватый второклассник, направленный наружу, видимо, умелой и решительной рукой.

Глаза встрепанного мальчишки влажно и сердито блестели. Сделав по инерции несколько шагов, он остановился и скачком вернулся к двери. В сердцах стукнул по ней пяткой. И лишь тогда глянул на Егора — с вызовом, не стесняясь злых слезинок. Видимо, это был характер. Егор даже ощутил к нему что-то вроде легкого интереса и сочувствия. Снисходительно сказал:

— Закурить есть?

Второклассник прошелся по Егору ощетиленными глазами.

— Ты что, офонарел? Большой, а дурак.

Кажется, это был не просто характер, а дважды характер. Но именно поэтому Егор потерял к нему интерес и сочувствие.

— Брысь.

— Сам брысь, — огрызнулся пацаненок и пошел в конец коридора, к туалету — ненадежному, но привычному приюту всех «классных изгнанников».

Стукнутая мальчишкиной пяткой дверь захлопнулась, но от удара тут же отошла. Из-за нее неслось:

— Хватит подсказывать и шушукаться!.. Хватит! Или кто-то хочет следом за Стрельцовым? Продолжаем! Кто ответит, почему поэт... Ямшиков, перестань клевать носом! Стукнешься им о парту, опять кровь пойдет, и кто-то окажется виноват!.. Кто скажет, почему поэт называет в своих стихах осень золотой?..

Егор косо зевнул и стал смотреть сквозь стекло. Поэты называют осень золотой от безделья или от своей поэтической придури. А на самом деле осенние листья просто корчатся и сыплются на слякотный асфальт серыми комками. Вот как сейчас с тополей. И на душе соответственно...

Жить бывает хорошо, если впереди светит что-то приятное. А что в ближайшие сутки могло светить Егору Петрову? Горик? Гошке-Петеньке? Кошаку?

Компания в «таверне» соберется не раньше понедельника. Курбаши исчез на несколько дней, сказал «по служебной надобности». Подвал запер, под замком укрепил написанную Валетом табличку: «Аварийное помещение. Вход воспрещен. Штраф 15 руб. Администрация ЖКО». Ключ забрал с собой. Недовольным объяснил: «Во избежание непредвиденных осложнений с общественностью. Все. Захлопнули ротки, джигиты».

Оно, конечно, культурный человек скучать и в одиночестве не должен. Одних только книг цивилизованное человечество накопило столько, что на тысячу жизней хватит. Родители Егора накопили их тоже немало. И были времена — Горика не могли от книжек за уши оттянуть. Но тот наивный период культурного развития кончился, когда созрела ясная мысль: все герои книг — и придуманные, и те, кто были на самом деле, — к нему, к Егору Петрову, никакого отношения не имеют. Найдет д'Артаньян королевские подвески или они останутся у миледи — не один ли фиг? Отыщет капитан Григорьев экспедицию капитана Татаринова или та навечно сгинет в неизвестности — что изменится в жизни Гоши-Петеньки, Кошака?.. Нельзя сказать, что мысль была приятная. Сначала она даже как-то обескуражила, потому что любить книжки Горик привык. Но какой смысл тратить время и нервы на чтение рассказов о чужих делах, если твои собственные от этого никак не меняются? Презирать книги Егор не стал, он сохранил к ним что-то вроде снисходительной почтительности, но вкус к чтению потерял.

Некоторое время, правда, держался еще интерес к детективам. Но, во-первых, все истории про преступников и следователей были похожи, а во-вторых, скоро Егору стало ясно, что он сочувствует не тем, кто ищет, а тем, кого ищут. А это было грустно — те, вторые, в книжках всегда попадались.

От книг мысли Егора перескочили на кино. С кино — проще. Тебе показывают — ты смотри. Надоело смотреть — закрой глаза и думай о своем... Но сейчас в кинотеатрах будто спятили: в «Луче» — индийская тягомотина «Любовь и закон», в других — «День любви», «Люби, люби, но головы не теряй», «О странностях любви», «И жизнь, и слезы, и любовь», «Еще раз про любовь», «Жених и невеста»...

В программе ТВ тоже сплошная мура...

И остается после школы одно: валяться кверху пузом на тахте («Горик, зачем ты лежишь в школьной форме, надень спортивный костюмчик») и щелкать кнопками плеера.

Мысли о плеере, конечно, греют душу. Ничего

Книга третья

НАСЛЕДНИКИ

(Путь в архипелаг)

Рис. Евгении Стерлиговой

не скажешь, папочка не поскупился, отвалил валюту за карманный стереомаг знаменитой фирмы «Сони». Вся машинка — величиной с портсигар. Два выносных динамика — каждый размером со спичечный коробок. А еще — гибкая дужка с крошечными наушниками. Кнопки, микролампочки сигналов, сетчатые головки микрофонов по углам серебристого футляра (они похожи на выпуклые глаза большой мухи). Не магнитофон, а прибор с корабля космических пришельцев. В «таверне» как увидели — губы развесили. Даже Курбаши не скрыл почтения к заграничной вещице. Уважительно покачал плейер на ладони, а остальным сказал:

— Никому не лапать, пальчики отдавлю.

Потом обратился к Егору:

— Ай, Кошачок, наградил тебя родитель, хороший человек. С чего это он?

— Говорит, к четырнадцатилетию...

— Мы же твои именины вроде бы летом отмечали.

— Его тогда не было. А сейчас вернулся из Австрии, там японской техники навалом. Вот и привез...

— Давние грехи замаливает, что ли? — хмыкнул Валет.

Егор промолчал. Охота вспоминать? Курбаши — он понимающий мужик — посмотрел на Валета: язычок, мол... Валет усох.

— Да, умеют сволочи делать вещи на загнивающим Западе, — вздохнул Курбаши. Надел мини-телефоны, послушал. — Ай какое звучание. Рахат-лукум...

Звучание и правда было прекрасное. Особенно с наушниками. Закроешь глаза — и будто оркестр живой вот тут, в твоей комнате... Но беда в том, что это интересно лишь поначалу. И если ты не один. А когда слушаешь просто так, сам с собой, интереса хватает на двадцать минут. Потому что, если говорить совсем-совсем честно, Егор в этой музыке ни бум-бум. Все эти «Стайеры», «Чингисханы», «Бони-М», «Черные лимузины», «Кенгуру», от которых компания балдеет, жмурится, причмокивает и подергивается, кажутся Кошаку одинаковым дребезжаньем, равномерным буханьем и воплями на иностранных языках (холера их знает, о чем поют!). Но ведь никому не скажешь такое! И Кошак жмурится, подергивается и двигает локтями так же, как остальные. Это ничего, даже весело. Одно слово — ритм. И может быть, Егор со временем разберется, вникнет поглубже в музыкальное искусство, а пока главное — не выглядеть дураком среди знатоков.

Знатоки эти душу готовы продать за новые записи. Копчик раздобыл у кого-то на стороне японскую кассету с «Викингами» и принес свою расхлябанную «Десну». Перепиши, говорит, с плейера на мой ящик.

— Со стерео на моно? — хмыкнул Егор.

— Ну, хоть что-то да получится. Постарайся.

Копчик смотрел просительно, даже подхалимски. Егор поставил условие:

— Мотор дашь погонять? У тебя, говорят, новый...

— На воскресенье бери хоть на целый день. А до выходного — забито.

Мысли о мопеде немного развеяли скуку. Мотор на весь день — совсем неплохо. Но это лишь через три дня. А до того что? Эх, были бы свои колеса с движком...

— Даже пятиклассники по улицам гоняют — и то ничего! А мне нельзя почему-то! — не раз скандалил дома Егор.

— Пусть гоняют, если у них матери такие! А я не могу своими руками сына отправить в могилу! Ты у нас с отцом один!

— Я виноват, что ли, что один? — вскипел однажды Егор. — Думать надо было!

Мать, к его удивлению, не стала кричать, ронять слезы и упрекать в хамстве и неблагодарности. Наоборот, как-то странно успокоилась и объяснила, что, когда рожала его, Егора, врачи с ней и с ним намаялись и несколько лет подряд утверждали, что второго ребенка нельзя, несмотря на то, что отцу хотелось. А теперь, на старости лет, что об этом говорить.

Егор буркнул, что никакой «старости лет» нет, просто хлопот не хочется.

— А тебе хлопот хочется? С малышом нянчиться стал бы?

— А у меня таланту нет, — огрызнулся Егор, потому что вспоминал недавний разговор с режиссером Александревским.

Было это прошлой осенью. Режиссер с помощниками пришел в школу. Здесь ничего удивительного — школа-то вся из себя передовая, показательная и самая-самая. То и дело всякие «встречи с интересными людьми». Но режиссер пришел не выступать, а искать исполнителя для своего кино. Мальчишку-семиклассника. И его помощники тут же «кинули глаз» на Гошку Петрова: «Ах, какой мальчик! Мальчик, хочешь сниматься?»

А чего? Если глянуть со стороны, для кино он в самый раз. Красавец — не красавец, но недаром «Петенька». Локоны и улыбка — со знаком качества, это видно всем.

Неделю Егор торчал на студии, даже с уроков отпускали. И все шло хорошо. Перед камерой он не терялся, двигался бойко, фразы говорил выразительно. И лишь когда стали релетировать сцену с велосипедом, Александревский начал морщиться. В этой сцене главный герой притаскивает с улицы братишку-третьеклассника, который загремел с велосипеда, погнул руль, повыбивал спицы из колеса. И вот покореженный велосипед (причем чужой, не братьев) — в одном конце комнаты, ревущий сопливый пацан с ободранной локтем и шишкой на лбу — в другом, а Егор должен метаться между ними — и ругаться, и брата жалеть...

Что-то режиссеру не нравилось: все «стоп» да «стоп»! Все у Егора не так! А при чем здесь он, если этот хлипкий и вареный «братец» сам ничего не может, даже слов не помнит как следует. Егор Александревскому так и сказал. А тот вдруг спросил:

— Слушай, неужели тебе его ничуть не жаль?

Егор удивился. Александревский пожал плечами и объявил перерыв до завтра. А на завтра — все то же, «братец» вздрагивал, лопотал что-то невнятное. И в перерыве Егор с досады дал ему леща. Легонько так, тот лишь заморгал. Но Александревский, оказавшийся рядом, вдруг сказал незнакомым голосом:

— Вот что, молодой человек, гуляй-ка домой.

— Почему? — изумился (и обиделся, и разозлился) Егор.

— Потому. Ты никогда не сможешь быть братом.

— Но это же...

— Все. Гуляй, — со вздохом повторил режиссер. — Единственное дитя...

Мама хотела пойти на студию, жаловаться на Александревского. Егор заорал, чтобы не смела. Отец сказал:

— А ты что думала? Что он в народные артисты выбьется? Пускай о нормальной профессии думает.
«Таверна» добродушно побалагурила по поводу провалившейся кинокарьеры Кошака, и дело вскоре забылось.

А сейчас вот здесь, на подоконнике, почему-то вспомнилось. Видимо, от нечего делать. Когда сидишь так, не зная куда себя девать, в голову лезет чепуха. Все больше невеселая.

Егор глянул на часы. С начала урока прошло тридцать минут. Значит, еще пятнадцать, а потом перемена, а потом еще целый урок. Потому что «физра» в расписании сдвоенная. И он пожалел: зачем старался, чтобы поперли с физкультуры?

Добился он этого просто. Сперва физрукша Валентина Николаевна с мужским прозвищем «Коленвал» велела всем, «кто явился на урок без формы, сидеть у стенки и не возникать». («А потом я напишу докладную директору».) Егор сел с послушным видом. А во время разминки, когда народ бегал по кругу, сунул ступню под ноги грузной Вальке Титаренко. «Титаниха» на пузе поехала по половицам, как мешок с колбасой, и, конечно, завывла. Светка Бутакова запылала своим активистским гневом:

— Ох и скотина ты, Петенька!

Егор потребовал объяснений: в чем он виноват и почему она, комсомольско-пионерская и прочая командирша, позволяет себе так обзывать представителя несоюзной молодежи? Вот если бы не она, а он такое слово на уроке сказал, что бы тут началось, а?

Девчонки поднимали Титаниху и жалели. Парни сдержанно гоготали. Подошла Коленвал и велела Петрову убираться вон.

— А потом я напишу докладную директору!

— Про что? Про то, что эта балерина под ноги не смотрит?

— Иди, иди! Являются не готовые к уроку да еще другим гадости делают.

Егор оглянулся в дверях:

— А чего «не готовые»-то? Если костюмов нигде не продают!

— Уж тебе-то папаша мог бы достать!

Егор, у которого было четыре тренировочных костюма, в том числе финский и японский, сказал:

— Папаша мог бы, конечно, но не будет. Надо, чтобы они были в наших советских магазинах.

— Нет, вы посмотрите! Ему уже советские порядки не нравятся! — завопила вслед физрукша.

Егор мысленно прикинул разговор с директоршей, если Коленвалиха не поленится накатать донос. «Клавдия Геннадьевна, я понимаю, что учителя тоже люди, что устают, и так далее. Но нельзя же так сразу нападать, и без доказательств. Да еще намеки да отца. Он что, воровать должен?» — «Ну-ну, Петров, успокойся. Ты ведь тоже не сахар. Умный мальчик, а способы для самоутверждения порой выбираешь совсем не те. Давай договоримся, что...» Ох и скучища, граждане!

...Да, лучше бы уж сидеть на физкультуре. Можно потрепаться с «бесформенными» соседями, бросить пару реплик насчет грации Вальки Титаренко или тюфяка Маклевского, который висает на турнике, как обморочный пингвин... Можно просто смотреть, как вертятся и гнутся на кольцах и брусьях девчонки в своих цветных купальниках. Особенно гибкая и

смуглая Бутакова. Нельзя сказать, что это зрелище как-то шекочет нервы Егору, но все же оно приятнее, чем серые тополя и слякотный двор.

Дверь во второй «Б» прикрыли, разговоры про золотую осень стали неслышны, а та осень, что за окном, все сыпала и сыпала грязные комки листьев. Через двор к школе шел милиционер, вел за плечо серженного пацана — тот семенил и прижимал к животу ладони: то ли ему хотелось в туалет, то ли съезжали штаны.

Егор Петров перестал смотреть на двор и глянул вдоль коридора. Из-за поворота возникло понурое существо, жалось к стене. В существе Егор узнал четвероклассника Пулю. Пуля, несмотря на боевое прозвище, был боязливой неприкаянной личностью, которую недавно пригрозил в «таверне» Валет.

Судя по всему, Пулю выставили с урока, и теперь он, отчаянно боясь встретить завуча, пробирался в спасительный туалет (и там будет сидеть в кабинке с задвижкой до звонка).

Егор, тут же ощутивший себя Кошаком, хмыкнул, мягко потянулся, щелкнул языком. Пуля дернулся и обмер на месте. Егор, в точности как Валет, затуманил взгляд, шевельнул пальцем и потратил два слова:

— Пуля — иди...

Пуля, бедственно улыбаясь, засеменил к Егору. Разумеется, он считал безумием со стороны Кошака так нагло сидеть на подоконнике, когда полагается быть на уроке или, по крайней мере, подальше от всех глаз. И больше всего Пуле хотелось стинуть в милый сердцу санузел. Но не подчиниться кому-то старшему из «таверны» было для него тоже немислимо.

Понимая Пулины терзания и чувствуя от этого удоловствие, Кошак опять потянулся и спросил:

— Пуля — пулей из класса?

— А чё... Я тетрадку забыл, а она...

— Закурить есть? — перебил Егор.

— Ну чё... откуда?

Показывая, как не хочется ему делать лишних движений и как он раздосадован, что делать их приходится, Егор сполз с подоконника. Нагнулся, задрал у Пули штанину, выдернул из-под резинки носка мягкую пачку «Примы» с единственной сигаретой.

— Ну чё... последняя, — виновато хныкнул Пуля и поежился от подзатыльника. Хлопок, впрочем, был не сильный. Скорее, ритуальный. Пуля заслуживал наказания за вранье, но понять его тоже было можно: кому охота отдавать последнюю.

Егор вынул сигарету, затолкал пустую пачку за батарею и пошел к туалету. Пуля, обрадованный, что расплата за обман оказалась пустяковой и что движуха они к убежищу, почтительно торопился сбоку. Осмелел и спросил:

— Оставишь маленько подымить?

Егор не ответил. Оставит ли он пару затяжек для несчастного Пули, будет зависеть от настроения.

В туалете пахло застарелым дымом и хлоркой. Было пусто. «Где же тот вредный второклассник? Наверно, слинял на третий этаж», — мельком подумал Егор. На приступке за батареей нащупал коробок, оставленный здесь для общего пользования, чиркнул, задымил. Забрался на подоконник под открытой форточкой.

Радости от сигареты не получилось. Дым показался горьким. Егор подавил кашель, сплюнул. Закружилась голова. Егор упрямо затянулся еще раз,

Потом глянул на Пулю. Тот смотрел жалобно и вопросительно: ты меня не забыл? Егор скомкал сигарету, бросил в форточку. С удовольствием понаблюдал за Пулиным разочарованием и назидательно сказал:

— И так дохлый. Смотри, совсем скорчишься от никотина. И куда Валет смотрит...

Сам Егор курил от случая к случаю: ради компании или так, со скуки. Именно поэтому, а совсем не по бедности, при себе сигарет не носил. Оно и спокойнее. А то мать найдет, опять стоны будут...

Загремел звонок, просторный туалет начал стремительно заполняться галдящей толпой. Пулю задвинули в угол. Егора вежливо попросили «прибрать ходули», а то хитрый какой: персональное купе сделал из окна. Егор встал на подоконнике, прислонился к боковой стенке оконной ниши. Дым уже висел слоями пластами. Пласты колыхались от коловращения плеч и голов. Обрывки разговоров, легкая ругачка и смех смешивались и тоже как бы повисали волнующимися и рвущимися слоями.

Было тесно и суетливо. Но тем не менее присутствие и некоторый порядок. Зря никого не толкали, малышня снисходительно пропускали без очереди к кабинкам и другим необходимым местам. Те, у кого был сигаретный запас, не проявляли скарденности. Возможно, откололся бычок и неприкаянному Пуле — от какого-нибудь великодушного шестиклассника. Большие-то младший возраст куревом не балуют. Из педагогических соображений.

В углу у раковины стояли парни из десятого. Один — высокий, тонкий, с темными усиками, в форме, изящной, будто фрячная пара — поигрывал красной зажигалкой с золотой надписью «Мат!бого». Аристократический запах «Золотого руна» расходился от этой компании, дразня тех, кто сосал «Примы» и «Родоли».

Заметил Егор и нескольких одноклассников, они прибежали сюда в тренировочных костюмах. Трикотажная ткань впитает сигаретный дух, и, когда ребята придут на второй час «физры», Коленвал, как всегда, подымет крик: «Насквозь прокурились! Дышать нечем! Напущу докладную!» Причем виноватыми будут и те, кто сроду куревом не баловался. Вот, например, как Ямщиков...

Венька Ямщиков, по прозвищу Редактор, пришел не один. Он вел пацаненка лет восьми — коренастого, с растрепанной круглой головой. Пацаненок запрокидывал лицо и прижимал к носу пальцы. Из-под пальцев ползли на подбородок алые струйки.

— Ну-ка, ребята... — озабоченно сказал Ямщиков, и народ раздвинулся, пропустил его к раковине. Несколько голосов спросили, что случилось и «кто его так».

— Да ну... — с досадой отвечал Венька. — У других нос как нос, а его чуть щелкнешь — и побежало... Носился и сам не знает, где стукнулся. Я иду, смотрю, а у него капает...

Венька растопыренной ладонью вымыл мальчишке лицо, зацарапал мокрыми пальцами по бедру в поисках кармана с платком, но на тренировочных штанах карманов не было. Десятиклассник с зажигалкой протянул свой платок — большой и очень белый. Венька кивнул, вытер пацаненку физиономию, что-то сказал. Тот, послушный и бледный, встал у стены, закинул голову, а платок прижал к носу. Видно, кровь еще не унялась.

Егор, глядя, как Редактор смывает кровь с мальчишкиных щек и подбородка, шевельнул плечами. Из-за брезгливости. Но вместе с брезгливостью ощутил Егор и непонятную досаду: опять почему-то вспомнился Александревский: «Ты никогда не сможешь быть братом...»

Мальчишка с разбитым носом был Венькин брат — второклассник Иван Ямщиков. Ванька...

— Парни, атас... — негромко сказали у дверей. Окурки полетели в писсуары. Гул утих. Кажется, даже дым перестал колыхаться. И возник молодой учитель физики Мстислав Георгиевич. Высокий, с широкими плечами борца, но с тонким лицом, с черной волнистой шевелюрой и гибкими узкими руками музыканта. Работал он в школе первый год, был любимцем старшеклассниц и носил прозвище Поп-физик (из-за того, что читал популярные лекции по современной физике в школьном лектории).

— Мужественные люди, — сказал Поп-физик от порога. — Как вы здесь живете без респираторов? Прошу выходить по одному. Советую сдавать табачное зелье добровольно, не вынуждая меня прибегать к обследованию карманов.

Обитатели дымного приюта потянулись к выходу. Большинство было уже «без улик», задержки у дверей не происходило.

Скоро в туалете осталась мелкота, свободная от подзрений, Венька с братом, трое десятиклассников и Егор. Он опять удобно сел на подоконнике. Поп-физик шагнул к окну.

— Ну, что касается Петрова, то он, разумеется, успел освободиться от компрометирующих предметов. Не так ли?

— Естественно, — отозвался Егор. — Я здесь давно.

Поп-физик обернулся к десятиклассникам. Высокий парень, улыбаясь, убрал красную зажигалку «Мальборо» в нагрудный карман, а пачку с сигаретами «Золотое руно» держал в ладони.

— Костецкий, — сказал Мстислав Георгиевич. — Вы не станете отрицать, что вам известны «Правила для учащихся»? Равно как и решение директора об усилении борьбы с курением в стенах вверенной ей школы?

— Разумеется, — отозвался Костецкий. — Клавдия Геннадьевна любезно проинформировала нас об этой новой акции.

— В таком случае вы меня крайне обяжете, если передадите мне свои сигареты.

— Охотно! — Костецкий с полупоклоном вручил пачку Поп-физику. Тот посмотрел на двух других десятиклассников.

— У них нет, Мстислав Георгиевич... — Костецкий улыбался той же светской улыбкой, что и Поп-физик. — Я их сегодня угощал... Но вы не огорчайтесь, пачка почти полная. При некоторой экономии вам хватит до зарплаты. А если нет — можно провести еще несколько туалетных обысков.

Улыбка Поп-физика закаменела. Он сжал пачку в кулаке, шагнул к ближней кабинке и рванул на себя дверцу. Из-за нее, пискнув от ужаса, выкатился под ноги Мстиславу Георгиевичу несчастный Пуля. Подхватил штаны и — к двери. Растерянно глянув вслед беглецу, Поп-физик швырнул пачку и рванул рычаг.

Костецкий, переждав громкое бурление, заметил:

— А вот это нерационально: смывать в канализацию материальную ценность...

Поп-физик снова обрел невозмутимость, но уже не улыбался.

— Меня, Костецкий, более волнуют моральные ценности. Даже столь сомнительные, как ваш нравственный облик. Впрочем, я предвижу, что здесь педагогика бессильна...

— Ваша педагогика? — сказал Костецкий.

— Мировая... Поздно уже. Начинать следует вот с таких... — Он неожиданно повернулся к братьям Ямщиковым и сменил тон: — Надо же как надымился! Аж белый весь!

Ваня Ямщиков больше не прикладывал платок к носу, но все еще стоял с запрокинутым лицом, упирался затылком в стену. Кровь уже не шла, следы ее Ванька стер влажным платком, но лицо братишки по-прежнему было бледным.

Мстислав Георгиевич шагнул к Ване. Ванька в ту минуту стоял от брата в двух шагах. Всех восьмиклассников Поп-физик уже более или менее знал и понимал, конечно, что у Ваньки Редактора ничего общего с курильщиками быть не может. И не взглянув на него, Мстислав Георгиевич резко нагнулся над Ваней. Взял его за подбородок.

— Еле стойшь! Эк ведь насосался дряни! Еще есть? — Он длинные свои пальцы ловко сунул в карман Ванькиных брюк.

Ваня дернулся, затылком крепко цапнул по стене, и в тот же миг Ванька врезался между Поп-физиком и братишкой.

— Вы что! У него кровь, а вы!.. — Голос Ваньки был не голос, а сплошной яростный звон. Лицо побелело — сильнее, чем у брата. Мстислава Георгиевича отшатнуло.

— Да ты что... Ямщиков!.. Я...

— У него кровь, а вы... — опять сказал Ванька, часто дыша. Он заслонил Ваню. Егор успел заметить, что у того в ноздре опять набухла красная капля. Заметил, видно, это и Поп-физик. Сказал, пряча смущение:

— Что, по-твоему, это я ему нос разбил?

— А нечего в чужие карманы лазить, — тонко отчеканил Редактор. — У себя шарьте, а у него — права не имеете.

— Ну, ты... — Мстислав Георгиевич шевельнул желваками. — Соображаешь, с кем говоришь? И что говоришь...

— Между прочим, он за брата заступается, — неожиданно сказал с подоконника Егор. Мстислав Георгиевич оглянулся.

— Ну и что? Значит, можно позволять хамство?

— А обшаривать малышей — это, конечно, не хамство, — заметил в пространство Костецкий. Поп-физик повернулся к нему.

— А вас с какой стороны это задевает?

— Просто фиксирую обстоятельство. — Костецкий опять тонко улыбнулся. — Мировая педагогика дала собой. Перед лицом двух братьев.

— Кто-то из малышей осторожно хихикнул. Поп-физик медленно спросил:

— Знаете, Костецкий, о чем я мечтаю?

— Разумеется, знаю. О светлом июньском дне, когда мы встретимся на выпускном экзамене. Вот тогда-то...

— Нет, о более позднем дне,— перебил Поп-физик.— Когда вы с аттестатом и, возможно, даже с медалью покинете родную школу и мы сможем встретиться где-нибудь... так сказать, на равных. Тогда я смогу без особого риска для своей должности дать вам оплеуху. В крайнем случае поплачуся пятнадцатью сутками. Удовольствие стоит этого...

Стало очень тихо. Костецкий опустил голову, сбил с рукава чешуйку пепла и сказал совсем негромко:

— Вы ждете от меня примитивного ответа. В том смысле, что неизвестно еще, кто кого, не правда ли?.. Нет, оставим это для другого раза. Как и дискуссии о нравственном облике. Дело-то не во мне. Дело в таких, как он...— Костецкий кивнул на Ваню.— Им, беднягам, сколько еще страдать из-за вашей «педагогики»...

Он обошел Поп-физика и с приятелями двинулся к двери.

— Платок...— сказал Венька. Костецкий махнул рукой.

Грянул звонок. Поп-физик вздрогнул, деловито посмотрел на часы и, не глядя по сторонам, тоже быстро вышел.

Умчалась мелкота. Венька еще раз вытер Ване нос, взял его за плечо и повел к двери. Не оглянувшись на Егора.

То, что Редактор даже не посмотрел на него, Егора неожиданно раздосадовало. Как-никак он, Гошка Петров, за Веньку только что заступился. Пусть случайно, мельком, но все-таки. А тот ни ухом, ни глазом не повел... Мимолетное сочувствие к братьям Ямщиковым разом угасло, и Егор в опустевшем туалете начал думать о Редакторе с привычной ленивой неприязнью.

Венька Ямщиков был из тех беспомощных шизиков, которые всегда скребут на свой хребет. Классная Роза обозвала его однажды на собрании донкихотом, но это по глупости. Дон-Кихот был все-таки в доспехах, с мечом и копьем. Где-то наполучает шишек, а где-то и другим их наставит. К тому же в те давние времена простительно было верить во всякие принципы и справедливость. А сейчас, когда всем ясно, что надо писать в сочинениях и как надо жить на самом деле, Венькины подступки даже смеха не вызвали. Только недоумение.

Прошлой весной, например, когда Копчик со своими корешами (не из «таверны») вышел на небольшой промысел у цирковых касс и начал трясти мощную двух послушных первоклассников, Венька Ямщиков встрял между ними. Ну, если бы еще драться начал (с дуру-то можно и так) или грозить чем-нибудь, а то глянул вот такими глазами и тонким голосом спрашивает:

— Ребята! Да вы что, разве вы не люди?

Это Копчик потом в «таверне» рассказывал. «Ну, мы его пнули два раза, потом ушли. Я малость перетрухнул: думаю, вдруг чокнутый, опасный какой-нибудь... Кошак, вы его там в школе врачу не показывали?»

Насчет врача один раз и Розушка высказалась, не стерпела:

— Тебе, Ямщиков, честное слово, лечиться надо! Ну нельзя же быть таким... вне времени и пространства!

Это прошлой зимой было, когда Венька на классном часе поднял крик, что в школе нарушаются законы: мол, совсем недавно заведующий облоно говорил по телевизору, что нельзя собирать с ребят деньги на ремонт школы, а здесь опять — сдавайте по три рубля!

Роза Анатольевна в сердцах выдала фразу, что говорить-то легко, а пусть этот заведующий лучше денег даст.

— А он сказал, что полтора миллиона отпущено!

— Да? — взвилась Классная Роза.— А рабочие тоже отпущены? Пусть он за эти полтора миллиона маляров найдет! По безналичному-то расчету! Спроси вот его отца, во что он, этот ремонт, обходится! — Она кивнула на Егора.

Отец Егора Виктор Романович Петров был начальником экспериментального цеха на «Электроне» и теперь этот цех расширял и перестраивал. И заодно помогал школе в ремонтных делах.

Егор сказал назло Розушке:

— Ну, он не вашими трешками с малярами расплачивается...

— А все-таки интересно, куда эти полтора миллиона деваются...— начал Венька, но Классная Роза хлопнула журналом о стол.

— Хватит! Надоели твои трехрублевые принципы! Не хочешь — не сдавай!

— И не буду,— сказал Венька.

И не сдал. Один из всех. Розушка только зубами скрежетнула.

А было время, когда она Ямщикова привечала. Считала «среди тех, на кого я могу положиться». В четвертом классе, в пятом, даже в шестом. До случая с газетой, когда Редактор получил свое прозвище. В начале февраля, на классном часе Светка Бутакова подняла вопрос: что это за коллектив, если нет своей боевой пионерской стенгазеты? Ну и проголосовали, чтобы выпускать. И Ямщикова выбрали редактором. Он тогда еще такой был: хоть куда выбирай — не сумеет отказаться. Надо сказать, Венька и не пробовал отказываться. Лишь попросил:

— Только заметки пишите.

Все радостно заорали, что, конечно, будут писать. Неделя Венька ходил, выпрашивал материалы для газеты. На него, понятно, смотрели как на психа. Только Бутакова написала про то, что третья четверть — самая решающая, да Юрка Громов — про свою черепаху по имени Луноход.

Газета вышла. На обычную стенгазету она была не похожа. Напоминала страницу из настоящего, в типографии отпечатанного яркого еженедельника. Заголовок «Наши новости» (с большой двоянной буквой Н) Венька сделал черной тушью, заметки отстучал на машинке (и где только взял?). В первом материале, напечатанном одними заглавными буквами, редактор Ямщиков обращался к читателям и сообщал, что это их газета и пусть пишут в нее про все интересное и важное, а не такую тягомотину, как Бутакова. Так и было напечатано: Т Я Г О М О Т И Н У.

Заметка о черепахе Луноходе была помещена под рубрикой «Кошкин дом», и читателям предлагалось

рассказывать о всех своих любимых домашних животных. Была высказана интересная мысль, что по всем этим кошкам, болонкам, догам, канарейкам, хомякам и черепахам можно судить о характере их хозяев.

Маленький верткий Юрка Громов подлетел к Веньке:

— Значит, я — как черепаха?

— Ты — как космонавт, — утешил Венька. — Ведь она — Луноход...

Статью Бутаковой Ямщиков тоже поместил, но мало того, что обругал в начале, он ей и послесловие написал: надо бы старосте класса не твердить общие слова, от которых ко сну тянет, а делами помогать успеваемости. Почему, например, Бутакова не вступилась за Громова? И дальше шла заметка под броским черным заголовком: «За что двойка?».

Громов опоздал на геометрию после физкультуры, потому что у него кто-то спрятал в раздевалке ботинок. Пока нашел на шкафу, пока шнурки распутал... Влетел в класс, а математичка Лизавета Яковлевна — в крик: «Я сколько раз говорила, что пора прекратить ваше разгильдяйство? Садись, два за этот урок!»

Вот Венька и спрашивал: за что два? За ботинки, за шнурки? И если бы даже Громов опоздал по своей вине, это же не значит, что он теорему не выучил!

Были еще заметки под рубрикой «Чудеса со всего света» — Венька собирал их из разных газет, но пересказал своими словами. В отдельном столбце — поздравления всем, кто родился на этой неделе (редактор выражал надежду, что именинники станут активными корреспондентами газеты «НН»). Еще какая-то мелочь была и даже фотография с субботника по расчистке снега. Но говорили все главным образом про заметку о двойке. И ждали: чем кончится?

Кончилось, конечно, криком на классном часе. Бутакова ревела и требовала, чтобы ее переизбрали из классных старост. Роза Анатольевна настаивала, чтобы Ямщиков все обдумал и сам — сам! — снял газету. Да, она оформлена неплохо, есть интересные задумки, но Ямщиков должен понять, что бывает критика, а бывает критиканство — пустое и безответственное. Да! Елизавета Яковлевна учит школьникам математике тридцать лет, и вдруг какой-то шестиклассник указывает ей, когда и как оценивать знания!..

— Не знания! — сказал Венька.

Когда Классная Роза волновалась или утверждала какие-то истины, то крепко нажимала на букву «и». Получалось «йи».

— Какое ты имеешь право судить? Елизавета Яковлевна — одна из лучших педагогов. Ее уважают все учителя йи ученики.

Ямщиков сказал, что пускай тогда извинится перед Громовым и зачеркнет двойку. Если хочет, чтобы и дальше ее уважали все.

— Ты воображаешь, чего потребуешь?!

— Справедливости, — сказал Венька. В классе захихикали.

— А кто ты такой, чтобы ее требовать? Чтобы критиковать? У тебя откуда такое право? Ты его заслужил? Ты сначала посмотри на себя! Лучшее бы от троек йизбавился да прическу привел в порядок!

Троек у Веньки было всего ничего, и на прическу его Розушка раньше внимания не обращала. Венька с первого класса был такой: светлые волосы торчали

сосульками во все стороны, сколько ни приглаживай. Может, из-за этих сосуллек тонкошей и круглоголовый Венька выглядел особенно нескладным и беззастыдным. Егору он казался похожим на Кролика из фильма про Винни-Пуха. Только Кролик — маленький, а Венька — довольно длинный и без очков (хотя большие круглые очки были бы очень подходящими для его редакторской физиономии).

Венька спросил:

— А если тройки, если прическа не гладкая — критиковать никого нельзя?

— По крайней мере, надо знать рамки! На взрослых замахиваться вам рано.

— Вы же сами говорили про самостоятельность и принципиальность, — негромко сказал Венька.

— Ну... и в чем ты видишь противоречие?

— Несправедливая же двойка...

— Йин-те-ресно... Сам Громов помалкивает, значит, несправедливости не усматривает. А ты, видите ли...

— Громов просто не знает, что делать. А я редактор...

— Дорогой мой! Даже взрослым редакторам указывают их место, если они позволяют себе лишнее и переходят границы дозволенного. А ты... Запомни: чтобы кого-то критиковать, надо самому быть образцом. Понял?

Ямщиков сказал неожиданно кротко:

— Я понял вашу мысль.

— Вот и хорошо. Значит, снимаешь газету?

— Я-то что? Меня класс выбирал, пускай и решают все...

Девчонки, жалевшие Бутакову, завопили, чтобы снять. Парни заорали: оставить. Не столько ради Ямщикова, сколько назло Розушке и девчонкам.

Роза Анатольевна нашла мудрый выход.

— Ладно, пусть сегодня висит, а потом уберем. А то, не дай бог, увидит Елизавета Яковлевна... А ты, Ямщиков, когда говоришь «я — редактор», не забывай, что газета — лицо класса. Значит, должна освещать все, что положено. Скоро День Советской Армии, а у тебя об этом ни строчки.

— Он же еще через неделю, — возразил Венька.

— А ты что? Через неделю еще хочешь газету выпустить?

— А как же, — сказал Венька.

...Второй номер «Наших новостей» вышел через три дня. Опять была в нем всякая мелочь, репортаж про сбор металлолома, рассказ о пуделе Нинки Ордынской, а нижнюю часть листа занимала «Сказка о границе и пограничнике». В ней повествовалось, как молодой пограничник стоял на посту и увидел нарушителя, который лез через контрольную полосу. Схватился было пограничник за автомат, но вдруг подумал: «А имею ли я право? Ведь нарушитель — пожилой человек, солидный». Он вспомнил, как его всегда учили, что нельзя критиковать старших и вмешиваться в их дела. Еще когда он был совсем маленький и ехал с бабушкой в трамвае, заметил он, как жулик залез в сумку к тетеньке. Он (будущий пограничник) закричал: «Держите вора!» И получил шлепков от бабушки, которая сказала: «Он взрослый дяденька, а ты сопляк. Какое ты имеешь право так нехорошо его называть?» Потом этот мальчик учился в школе и заступился за другого мальчонку, которому учительница ни за что вляпала «пару». И мальчонка поставили в угол: «Прежде чем критиковать, посмот-

ри на себя...» И теперь пограничник размышлял: «Конечно, нарушитель не прав, что лезет через границу. Но сам-то я хорош ли? Вчера старшина дал мне два наряда за плохо почищенные сапоги. Кроме того, я неважно подтягиваюсь на турнике и один раз даже чуть не ушел в самоволку на свидание. Не перейду ли я границу дозволенного, если сейчас скамандую: «Стой, руки вверх?». И пока он так думал, нарушитель углубился в чащу...

Максим Шитиков — самый хладнокровный человек в классе, — прочитавши «Сказку», пророчески сказал: — Ну все, Редактор. Хана тебе...

Классная Роза на сей раз была печально-сдержанна.

— Ну что же. До чего договорился Ямщиков, ясно всем. Советского учителя он уже сравнивает с жуликом в трамвае и даже со шпионом.

— Я?! — изумился Венька. — Да при чем тут...

— Нет уж, теперь помолчи... А ты подумал, как твоя «Сказка» выглядит в газете перед Днем Советской Армии? Какие там можно усмотреть намеки?!

— Да это же не праздничный номер! К празднику я еще...

Роза Анатольевна долго смотрела на Ямщикова. Как на безнадежного больного. Потом сообщила:

— «Еще» можешь выпускать дома, если у тебя такой журналистский зуд. А я не хочу йиз-за тебя получать выговоры.

И полетел Венька из редакторов. Но «Редактор» остался до нынешней поры.

В седьмом классе он стал посдержанней. Осторожнее как-то. Правда, случалось и тогда, что высказывался на собраниях и лез в споры (как, например, с «трехрублевой историей»), но не так часто. Или понял, что всерьез все равно никто его не слушает (погогочат и дело с концом), или просто малость помумел. Однако вот сегодня уже не проявил ума, сцепился с Поп-физиком, хотя знает, что заступиться некому. Мстислав тут же накапает Розе, а у той один разговор: «Ии после этого ты собираешься в девятый класс?» А Венька-то как раз собирается...

...Егор вдруг понял, что почему-то слишком долго думает о Ямщикове. С чего вдруг? Что ему Редактор? Живут они каждый по-своему, как бы в разных пространствах, и друг для друга — что есть, что нет...

Была от этих мыслей одна только польза: время прошло незаметно, второй урок подходил к концу. Егор прыгнул с подоконника. Что-то круглое, твердое попало ему под башмак. Егор пнул. Отлетел, завертелся у плинтуса аптечный пузырек с натянутой соской. Это была примитивная брызгалка — кто-то из малышей потерял. Егор хмыкнул, поднял. Игрушка, конечно, не для восьмиклассников, но со скуки чего не сделаешь (а скука-то опять ох какая).

Егор стержнем шариковой ручки проковырял в соске дырку пошире — чтобы не брызги летели, а била струйка. Наполнил пузырек под краном. Поставил брызгалку во внутренний карман пиджака. Зевнул и пошел на первый этаж в спортивную раздевалку. Дверь в спортзал была открыта, оттуда доносилось: «...а потом я напишу докладную директору...» Ох, господи, тоска, да и только.

Егор забрал свою сумку и опять отправился на второй этаж, к литкабинету: третьим уроком была литература. Характеристика образа Чацкого и чтение наизусть его монолога. «Карету мне, карету!...» Катилась бы куда подальше на своей карете, не пудрил

людям мозги. Но Классная Роза будет закатывать глаза: «Постарайтесь проникнуться глубиной трагедии этого умного, но ненужного дворянскому обществу человека, понять искренней гражданский пафос Грибоедова, с которым он... Громов! У тебя есть совесть? Что вы там выясняете с Суходольской?»

Интересно, как это можно «проникнуться глубиной»? Литератор... «Искренний пафос». А сама в это время небось думает, успеет ли после урока в ЦУМ, в очередь за фээргевскими сапожками... Ох, скука-а...

Рассыпчато грянул звонок. Разверзлись двери. Егор отошел к стенке, чтобы не завертело потоком. Он оказался у того же окна, где сидел час назад. Напротив второго «Б». Первый поток схлынул, второклассники выходили довольно спокойно. Им-то спешить некуда, все уроки сидят в одном классе, завтракают тоже там — еду им как в ресторан приносят дежурные...

Среди второклассников Егор увидел недавнего знакомого. Изгнанника. Даже фамилия вспомнилась: «...кто-то хочет вслед за Стрельцовым?» И разговор: «Брысь!» — «Сам брысь!» Ах ты, инфузория...

Видимо, огорчения Стрельцова кончились, был он сейчас беззаботен и спокоен. Весело потянулся, глянул по сторонам. Увидел Егора. Егор зевнул:

— Иди-ка сюда, мой хороший...

Второклассник Стрельцов безбоязненно подошел. — Ты что же... — Егор придал голосу отеческую строгость. — Помнишь, как ты со мной разговаривал? Разве можно грубить старшим, а?

Стрельцов, кажется, перетрухнул. Замигал. И, как всегда при виде чужой робости и покорности, на душу Егору (Кошаку!) упала теплая капля удовольствия.

— Нехорошо, — вздохнул Егор. — Такой маленький, а уже... И с урока выгнали... Придется наказать. Ну-ка нагни головку.

Двумя пальцами он уперся в лохматое темя Стрельцова, голова у того послушно опустилась. Егор увидел беззащитную пацанью шейку с желобком, покрытым пушистыми волосками, усмехнулся, достал брызгалку и направил в этот желобок тонкую крученую струйку... и обмер от тугого удара в поддых! Полетел на пол, трахнул плечом о батарею. Этот мальчик Стрельцов коротко и сильно врезал ему головой!

Брызгалка отлетела. Несколько секунд Егор бестолково сидел на полу и слышал тонкие крики, топот, чей-то свист. Потом слегка отпустило, он вскочил. Мальчишек-второклассников уже было много, они стояли полукольцом, и лица их были злые и бестрашные. Происходило небывалое. Соплякам было наплевать, что перед ними восьмиклассник Петров, Кошак, с которым считают за разумное не связываться и большие парни. Точнее, второклассники этого просто не знали. Они, видимо, знали другое — простой закон «не трогай наших».

Егор мгновенно осознал свой позор и бессилие. Сто мышат загрызут любого кота, особенно если мышата пылают праведным гневом. Эти пылали. И что-то орали («Тебя трогали, да?! Чего лезешь, жердина! Щас еще получишь!»), надвигались. Егор понял, что сейчас случится: один или двое бросятся ему под ноги, он потеряет равновесие, остальные наваяются сверху. Возмездие свершится на виду у всех. И потом что? Ловить каждого мышонка в отдельности? Караулить и дупнить? А они снова вместе... Звать на помощь «таверну»: помогите, второклассники

бьют?! А сейчас как быть? Они же вот-вот... А он и дыхнуть толком не может...

Избавление появилось из дверей второго «Б» — их высокая красивая учительница с утомленным, но решительным лицом.

— Что опять за гвалт? Что происходит?

И Егор, давясь яростью и болью (и чувствуя унижение и ненависть себя за это), закричал:

— Вы! Распустили тут своих!.. Бандитов! Пройти нельзя!

Второклассники заорали в ответ. Их наставница не возмущалась криком Егора, цыкнула на своих:

— Ти-хо! Что за свалку затеяли? Это опять Стрельцов?!

— Чего опять я?! — взъялся Стрельцов. А Ванька Ямщиков, уже не бледный, а красный от злости, ткнул пальцем в Егора:

— Он сам! Кто его трогал?!

— Ти-хо! Кто сам? Матери Стрельцова я буду звонить на работу!

— Но, Анастасия Леонидовна! Ребята же не виноваты, вы просто не знаете!.. — это ввинтился в общий шум новый голос. Отвратительно знакомый голос старшего Ямщикова. Значит, Редактор прибежал навестить ненаглядного Ванечку. Неужели он все видел? Видел, гад...

— Петров, ну ты чего? Ведь ты же правда сам полез! Вот... — Он подобрал у плингуса брызгалку, поднял на ладони. Его глаза жаждали справедливости, и была в них дурацкая надежда, что Гошка-Петенька сам восстановит истину.

— С-скотина, — выдохнул Егор.

Венькины глаза сузились. Все-таки это был уже не тот Ямщиков, что в прежние годы.

— Вляпался, а теперь бочку катишь на маленьких?!

На лице учительницы сменилось выражение. Брови сломались, поползли вверх.

— Ах, это Петро-ов! Тот самый... Наверно, думаешь, что если папа занимает посты, тебе можно все...

Егор на нее не смотрел. Смотрел на Веньку. Тот не опускал глаз. Улыбался.

— Ну ладно, редакторская крыса, — отчетливо сказал Егор, и боль под ребрами убавилась. — Быть тебе живым-здоровым сегодня только до последнего звонка. Попомни, детка...

Повернулся Егор и пошел. Вернее, не Егор уже, не Гошка-Петенька, а только взвинченный напряженный Кошак. Тот, что не прощает обид. Жизнь обрела смысл. Были теперь планы и цель. Наплевать на уроки, Роза покричит и умолкнет. Главное сейчас — заставить дома Копчика (хорошо, что он со второй смены).

К счастью, гардеробная была не заперта. Кошак прорвался мимо вопящей технички Шуры, которая знала одну задачу: никого не пускать к вешалкам до конца уроков. Рванул с крюка куртку. Выскочил на улицу, забыв сменить кроссовки на сапоги...

Эвакуатор

По дороге от вокзала Михаил держал Мартышонка за руку. А Димка шел сам по себе, рядом. Когда миновали вокзальную площадь и вышли на улицу Кирова, Мартышонок бежал. Сделал он это с умом,

четко, ничего не скажешь. До последнего момента притворялся он раскисшим, послушным и будто даже заболевшим, потом потерял щекой о рукав шинели, поднял на Михаила печальную обезьянью мордашку и тихо попросил:

— Дядя Миша, купите мороженку, а?

Михаил (раззява, шляпа, глупее последнего салаги) размяк от неожиданной этой доверчивости и ласки, шагнул к киоску, ослабил пальцы... Мартышонок выдернул руку, сиганул через газон к отходившему от остановки автобусу. И все. Привет...

И как назло — ни одной машины, чтобы остановить, выдохнуть водителю «друг, выручай», догнать автобус на маршруте... Да и на каком маршруте? Даже номер не успел заметить. И растворился в городе с миллионом жителей Антон Мартышов, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, учетно-статистическая карточка четыре тысячи триста один, ученик четвертого класса «В» школы номер тридцать три, четыре побега из дома, участие в краже, курит, знаком со спиртными напитками, направляется после очередного побега по месту жительства...

В первый миг Михаил машинально вцепился в Димкино плечо — чтобы и этот не сбежал! Потом беспомощно плюнул. Представил в полном объеме все хлопоты и последствия. Сразу же заболела спина. И он сделал самое нелепое, что можно было сделать в таком положении. Оттолкнул Димку.

— Беги и ты... Свины вы все-таки...

Димка покачулся, отступил на шаг. Круглое неумное лицо его было по-настоящему испуганным.

— Михаил Юрьевич, а что теперь вам будет?

— А черт его знает, — искренне сказал Михаил. — Скорее всего попрут со службы, причин уже хватает...

Он вдруг почувствовал такую усталость, что вполне серьезно захотелось лечь в бурую увядшую траву газона, подложить под щеку фуражку и натянуть на голову шинель... Погонят — ну и плевать. Сам уже не раз думал о рапорте: «Докладываю, что, убедившись в полной бесперспективности такого рода деятельности и не считая себя...» Ну и тэ дэ... Но в любом случае сперва надо найти Мартышонка. А где? Как?

— Что будет мне, — сказал Михаил заморгавшему Димке, — это, в конце концов, не ваше цыплячье дело. А вот что будет с ним? Опять пойдет по подвалам и подворотням? Сгинет ведь в конце концов!

Он говорил, даже кричал, так, будто от Димки что-то зависело. А тот вдруг сказал, бледнее и запинаясь:

— Михаил Юрьевич... Я знаю, где он будет прятаться.

— Что?!

Димка быстро кивнул и опять поднял глаза. Симпатичный такой пацаненок, замурзанный, но на лице нет еще печати бродяжничества и детприемниковской жизни.

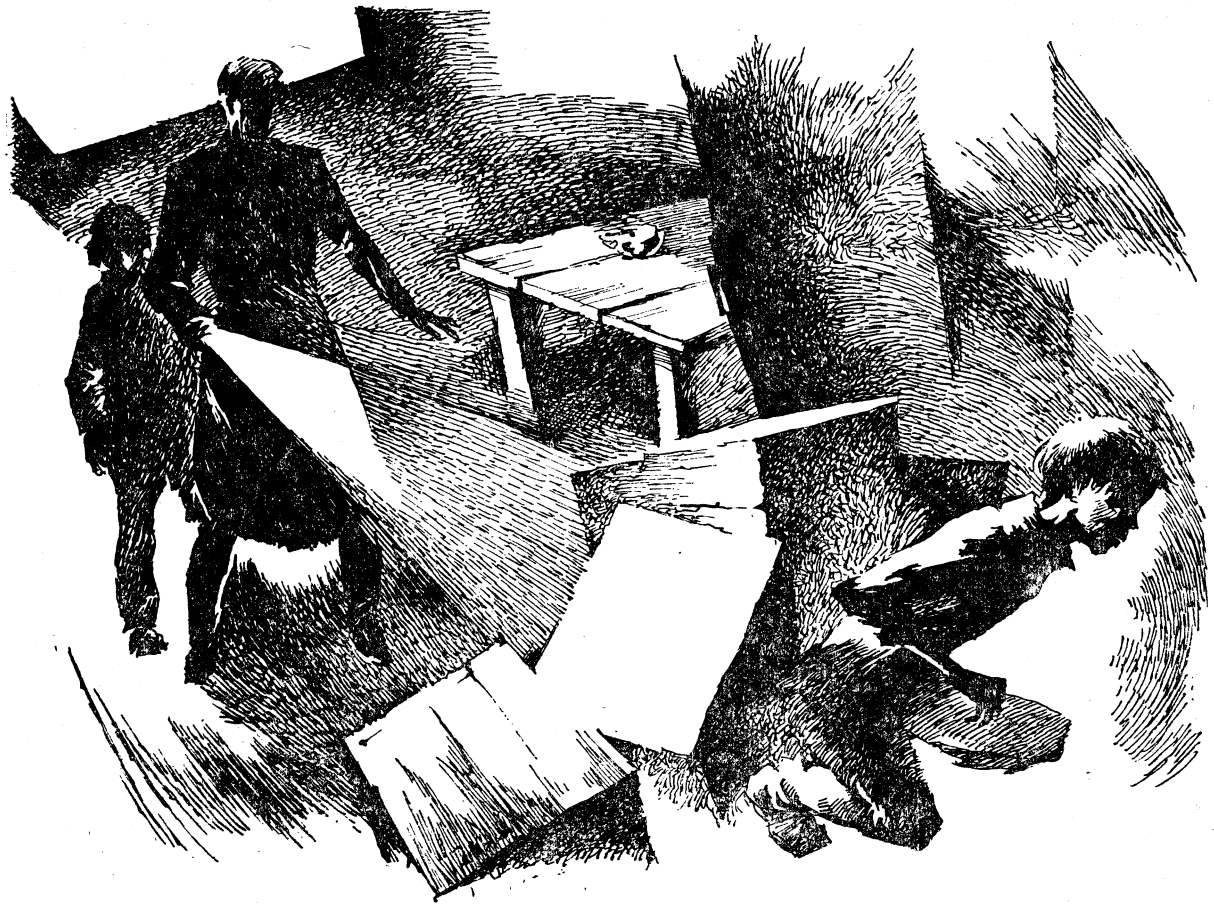
— Только вы меня в интернат не славайте, ладно?

— Ты что, меня купить хочешь, что ли? — сумрачно сказал Михаил.

— Но вы же обещали!

— Вот именно. Еще в Среднекамске договорились: не в интернат, а к матери. Что ты снова трепыхаешься?

Димкины глаза вдруг налились слезами — будто жидкие стеклышки в них вставили.

— А вы... ей тоже скажите... Чтобы в интернат больше не отдавала, хорошо?... А то я все равно опять убегу! Хоть куда!

Михаил сдержанно проговорил:

— Ты мне что-то про Мартышонку сказать хотел... Или наврал?

Димка мазнул по глазам пыльным рукавом куртки.

— Поедьте...

Сеял серый дождик, шинель постепенно набухла. Они ждали автобус довольно долго. Потом долго ехали. После этого Димка вел Михаила по улицам с облупленными старинными особняками и кривыми домишками. По пустырям с ломким сухим бурьяном.

Пролезли в щель забора (Михаил еле протиснулся, цепляясь пуговицами и сумкой). Забор огораживал фундамент снесенного дома. Густо стоял увядший репейник — жесткий и прочный.

— Он, наверно, там, в бункере, — прошептал Димка уже без прежней уверенности.

— Где?

— Ну, так называется...

Продрались сквозь заросли. Димка показал гнилую деревянную крышу люка. Видимо, вход в погреб. Заметно было, что крышку недавно поднимали. Михаил поднял ее опять, отбросил. Пахнуло земляным воздухом, холодной гнилью. Фонарик у Михаила всегда был при себе. Михаил осветил в квадратную черноту.

— Антошка... Мартюшов...

Никто не ответил, конечно, а Димка за спиной робко сказал:

— Спускаться надо... Там закоулки всякие.

Михаил и сам понимал, что надо спускаться. А лестницы не было... Нет, была! Фонарик высветил ее внизу. Хлипкая, косо сбитая из брусьев лесенка валялась на полу. Может, кто-то убрал ее нарочно? Чтобы отрезать путь погоне?

Михаил взял в зубы кольцо фонарика, спустил в люк ноги, потом повис на руках. Прыгнул. Охнул от боли в спине. Протянул вверх ладони, сказал Димке «давай», принял его на руки.

Посветил вокруг. В длинном «бункере» были заметны следы обитания: стол из бочки и досок, драная тахта, полуразборный мопед... На столе как-то насмешливо выделялась среди убогости изящная стеклянная пепельница с раздавленным окурком.

Дальний угол отгорожен был развалившимся шкафом и грудой фанерных ящиков. Кто-то еле слышно трепыхнулся в этом укрытии.

— Мартышонок, — негромко позвал Михаил. — Вылазь давай, хватит уж... Ну?

Существо за ящиками будто умерло. Тихо чертыхаясь и постанывая (спина болела все сильнее), Михаил отшвырнул пару ящиков, перелез через остальные.

Мартышонок скорчился в земляном углу, закрылся локтем от фонарика.

— Тошка... Ну ты чего, глупый? — сказал Михаил, давая в себе жалость и раздражение. — Ладно, вставай. Пошли...

Мартышонок, не открывая лица, вдруг заколотил твердыми каблуками по гнилым половицам.

— Не пойду! Гнида! Мент паршивый! Уходи, гадина!

— А ну встань! — рывкнул Михаил. — Иди сюда!

— Сам иди в... — и маленький Мартышонок уверенно выдал Михаилу, куда тот должен идти. — Не подходи, убью! Кусаться буду!!

— Ну-ка, поддержи... — Михаил отдал фонарик испуганно дышавшему Димке. Шагнув к Тошке, поднял его за шиворот. Мартышонок пискнул, обвис, как тряпичная кукла. Михаил расстегнул на нем куртку, задрал на животе длинный свитер, рывком выдернул из петель Тошкин ремешок. Отодвинул Мартышонка к стене.

— Расстегни штаны.

Рожица Мартышонка собралась в горсть и будто совсем исчезла, остались только два блестящих испуганных глаза и черный округлившийся рот. И не закрывая рта, одним горловым дыханием, Тошка сипло сказал:

— Не надо... Я больше не буду. — Он съежился, держась за живот. — Дядя Миша, не надо... Не буду...

— Михаил Юрьевич, не надо, — плачуще сказал Димка.

Ненавидя себя и всю свою жизнь, и этого скорченного Мартышонка, и давась от жалости к нему, и презирая себя за все, что происходит, Михаил выговорил:

— Дур-рак. Что ты не будешь? Бегать не будешь? Это уж точно... Расстегивай и срезай пуговицы... Он отыскал в кармане и бросил Мартышонку складную ножик. — Ну! Живо!

Потом он взял у Димки фонарик и светил Мартышонку, пока тот суетливо отпиливал тупым лезвием пуговики на брючной застежке. И, когда дело было сделано, угрюмо произнес:

— Теперь бегай. В расстегнутых портках далеко не удерешь... Да пуговицы-то положи в карман, пришьешь потом, чучело...

Мартышонок то ли посапывал, то ли всхлипывал тихонько. Михаилу было тошно. «Пуговичный» способ он использовал первый раз. Раньше ругался и спорил, когда слышал о таких случаях от других эвакуаторов. А ему говорили, что поживешь, мол, поработаешь, и романтические твои перышки пообмакиваются в грязь и полиняют. Романтические перышек никогда у Михаила не было, знал, на что идет, с самого начала. И умел с пацанами как-то ладить, даже с самыми отпетыми. А сегодня — вот...

То, что он сделал с Мартышонком, делать было нельзя. И не делать нельзя, потому что, оказавшись наверху, Мартышонок рванет снова. И даже не погонишься за ним: боль в позвоночнике такая, что стучать-то приходится со скрежетом зубным.

— Дима, поставь лестницу.

Димка поставил. Потом поднял с пола вязаную шапку Мартышонка, протянул ему.

— Сука, — тихо сказал Мартышонок. — Предатель...

Морщась, Михаил велел:

— Без разговоров. Марш наверх оба...

Теперь Мартышонок шел впереди. Прижимал руки к животу и время от времени крутил поясницей, чтобы задержать сползавшие штаны. Михаил молчал, переглатывая боль, старался держать спину прямо и осторожно. Слегка опираясь на Димкино плечо,

Димка, глядя в затылок Мартышонку, тихо проговорил:

— А он сказал, что я предатель... Ну и пусть.

Михаил не ответил.

— А если бы я не показал, с ним еще хуже было бы, — жалобно объяснил Димка. — Он бы тогда со шпаной... Там, в бункере, знаете... какое бывает...

— Знаю... — вздохнул Михаил.

— А если бы я не показал... тогда я для вас был бы предатель...

— Ты все правильно сделал, Дим... Ты откуда знаешь про этот бункер?

— От ребят. Мы с мамой раньше здесь недалеко жили... А мы к маме сейчас пойдем?

История Димки Еремина была проста и по сравнению с другими не очень драматична. По крайней мере, пока. Мать с отцом развелись, отец уехал якобы в Среднекамск, мать через год вышла замуж, а Димку, чтобы не мозолил глаза новому супругу, определила в интернат. Уговорами и обещаниями всяких благ и наград. Димка был домашний мальчик, не ездивший до той поры даже в пионерский лагерь. Интернатские нравы его ужаснули. Нескольких раз он сбегал домой, умолял мать забрать его. Та, видимо, ласками, просьбами потерпеть, а то и криком водворяла его обратно. Димка не выдержал и в середине октября махнул к отцу. В Среднекамске по известному Димке адресу отца не оказалось. И наивное дитя отправилось в ближайшее отделение милиции, чтобы узнать: по какому адресу живет его папа, гражданин такой-то... Там Димку и взяли.

Детприемник, видимо, показался Димке похожим на интернат, но еще тоскливее и страшнее. Димка провел здесь пять дней. И был все время съезженный, затюканный другими, молчаливый и с мокрыми глазами. Даже на вопросы добрейшей Агафьи Антоновны почти не отвечал. Только к Михаилу, когда тот появлялся, сразу льнул: видно, чуял в нем настоящего защитника. И все твердил: не в интернат, а к маме...

И сейчас, на углу Ленинградской и бульвара Красногвардейцев, он испуганно дернулся:

— А мы куда? К маме — в ту сторону! — На его лице блеснула дождевая морось.

— Сначала с Мартышонком решим, — терпеливо сказал Михаил.

Матери Мартышонка дома не оказалось. Пожилая растрепанная соседка запричитала над Тошкой и выразила полную готовность принять его на свое попечение, пока мать не вернется. Вернуться та должна была к вечеру и не откуда-нибудь, а из Среднекамска, в который отправилась за сыном, ибо знала по опыту, что искать его следует там. Михаил проклял бестолковость своего начальства, которое не учло возможность такого варианта, поблагодарил соседку, но оставить Мартышонка отказался. По инструкции полагалось беглого несовершеннолетнего сдать с рук на руки «родителям или заменяющим их лицам».

В тех случаях, когда родителей или «заменяющих лиц» на месте не оказывалось, инструкция теряла свою четкость. Вроде бы полагалось «при отсутствии других возможностей и в порядке исключения» передать беглеца школе. Но начальством такой вариант не одобрялся, это во-первых. А во-вторых, школы обычно ссылались на свои инструкции (или наоборот, на отсутствие таковых), и все зависело от того, кто окажется упрямее: сотрудник милиции или директор школы.

Сейчас, однако, «отсутствие других возможностей» было явным, и Михаил сказал Мартышонку:

— Делать нечего, пошли к любимым наставникам...

В школе все пошло по знакомому сценарию. Оказалось, конечно, что директрисы «сегодня не будет, она на семинаре». Отыскали завуча первой смены. Та воззрилась на Мартышонка, будто на разносчика сибирской язвы, и сказала давно знакомую Михаилу фразу — первую, необдуманную и потому самую искреннюю:

— А зачем он нам нужен?

И Михаил, привыкший к таким беседам, особенно в интернатах, ответил тоже привычно (за что не раз на него писали жалобы):

— Он вам, разумеется, не нужен. Как и вы ему. Но он же не виноват, что судьба дала ему вас в наставники.

— А мы чем виноваты? — сразу взъелась та. Была она еще молодая, но уже замотанная и злая.

— Тем, что пошли в педвуз, — вздохнул Михаил.

— Рассуждать все хороши! Вас бы на наше место!

— А вас на мое. Вот я бы посмотрел, — невозмутимо сказал Михаил. И чувствуя, как от него пахнет мокрым казенным сукном и раскисшими сапогами, сел к столу. Достал из сумки заранее заполненную бумагу — «Акт о передаче несовершеннолетнего...».

— Простите, ваша фамилия?

— Это еще зачем? — вскинулась завуч.

— Положено. Кому я передаю мальчика...

— Да никого я не приму! С какой стати? Чтобы он опять терроризировал всю школу?

Мартышонок, который терроризировал всю школу, тихо повозился на стуле в углу директорского кабинета.

— Тогда что вы предлагаете? — невыразительным голосом спросил Михаил.

— Да ничего! Почему вы его к нам-то привели?

— А куда? К себе домой?

— К нему домой! У него, в конце концов, мать есть!

— Есть. Но она сейчас в отъезде и вернется вечером. Это во-первых. Да и в бега он ударился на этот раз не от матери, а из школы, с продленки. От воспитательницы Маргариты Витальевны Бабкиной. Логично было бы ей и получить мальчика обратно.

— Бабкина будет на работе после часу!

— Вот видите. Куда же я его дену, кроме вас?

— Да куда хотите. В спецшколу!

Михаил скучно и подробно разъяснил:

— Чтобы отправить ребенка в спецшколу, нужно постановление комиссии, нужна путевка. Вы это знаете не хуже меня. Я таких вопросов не решаю. Я — эвакуатор. Точнее — дежурный по режиму детского приемника-распределителя, так сейчас эта должность называется. Но старое название «эвакуатор» — ближе к сути... Моя задача — доставить несовершеннолетнего и оформить соответствующие документы. Первое я сделал. Второе должен сделать вместе с вами... А вы даже назвать себя не хотите.

— Я все равно ничего не буду подписывать! Я просто не имею права, на это директор есть!

— Директора как раз нет. В этом случае завуч его замещает.

— Кто вам сказал?!

Михаил медленно посмотрел на нее, пожал плечами, подвинул к себе акт и нацелился ручкой в графу «Примечания».

— Что вы собираетесь писать? — нервно спросила завуч.

— Отношение. Об отказе должностного лица принять ребенка в подведомственное ему учреждение. Вы подпишите, что отказались, и будем считать...

— Я же сказала: ничего не подпишу!

— Вот тут вы ошибаетесь, — веско произнес Михаил. — Одно из двух подписать придется: или прием, или отказ. Вы говорите с сотрудником органов внутренних дел. Я действую по инструкции, так что прошу и вас...

Он увидел, что завуч не только злится, но и напугана.

— Но я же правда не могу! Товарищ... э... милиционер. У вас инструкция, а мне... Клавдия Геннадьевна мне голову оторвет, если я без нее...

— Видите ли... э... так и не знаю вашего имени-отчества...

— Тамара Павловна! — тоном проклятия сообщила она.

— Благодарю вас... — Спина у Михаила почти перестала болеть, и он чувствовал себя гораздо лучше. — Видите ли, Тамара Павловна, судьба вашей головы, при всей ее важности, за пределами интересов МВД. Это сфера Минпроса. Меня же (уж простите великодушно) больше беспокоит моя голова. Именно на нее посылаются громы и молнии, если я...

— Давайте так, — перебила его Тамара Павловна. — Подписывать акты я действительно не уполномочена. Я завучем первый год и в этом не разбираюсь... Я заберу у вас этого...

— Э... Мартюшова, — сказал Михаил.

— Да. Отправлю его пока на уроки, потом сдам на продленку, Бабкина сообщит матери... А Клавдия Геннадьевна обещала сегодня все же заскочить в школу. К двум часам...

— Это что, я полдня должен ждать ее?

— Но у вас же есть второй... подопечный. Пока отведите его... — Она увидела, что Михаил заколебался, и добавила решительно: — Это все, что я могу предложить.

Ни правила, ни здравый смысл принимать предложение завуча не позволяли. А что, если эта Клавдия Геннадьевна окажется дамой, юридически подкованной, учует зыбкость инструкции и усмотрит в действиях эвакуатора больше нахальства, чем законности? Или еще хуже — Мартышонок рванет до ее прихода?.. Но, с другой стороны, куда он рванет, если почти спит на стуле? Трясая ночь в вагоне и недавние приключения измотали его. Да и куртку запрет в раздевалке.

— Тощка, иди сюда, — сказал Михаил.

Мартышонок встряхнулся, помигал, послушно подошел. Штаны уже не съезжали: пуговиц, конечно, не было, но ремешок Михаил, когда вошел в школу, отдал. Мартышонок потупился, переступил.

— Тощка, будь человеком, а? — тихо попросил Михаил. Это можно было понимать по-всякому: и «будь человеком вообще», и «будь человеком, не драбай, по крайней мере, пока не подписан акт». Мартышонок посопел и вдруг полупешотом отозвался:

— Дядя Миша, вы на меня не злитесь, ладно?

— Тощка, за что? — не сказал, а охнул Михаил.

— Ну... как я ругался в бункере.

— Да ладно... Ты тоже не сердись. За пуговицы... Михаил виновато вздохнул ему голову. Вино вато — потому, что еще несколько секунд назад думал о дурацких бумагах, а не о самом Мартышонке. Он посмотрел на Тамару Павловну.

— Вы его сначала не на уроки, а в буфет отведите, он с вечера не ел...

Мартышонок расслабленно вздыхал. Нет, сегодня он не сбежит, подумал Михаил. И еще несколько дней. И, может, месяц. Но в конце концов убежит опять. Потому что ничего его не держит дома, в заплеванной комнате, где всегда полно чужих мужиков, и в этой показательной школе, где он прыщ, болячка и несчастье педагогов. Что ему делать в школе, если, дотянув до четвертого класса, он читает по складам и просто-напросто не в силах сладить с учебниками? А воздухом бродячей жизни, прокуренного «бункера», гулких ночных электричек, компаний с вожакими-уголовниками и детприемников он пропитан уже навсюзь. Только там он чувствует себя своим... И где найти для Мартышонка школу, дом? Михаил не знал. И не знал тех, кто знает. Тысячи толстых книг, написанные педагогами за многие века, в случае с Мартышонком годились только для... Впрочем, ладно...

Михаил встал.

— К двум часам я вернусь... Со вторым подопечным, надеюсь, не будет хлопот: я веду его не в школу, а к маме. — Он сказал это не столько для Тамары Павловны, сколько для Димки, который томился на стуле в ожидании своей судьбы.

Димкина мать была бухгалтершей в каком-то управлении «Облстройремпром и т. д.». Ее вызвали в пыльный, пахнувший старым картоном вестибюль. Лет тридцати пяти, в меру крашенная, в меру интеллигентная и достаточно встревоженная историей с сыном, Димкина мама коротко поприветствовала над ним («Что же ты надумал это, а? Глупый ты мой! Сколько людей на ноги поднял...»). Потом, сдержанно всхлипывая, поблагодарила Михаила, расписалась где надо. Вопросительно глянула мокрыми глазами:

— А... что еще?

— Еще... вот что... Дима, посиди там в уголке, я скажу маме, что обещал... Софья Аркадьевна, послушайте внимательно и постарайтесь поверить мне. Дима не сможет жить в интернате. Есть ребята, которые просто не могут без матери, без дома, он такой... Знаете, я с пацанами имею дело каждый день, разбираться кое в чем научился... Пожалейте парня. Иначе он будет убегать снова и снова, пока не кончится это бедой...

— Господи, да я же понимаю!.. Я думала...

— Простите, — перебил Михаил. — Я вмешиваюсь в личную жизнь, но работа такая. Постарайтесь доказать вашему мужу, что...

— Ой, да что вы! И доказывать не надо! Он сам говорил: зачем в интернат, втроем проживем! Это я сама думала, как лучше. А Димочка... Дима, ты же сам согласился!.. Говорили, интернат самый лучший, с художественным уклоном.

— Какой бы интернат ни был, уклон один — сиротский, — сумрачно сказал Михаил. — Не все привкают...

— Ой, да пусть! Пусть в старую школу идет. Я ведь не знала... — Она жалобно улыбнулась. — Думала, чтобы всем хорошо было. Квартира-то однокомнатная. Маленький появится — тогда как?.. Да, ладно, шкафом отгородимся! Лишь бы всем хорошо...

...Димка догнал Михаила на улице. Выдохнул со счастливой слезинкой:

— Михаил Юрьевич... Можно, я вам письмо напишу?

— Напиши, Дим, если захочешь... — Михаил подержал его за плечо. — Ну, будь здоров. Живи...

Димка не напишет письмо. Пишут несчастливые: из спецшкол, спецучилищ, колоний. Пишут в тоскливом желании хоть капельки тепла, в надежде на ответное человеческое слово. А зачем станет человек писать, если у него все благополучно? Пускай это благополучие в закутке за шкафом, в тесной комнате, где неутомимо орет новорожденный брат или сестра, где нелюбимый отчим, где сердится замотанная работой, стирками, бессонницей, возней с младенцем мать. Все равно — дом. Все равно — мама...

В два часа директорша в школе не появилась. Не оказалось и Тамары Павловны. Чертыхаясь, Михаил пошел искать ее по этажам. На него, конечно, оглядывались. А Михаил вдруг с испугом понял, что не помнит зауча в лицо. Вернее, все встречаемые учительницы были одинаковыми. С одинаковым выражением раздраженной бдительности, утомления и печального сознания, что до конца дней осуждены нести свой школьный крест. «Да что они, маски надели, что ли!» — яростно думал Михаил, хотя понимал, что виноват сам: внимательней надо быть. И нельзя было так глупо доверяться этой Тамаре Павловне.

Раза три Михаилу казалось, что он встретил ее. Но, натолкнувшись на удивленно-неузнающий взгляд, Михаил не решался заговорить. Наконец молоденькая вожатая сообщила, что Тамару Павловну срочно (конечно же — срочно!) вызвали в район.

К счастью, он отыскал воспитательницу с проделки. Маргарита Витальевна Бабкина оказалась не такой, как Михаил ожидал. Это была негромкая, не похожая на учительниц в коридорах женщина. Она, вздыхая, сказала, что Антошка после обеда совсем раскис и теперь спит на диване в игровой комнате («Набегался глупыш. Горе с ними и вам, и нам, верно?»). К матери она отведет его сама. Пуговицы пришла... Михаил покраснел, но от сердца отлегло.

У школьной бетонной изгороди его догнал тощенький длинноногий парнишка с виновато-упрямыми глазами. Касса из восьмого.

— Товарищ старший сержант, простите... Вы в какую сторону идете?

Михаил не удивился, на улице бывает всякое.

— На главпочтамт. А что?

— Можно, я пойду рядом с вами до троллейбусной остановки?

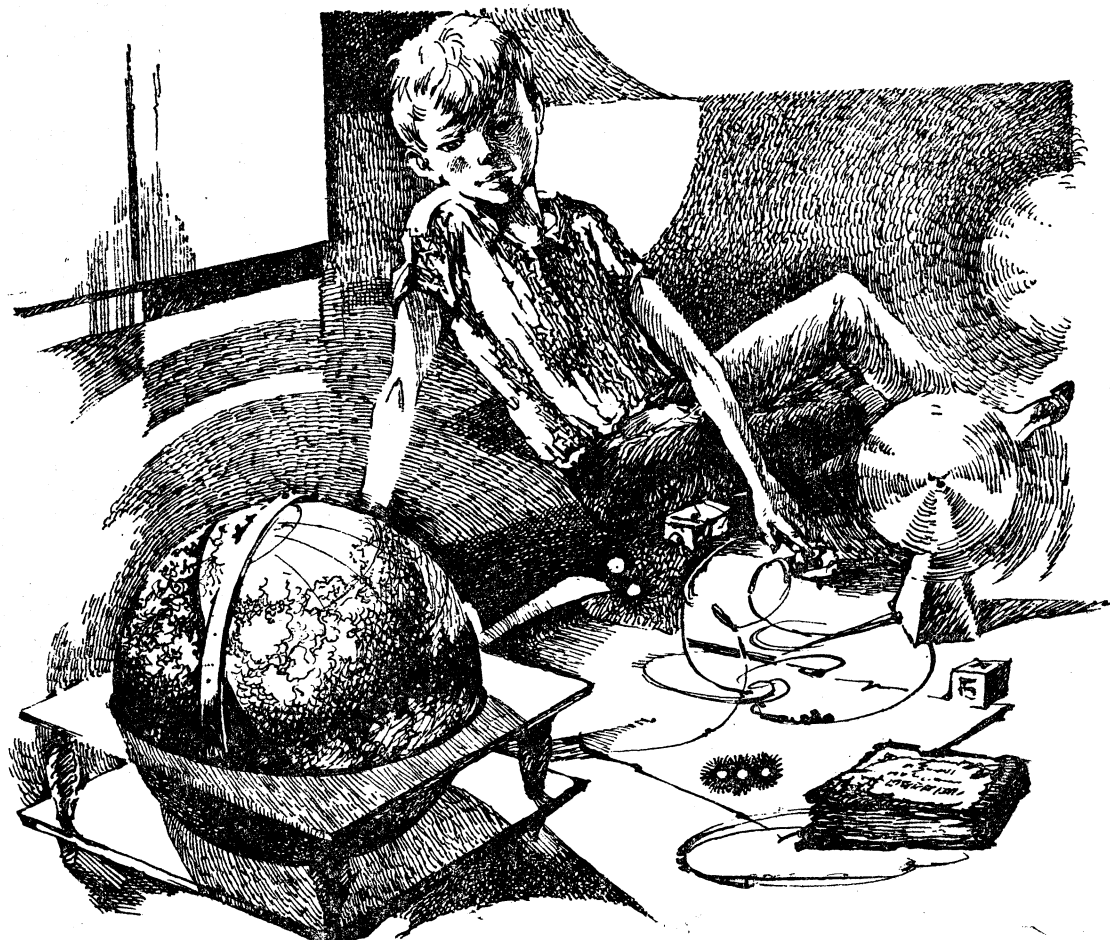
— Ну... как говорится, сочту за честь. А в чем дело?

— Да... пасутся тут эти... Счеты им свести охота... — Он мотнул вязаной шапчонкой в сторону. У мокрых тополей топтались четверо. С отсутствующим видом. И кто они такие, и зачем топчутся, Михаил опытным глазом определил в один миг.

— Может, вы думаете, что я трус? — вдруг сказал мальчишка тонко и с вызовом. — Если бы они, как люди, если один на один... А то... будто волки, стаей.

— А давай-ка разберемся с этими «волками», — предложил Михаил. Парнишка усмехнулся:

— Как вы разберетесь? Они скажут: стоим, никого не трогаем, ничего не знаем. Как вы докажете?

Он был прав, и Михаил вздохнул:

— Ладно, пойдем.

Целый квартал «волчья» четверка шла за Михаилом и его спутником. Потом один — симпатичный такой, золотисто-кудратый — что-то сказал, другие тихонько загоготали, и все свернули в переулок. Михаил спросил:

— Из-за чего они к тебе пристают?

Парнишка нехотя сказал:

— Один там отыграться хочет. Сегодня с чего-то полез к малышам в школе, а я там рядом оказался. Ну, заспорили...

— Сегодня ты от них уйдешь, а завтра как? — сказал Михаил. — Ты тогда... как-то в классе подымай вопрос, что ли... — Он понимал, что скорее всего говорит беспомощную глупость.

— Ага... — отозвался мальчишка. — Все, конечно, возмутятся и дружно подымутся. Против Кошака... Ой, вон троллейбус идет! Спасибо, я побежал...

На почтамте Михаил наменял пятнадцатиков и пошел в будку междугородного телефона. Хоть здесь повезло: очереди нет и автомат исправный. Михаил набрал среднекамский номер.

— Это НИИхим? Будьте добры Варвару Сергеевну...

Он представил, как мать — маленькая, быстрая, седая, в куце своем халатике — спешит к телефону

в закутке лаборатории. «Миша, это ты? Ты откуда? Как ты себя чувствуешь?»

«Это я... Я паршиво себя чувствую, мама... Да нет, при чем тут спина. Пусть бы она горела адским пламенем, каждый позвонок! Только бы знать, что делать. Как им всем помочь — и Мартышонку, и Вовке Сапогову, которого я на той неделе рыдающего сдал в спецшколу, и Волчку, которого отвез туда же (и он не плакал, весело гримасничал, а глаза были, как у собаки с камнем на шее). Как уберечь от волчьей жестокости парнишку с беспомощно-дерзким взглядом, который заступился за малышей? Как вытравить эту жестокость из тех четверых и еще из тысячи таких же?.. Мамочка, что могу сделать я, эвакуатор детского приемника-распределителя, замотанный командировками, оглушенный сотнями историй о раздавленных ребячьих судьбах?.. Я понимаю, что ты вне себя от тревоги за меня. Помню, как ты однажды сказала: «Хорошо, что тебе не дают пистолета...» Нет, мама, не бойся, я не лейтенант Головачев... Но скажи, откуда это ползучее гадство, это сиротство среди общей сытости, эти серые чиновничьи рожи, это «зачем он нам нужен?»»

— Что? Сейчас подойдет? Спасибо, подожду, конечно...

«Мама, ты считаешь, что я сам виноват? Не надо было соваться в эту работу?.. Я знаю, ты до сих пор думаешь, что это во мне детство выиграло, этакая горько-романтическая идея: мстить всякой нечисти за

брата... Все было гораздо сложнее. Я спасал Остров. Потерять его — значит потерять себя, тут и пистолета не надо...»

— Мама? Да, я... Все в порядке, мама. Просто застрял здесь до завтра. Из-за бумаг. Ты же знаешь этих волокитчиков... Ну что спина, спина, как у юного мустанга... У отца была? На той неделе выпишут? Ну вот, а ты боялась!.. Нет, не в гостинице. Наверно, я к Александру Яковлевичу попрошусь, где-нибудь приткнет на раскладушке... Господи, ну к Ревскому же. Разве ты его не помнишь?.. Целый год уже здесь, зам. главного режиссера на студии. Передам, конечно... Ма-а, письма нет? Ну, это само собой, это от пациентов... От Юрки? Отлично. А... Да ничего я специально не жду, мам... Да ничего я не вбил в голову... Что? Я же говорил, здоров как лошадь. Ну, правда же, мама...

Планета Находка

Прошлой осенью на школьном дворе, желтом от сойнца и листьев, старшеклассники гоняли по блестящим лужам большой глобус. Как футбольный мяч. Во время субботника они нашли этот ободранный шар без подставки в сарае со списанным имуществом и теперь вот развлекались. С глобуса летели мокрые лоскутки бумаги с напечатанными городами, реками и островами. Под бумагой голубела голая пластмасса... Кто-то поддал твердый шар так, что он улетел за площадку. И попал в руки первокласснику — тот стоял у тополя и без улыбки смотрел на игру.

— Ну ты, существо, пинай скорее, — сказали ему. Но первоклассник смотрел из-за глобуса испуганными глазами и не двигался. К нему подошли, один хлопнул по глобусу.

— Ну-ка, давай, чего вцепился...

Первоклассник прижал большущий шар к забрызганной курточке. Сказал тихо и очень старательно:

— Ребята... Товарищи. Можно, я вам свой мяч принесу? Он совсем новенький. Насовсем принесу... А это же...

Ему хотелось объяснить, что пинать такую замечательную вещь... нет, даже не вещь, а... ну, это же все равно, что беспомощного щенка ногами лупить. Потому что глобус — он тоже как бы живой. Смотрите, сколько на нем всего — вся Земля...

Но ничего такого первоклассник Ваня Ямщиков не сказал. Слов таких у него не нашлось. Просто он очень жалел глобус. И не хотел расставаться с прилетевшим в руки сокровищем. Он только еще раз пообещал новый мячик и смотрел умоляюще.

Разгоряченным футболистам было не до переживаний малявки. Один уже решительно взял за шар. Но высокий гибкий старшеклассник (тот, что потом дал в туалете платок) вдруг усмехнулся:

— Стоп, джентельмены. Нам с этим шариком — на полчаса эмоций, а человек... Смотрите, у него в глазах идея светится.

Неизвестно, что светилось в глазах у Вани, но ребята, посмеиваясь, отошли. И Ваня притащил глобус в дом.

Венька задумчиво сказал:

— Вещь, конечно, хорошая, только что с ней делать? Вон, половина всех Европ и Америк облезла.

— Можно самим нарисовать.

— Вообще-то можно... Загрунтовать пентафталем,

а потом расписать маслом! — зажегся Венька. — Не обязательно в точности, а как старинный глобус! На них ведь тоже много было неточно, зато интересно: корабли, чудовища...

Ваня радостно затанцевал:

— Мне тоже дашь порисовать, вместе будем!

Бумагу, что висела ключьями, отодрали. В мастерской у отца отыскали банку с голубой пентафталевой эмалью, но ее хватило только на половину шара. Второе полушарие Венька покрыл черным нитролаком. Границу сделал точно по экватору.

Ваня смотрел на это дело без одобрения.

— Как по черному-то рисовать? Ни земли, ни океанов черных не бывает.

— Зато космос бывает. Одну половину сделаем земную, а другую — небесную. Как на звездном глобусе. Хорошо я придумал?

— Н-не знаю, — усомнился Ваня. — Как это... Останется всего пол-Земли, что ли? А какую половину тогда рисовать? Нашу или американскую?

— А ни ту, ни другую! Мы всякие материки и острова придумаем сами! Давай, Ванька! Будто незнакомая планета! А?

— Н-не знаю... — Фантазии до младшего брата доходили медленнее, чем разгорались в Веньке. Ваня любил ко всем делам подходить вдумчиво. — Пускай незнакомая планета, ладно... Только все равно ведь половина.

— Но это на глобусе половина! А считаться будет, что целая! Зато со своим небом! Свой собственный космос... Мы там разных созвездий напридумываем!

— И путешествовать можно будет по ним? На звездолете!

— Я об этом и говорю!

К вечеру грунтовка высохла, отец дал кисточки и тюбики с масляными красками (он их покупал весной, чтобы расписать декорации в детском саду, который тогда заканчивал Ваня).

— А вместо разбавителя можно керосин взять.

Мама сказала, что теперь хоть из дома беги. Но не убежала, только форточки открыла.

Расписывали планету дней десять. Среди голубого океана появились Большой материк со Скалистым берегом, Малый материк с Оранжевыми песками, Поясом Пальмовых лесов и Тигриной пустошью, два архипелага — Полярный и Ласковый. И всякие острова, заливы, моря и горные хребты.

А на черной половине загорелись ярко-желтые звезды разных размеров. Их соединяли между собой голубоватые линии рисунков — контуры созвездий. Придумывали созвездия троим: Венька, Ваня и отец. И появились на звездном полушарии «Штурвал», «Сивка-Бурка», «Фрегат», «Мушкетеры», «Рыба-пила», «Улыбка акулы», «Чудовище Хох» (его Венька и Ваня сочинили, когда поздно вечером болтали, лежа в постелях). А еще Венька придумал систему созвездий «Ро» — «Робин Гуд», «Робинзон», «Роберт Грант» (это который сын капитана Гранта).

Придумывать названия — это было такое увлекательное занятие, что и мама иногда подавала советы. По ее просьбе в космосе появилась «Черная дыра, куда провалилась новая шапка» (Ваня потерял ее на экскурсии в лесу), «Туманность невыученных уроков» и созвездие «Авоська», чтобы братья не забывали ходить за хлебом и картошкой.

Один раз никак не могли придумать имя внут-

ренному морю, что на Малом материке по соседству с Оранжевыми песками. Наконец папа сказал:

— А давайте украдем какое-нибудь название у Луны. Например, море Кризисов.

— Финансовых...— вставила мама. Потому что отец накануне уговорил ее наконец, что надо купить в «Электротоварах» деревообделочный станок. За сто шестьдесят рублей. И теперь мама то и дело намекала на денежные затруднения.

Зато станочек был что надо! И токарный, и сверлильный, и строгальный! И дисковая пила на нем! Отец просто светился весь, Венька с Ваней тоже радовались. Маме отец сказал:

— Наконец стеллажи новые поставлю и братьям-разбойникам двухэтажную кровать сооружу — как в кубрике. Сколько жилплощади выгадаем, а!.. И для этой матушки-планеты подставку сделаю, будет, как в музее.

И сделал! Даже с кольцами — экватором и меридианом.

Поставили глобус у окна, рядом с книжными полками: верти, разглядывай, разрисовывай дальше и придумывай разные истории про удивительную планету Находка.

Это название пришло в голову Веньке. Ваня сперва заспорил: не бывает таких планет.

— Но она же к тебе правда как находка попала!

— Ну и что? Это все-таки и не кошелек, а планета!

— А при чем тут кошелек! Находкой на Дальнем Востоке целый порт называется! Сейчас атлас принесу...

Ваня посмотрел в атлас и — куда деваться-то — согласился. А потом название стало нравиться. Другого и не надо...

Ваня пришел домой после четвертого урока. Про неприятность с носом он уже забыл, настроение было прекрасное.

Мама на обед еще не приходила. Отец в отпуске, но дома его тоже не оказалось — наверно, в мастерской. Венька в школе — у них пять уроков да еще лекция. Ваня разделся-разулся, крутнул между делом Находку, брякнулся на коленки и вытянул из-под двухэтажной кровати фанерный лист со своей «шиштемой».

По-правильному это сооружение называлось «система», но два года назад Ваня малость шепелявил. Отмахиваясь от любопытных, говорил: «Шиштемую строю». Так и повелось.

Строить «шиштемую» Ваня начал, когда ему в руки попал моторчик от электроконструктора. Шестилетний Ванюшка с восторгом убедился, что если моторчик соединить с батарейкой, получается восхитительное жужжание и верчение. А если к моторчику приделать шестеренку от будильника, а к ней что-нибудь еще...

И Ваня вдохновенно конструировал. Через неделю на фанерном листе, прикрепленные пластилином, вертелись уже несколько моторчиков. От них тянулись провода, резиновые шкивы, цепочки. Крутились катушки от ниток и зубчатые колесики, звенели рычажки и болты. Мигали лампочки.

Отец посмотрел на это дело, осторожно поскреб подбородок.

— Оно, конечно, здорово... Только какая задача у всей этой штуки, для чего она?

— Ну, такая шиштема. Когда все движется...

— Да, но... Как-то если без конкретного применения, то...

— Па-а...— Венька осторожно отвел отца за рукав.— Ну, ему просто интересно, когда все это будто оживает. Друг за друга цепляется, связывается одно с другим... Он вроде как стихи сочиняет, только не из слов, а из всяких железок...

Венька разгадал брата. Ваня в своей «шиштемой» был не столько техником, сколько поэтом. И творил железно-электрическую поэму уже третий год. Иногда, правда, забывал о ней на недели и даже месяцы, но потом разворачивал с новой страстью. Порой «шиштемой» разрасталась далеко за границы фанерной площадки. Тогда на подоконнике вертелись жестяные пропеллеры, на полке дрыгал ручками-ножками сделанный из конструктора человечек, на столе подпрыгивали среди пружинок раскрашенные теннисные шарики. Мигало, звенело и жужжало по всем углам.

Батарейного питания давно не хватало, отец помог приспособить старый трансформатор от детской железной дороги...

Когда появилась планета Находка, решили, что «шиштема» там будет энергетической станцией (вот и цель для нее нашлась!). И заводом будет, и космодромом заодно. Ничего, что она не на шаре, а на полу. Считается, что все равно на планете.

Энергии Находке требовалось много, населения там хватало. На материках и больших островах разрастались города, в горах строились посадочные площадки для космических кораблей...

По дороге из школы Ваня подобрал интересную железячку: колесико с рычажком и зубчиками. Крутнешь — рычажок подскакивает. Можно приспособить, чтобы он стучал по кнопке у красной лампочки номер семь, тогда она будет сигналить, как маяк на космодроме... Но надо на рычаг добавить тяжести — гайку или грузило пристроить... Ваня пошел советоваться с отцом.

Мастерская отца находилась в сарайчике, во дворе. Такие сарайчики-кладовки были у всех двенадцати семей, что жили в старом деревянном доме на улице Гоголя. Но кладовка Ямщиковых была особенная: отец утеплил ее, провел свет и радио, поставил верстак, наковальню, развесил по стенам инструменты. Притащил старый диван. Хочешь — работай, хочешь — отдыхай.

Но отдыхал отец редко. Все время что-нибудь мастерил. На заводе он был наладчиком прессового оборудования, готовил штампы для всяких сложных деталей, а дома он — и столяр, и резчик, и электрик, и токарь, и художник: стены в ребячьей комнате разрисовал всякими лесными чудесами, кораблями в синем море и старинными самолетами среди белых облаков. Хорошо, что места много — стены высокие, не как в новых домах...

Сейчас в мастерской гудел станок: отец вытачивал из круглых чурок большущие шахматы. Сделать их попросила молоденькая заведующая соседним детским клубом. Готовые короли, ферзи и пешки стояли вдоль стены, на узкой полке — пока все одинаковые, деревянно-белые.

Несмотря на шум станка, отец сразу учуял Ваню присутствие. Выключил мотор.

— Здравствуй, Иван Аркадьич. Отучились?

— Ага. А Венька еще в школе, у них писатель выступает.

— Везет людям. Я сколько живу на свете, ни одного писателя наяву не видел.

У отца в темных волосах и на небритом подбородке светилась древесная пыль.

— Вот опять тебе от мамы попадет, что не побрился утром и сразу к станку,— заметил Ваня.

— А я до обеда еще побреюсь, мама сегодня позже придет... Что это у тебя за штука?

— Стукалка с колесом...

За несколько минут они подобрали и насадили на «стукалку» латунную муфточку. Ваня сказал, что теперь рычажок брякает как надо — хоть на машинке им печатай.

— Папа, а ты починил машинку? Нам надо газету делать!

— Починить-то починил, только вы не колотите по ней, как по наковальне. Она уже вся рассыпается, лет-то ей, наверно, не меньше ста... Иди поешь, там на плите суп и котлеты.

— Я Веника подожду...

Веньке не удалось перехитрить Кошака и компанию. Непонятно, каким образом, но они его опередили. Встретили на пустыре позади цирка.

Цирк был новый, необычный. Над куполом поднимались решетчатые полукруглые фермы, получался как бы еще один купол — очень высокий и кружевной. Говорили, что цирков с такой конструкцией всего два на свете: второй где-то в Бразилии. Не всем эта иноземная архитектура была по душе, «Вечерка» обругала архитекторов: мол, не вяжется такое сооружение со старым городским центром.. Но Веньке цирк нравился. Будто опустился на площадь среди привычных тополей, старинных особняков и деревянных кварталов корабль звездных пришельцев.

Сейчас изогнутые конструкции сквозного купола казались черными, над ними летели серые тучки, а в разрывах светилось веселое желтое небо. Но полюбоваться Венька не успел. Из репейных зарослей вышли Кошак, Копчик и еще двое — незнакомые и одинаково-невзрачные, с гадеными глазами. И как разнюхали, что у Веньки здесь любимая тропинка? Или выследили?

Тоскливо стало Веньке. И не так страшно, как унижительно: оттого, что глупо попался и что ничего теперь не сделать.

Кошак вытаращил дурацки-невинные глаза и заулыбался.

— Товарищ Редактор! Здрасьте! А где же дядя милиционер?

Венька молчал.

Не склонный к юмору Копчик выдал:

— Подцепил прохожего мента и думал, что все такие глупые.

— Чего надо? — безнадежно сказал Венька.

— Себя спросил бы, чего надо, когда выступал в школе,— уже без улыбки отозвался Кошак и сплюнул.— Я тебе обещал.

— До чего храбрые четверо на одного,— сказал Венька и подумал: «Хоть бы уж скорее начинали, сволочи».

— Завтра пойдешь, скажешь той дуре у второклассников, что выступал не по делу и все наврал,—

лениво распорядился Кошак.— Тогда сильно бить не будем, а так, для назидания.

— Че-го? — искренне изумился Венька.

— Непонятливый,— проговорил Копчик и съежил смуглую мордочку.— Я еще тогда, у кассы, это заметил.

— Шура ты,— сказал Венька, чтобы не тянуть волюнку. Копчик рванулся и ткнул его костлявым кулаком в зубы. Венька в ответ неумело замахал руками, потому что опыта в драках не было. Двое схватили его за локти. Копчик еще раз ударил в лицо. Венька успел мотнуть головой, попал скользя по щеке. Он попытался трахнуть Копчика ногой, тот отскочил, Венька отчаянно дернулся, освободил руки, но ему сделали подножку. И когда он оказался ничком в жухлой траве, несколько раз всадили ботинком под ребра. Венька всхлипнул и вскочил.

И опять оказался один против четырех. И они ухмылялись. А лилово-серые облака и желтое небо над ажурным куполом были такие красивые, что Веньку поразило это дикое несоответствие: эта вот красота, а под ней Кошак со своими подонками. И страха не осталось уже совсем. Он прикинул расстояние до Кошака. А Кошак улыбался. И вдруг перестал улыбаться, сказал:

— Ладно, стоп. Копчик, стоп, я говорю... Беги, Редактор, пока мы добрые.

Венька сплюнул кровь с разбитой губы.

— Сам беги, скотина.

К нему прыгнули, развернули, дали такого пинка, что он врезался головой в упругие сухие репейники. А когда вскочил, враги уже уходили. Венька беспомощно швырнул им вслед комок глины, не добросил... и вдруг ослабел. От вновь навалившегося страха и от радости, что все уже кончилось. Ему было противно чувствовать эту радость, но что поделаешь...

Венька подобрал сумку, умылся у колонки на краю пустыря и пришел домой с раздутой губой и темным пятном на скуле.

И, разумеется, именно в этот момент пришла на обед мама. И, разумеется, ахнула:

— Кто тебя так?

Отец подошел. Ваня тоже. Ему бы, олуху, помалкивать, а он сразу:

— Это Кошак! Он сегодня на нашего Стрелка полез, а тот ему головой в поддых, а мы добавили... А он из-за этого на Веника! Я Стрелку скажу, мы завтра Кошаку еще дадим...

— А Кошак опять подкараулит Веньку,— сердито сказала мама.— Так и будут побоища каждый день? Кто это такой — Кошак?

— Да Гошка Петров из их класса!

— Сын Петрова, что ли? — удивился отец.— Ай да наследничек. Он что... способен на такое?

— Кошак на все способен,— устало объяснил Венька. Теперь уже было все равно.— А не он, так его дружки.

— Подожди-ка... — начал отец, но мама перебила:

— Вот такие-то сыночки и творят, что хотят. Думают, будто все им позволено... Сегодня как раз родительское собрание, вот я там все и выложу, пусть школа принимает меры...

Венька поморщился. Отец сказал:

— Ну, а в какое положение ты нашего-то парня поставишь? Будут говорить: нажаловался, мамаша пришла заступаться...

— Тогда иди ты, заступись,— неласково сказала

мама.— Ты часто на родительские собрания ходишь?

— Да положи ты, я ведь не об этом... У ребят в коллективе свои законы, а ты...

— Не знаю я таких законов! Чтобы всякая шпана людям проходу не давала... Все равно я скажу.

— Да не надо, мам...— опять поморщился Венька.
— Что значит не надо? Родители не должны за сына заступаться? Вырастешь— ты будешь заступаться за нас, если придется. А пока — мы за тебя. И ничего тут стесняться, глупо это...

— Да я не про то,— вздохнул Венька.— Просто бесполезно...

— Это почему же?

— Ну, скажет Роза Кошаку: «Петров, неужели ты не понимаешь, что это идет вразрез с нашими нравственными принципами? Я вынуждена сообщить директору»... А у директорши сто хлопот. Она сейчас ссереднюю борьбу с курением и с сережками у девочек ведет...

— И что, значит, не может на одного хулигана повлиять?

— Повлияет. Вызовет и мило побеседует.

— Почему это «мило»?

— А как еще? Это на другого могут орать: «Характеристика!». В девятый не сунешься!» А у Петеньки папа — шеф, папа — шишка. Да Петенька и сам не дурак, выкрутится... И будет с Копчиком и другими дружками ржать потом...

— Вот чего я не пойму,— сказал отец.— У него дружки. А за тебя-то в классе некому заступиться, что ли? Ведь если видят, что такое подлое дело...

— Ох, папа,— усмехнулся Венька.

— Что «ох, папа»?

— Ну ты, в самом деле... Кто будет с Кошаком связываться? «Подлое дело»... Личное дело, скажут, обыкновенное...

— Не верю я... Что тогда у вас за ребята?

— Нормальные ребята. Как везде. Современные...

— А если нормальные... Вот я помню, когда учился, тоже всякое бывало. И шпана привязывалась. Но мы как-то держались друг за дружку. Пускай не весь класс разом, но компании товарищеские подымались, если что... Был такой Федька Романчик, местный атаман, так мы ему даже ультиматум отправили: если, мол, еще к кому-то полезешь, гляди... Помню, в нашем штабе на сеновале это послание на машинке печатали...

— На какой машинке? На нашей? — ввинтился Ваня. Голову сунул отцу под мышку, завертел шейей. Отец взъерошил ему макушку.

— Ну, на какой же еще...

— Разве она тогда уже была?

— Я же тысячу раз про это рассказывал... Ты меня, Иван, с мысли не сбивай. Я про ультиматум Федьке Романчику говорю. Он тогда ничего, присмирел, зауважал...

— Штаб, ультиматум...— тихо сказал Венька.— Это какие годы-то были, папа... Вы тогда еще в тимуровцев играли.

— А сейчас как играют? — отец отставил от себя Ваню.

— По-всякому... Кто на скрипке, кто в хоккей, кто в карты... А кто в активиста на собрании. А вообще-то играть сейчас не модно. Лучше шмотками хвастаться и кайф ловить...

— А девочки с шестого класса губы красят,—

вставила мама.— У нас на работе Анна Михайловна рассказывает: замучилась со своей Татьяной...

— Подождите-ка, товарищи,— насупился отец.— Я, конечно, человек отсталый, современных сложностей педагогики не понимаю. И передачи для родителей почти не смотрю... Но, по-моему, ребята — всегда ребята. И тимуровцев недавно по телевизору показывали. Сбор их какой-то...

— Па-а, эти тимуровцы с Кошаком драться не станут,— улыбнулся Венька.— Их ведь за это на слет в Артек не пошлют.

— А мы будем драться,— опять встрял Ваня.— Мы всегда все за одного в классе, даже за девочку. Настюшка ругается, а мы все равно...

— Что за Настюшка! — сказала мама.— Анастасия Леонидовна...

— У вас еще примитивно-первобытный коллективизм,— вздохнул Венька.— Вот подрастете, поймете житейские мудрости...

— Мы и тогда будем.

— Ну и ладно,— согласился Венька.— Значит, вы уже новое поколение...

— Что-то не нравятся мне твои рассуждения, Вениамин Аркадьич,— сказал отец.— Давно это у тебя?

— Да уж порядком... Наверно, еще с той далекой поры, когда из редакторов поперли...

— Не уходить надо было, не хлопать гордо дверью, а спорить и доказывать...

— Спорил и доказывал...

— Значит, мало.

— Папа, ты в «Клубе путешественников» каменных идолов на острове Пасхи видел?.. Вот выйди на берег и попробуй им что-то доказать. Они смотрят и улыбаются...

— Да что же, у вас в классе одни каменные идолы? Что-то, братец, ты совсем... А может, ты сам окаменел малость?

— Может...— кивнул Венька.— Но газетой ты меня не упрекай. Если бы хоть один за меня тогда встал... А то все хихикали да смотрели, как мы с Классной Розой колья ломаем...

— Вень, а мы хотели сегодня нашу газету выпустить,— напомнил Ваня.— А то давно уже не было свежего номера...

— Вы как ни рассуждайте, а на собрании я вопрос подниму,— решительно сообщила мама. Венька пожал плечами. Ваня опять дернул его за рубаху:

— Давай газету...

— Вечером,— сказал Венька.— Мне сейчас надо сочинение писать. «Сравнительная характеристика Молчалина и Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума».

— Трудно, наверно,— посочувствовал Ваня.

— Не трудно, а нудно. Все разжевано: что писать и какими словами.

— Еще мы в свое время про это писали,— сказал отец.— Видишь, Веник, ничего в жизни не меняется. А ты говоришь...

— Меняется, пап... Молчалиных стало больше.

— Тогда и напиши про это.

— Ну и напишу. Только ведь опять все хихикать будут...

Газета внешне была похожа на ту, что пробовал выпускать Венька в классе, «Наши новости». Даже двойная буква «Н» такая же. Только «Новости На-

ходки» печатали информацию со всех материков и островов Венкиной и Ваниной планеты. Репортажи с футбольных матчей между гномами Голубой пещеры (которые во время игры путались в бородах) и школьниками города Нью-Крокодайл с острова Каменных Шаров. Историю открытия подземных поселений неизвестной цивилизации. Рассказ о том, как вводили самоуправление в школе отсталого племен дайбери на острове Сердитых Кошек: завуч школы, награжденная за многолетнюю работу пальмовой ветвью для отмахивания от ядовитых розовых девятикрылов, провела специальное собрание. Она сообщила, что теперь сами ученики будут решать, кого из провинившихся школьников педагогический совет должен съесть накануне праздника, посвященного местному божеству, покровителю знаний Бак-Луше...

Была еще в газете всякая информация из дальнего космоса (и из ближнего тоже), рассказы в картинках и просто рассказы, Ванины четверостишия о шенке и кораблике. Была повесть с продолжением о приключениях находкинского школьника по прозвищу Ноль-с-Плюсом (не из племени дайбери, а из цивилизованного города Норд-Булькало), попавшего на странную планету Земля и оказавшегося там в местной школе...

Номеров «НН» было больше тридцати. Венька стал выпускать их прошлой осенью, сразу как появилась планета Находка. Раз в школе редакторская работа не пошла — пускай хоть здесь... По крайней мере, никто не мешает. Отдавшись журналистскому горению, Венька целыми вечерами стучал на дребезжащем «Ундервуде», расклеивал заметки и рассказы, тушь и акварелью разрисовывал заголовки, выписывал рубрики. А Ваня преданно помогал: и сочинять, и рисовать...

Но этой осенью газету застопорило. То ли домашних заданий у Веньки стало много, то ли пыл угас. Ваню это беспокоило.

— Вень, дописал сочинение? Ну, давай газету делать...

— Включил бы лучше свою «шиштемку»...

— Ну, Вень... Мы с лета не выпускали.

— Материала все равно нету...

— Сразу и придумаем! — Ваня поволок Веньку за рукав, усадил на нижнюю койку. Венька по инерции дурашливо завалился навзничь. Так и остался.

— У меня ничего не придумывается. Я на сочинении выдохся.

— А ты напрягись, чтобы это... вдохновение...

— Ну да! Оно только у писателей бывает, и то не всегда. У нас сегодня писатель выступал, он про это как раз говорил.

— Ну и пусть выступал, — не поддался Венька. — Он для нашей газеты все равно ничего не сочинит. Надо самим.

— Вот и давай.

— Сначала ты давай!.. Помнишь, ты про пустой город на острове Дзынь-Кап рассказывать начал? Он почему пустой?

— Ну... — Венька наморщил лоб. — Его жители дзынькапских джунглей построили... А потом...

— Какие жители? Остров же необитаемый!

— Нет, в джунглях есть там одно племя. Очень тихое и миролюбивое. Они расчищают поляны, разводят на них розовую капусту (прыгающие такие кочаны) и там живут... А однажды к ним забрел охотник из города Сан-Бубенец...

— Забрел на остров?

— Ну, потерпел крушение и выплыл, не придирайся... Он там стал жить и рассказывать дзынькапцам про разные страны и большие города. Им завидно стало, и они тоже решили построить город... Выбрали каменное плато, где джунглей поменьше, налепили из глины кирпичей, обожгли их на кострах, и давай строить большие дома, дворец, башни, стены — все, как охотник рассказывал. Народу много было, люди они трудолюбивые, за три месяца управились... Днем работали, а ночевать уходили в свою деревню. А в последний день так умаялись, что остались ночевать в новых домах... Вот утром, раньше всех, одна девочка проснулась, вышла на балкон и видит, сколько домов кругом, этажи громоздятся, крыши, арки всякие, колокольни... И утреннее солнце это все освещает. В общем, красота удивительная. И тихо. Она и говорит: «Ох...» А со всех сторон ей в ответ: «Ох... ох... ох...» Она перепугалась, кинулась к взрослому, говорит: «Там злой дух завелся...» Взрослые вышли, поглядели, говорят: «Ах!» А отовсюду: «Ах... ах... ах...»

— Это эхо было?

— Конечно. Только дзынькапцы были еще не цивилизованные, суеверные. Ну и перепугались злых духов. У них там еще жрец был, страху нагнал: «Духи, — говорит, — не хотят, чтобы мы меняли образ жизни, велют вернуться в джунгли...» Жрецы, они всегда вель против нового... Дзынькапцы и ушли из города. Навсегда... А охотника отправили с острова на пальмовом плоту, его потом пароход подобрал.

— И никого в том городе не осталось?

— Никого, конечно... Хотя нет. Осталось Эхо. Но оно ведь не может без людей. Вот и молчит. Все надеется, что придет кто-нибудь, ждет. Чтобы ожить и отозваться...

Личное дело

Мать Егора предпочитала беседовать со школьным начальством один на один и родительские собрания не посещала. Поэтому Егор узнал о возможных неприятностях лишь на следующее утро. Классная Роза сообщила ему со смесью укоризны и сдержанного негодования:

— С причинами твоего вчерашнего прогула, Петров, я разберусь сама. Чуть позже. Но что касается твоей чудовишной выходки по отношению к Ямщикову, то здесь я бессильна. Его мать вчера сделала заявление при всех, и этот факт известен Клавдии Геннадьевне. Тебе придется объясниться с ней.

Егор глянул недоуменно и оскорбленно: что, мол, еще за новые напасти на меня? С уроков ушел, потому что голова разболелась. А что касается Редактора, то... Но Роза Анатольевна произнесла фразу о потере элементарных человеческих принципов у нынешнего поколения и заспешила в учительскую.

Венька Редактор ходил с болячкой на припухшей губе. Егор поглядывал на него с усмешкой: вот так, дорогой, получил чего добивался. Редактор не отводил взгляда, но смотрел как бы сквозь Егора. Давал понять, что Кошак для него — пустое место. Недостойное никаких чувств и мыслей. Это, по правде говоря, раздражало Егора. «А я тебя, крысу бумажную, еще пожалел».

Даже себе не хотел Егор признаться, что дело было не в жалости, а в страхе. Когда сбитый с ног Редактор опять вскочил, отплевывая кровь, Егор интуитивно осознал, что предприятие безнадежное. Ощущения победы не будет. Такое ощущение бывает, когда кто-то делается испуганным и покорным. А этот идиотски упрямый хиляк, видимо, готов помереть за свою гордость. Отвечай еще за него... А самое главное, что пришлось бы увидеть: есть люди, умеющие не сдаваться до конца. Не то, что некоторые...

Эту боязливую догадку Егор давил в себе, но она шевелилась, подлая. И до конца уроков Егор жил со стыдливым ощущением, что кто-то узнал про него очень тайное.

После пятого урока Бутакова закричала про какое-то литературное собрание, но Егор махнул к раздевалке. Однако дверь ее оказалась на замке, а техничка Шура заявила, что до конца шестого урока открывать не велено. Егор заорал, что одежда — его личная собственность и никто не имеет права прятать ее под замок. Подошла дежурная учительница.

— Ох, это опять Петров за права человека воюет...

— У нас пять уроков по расписанию! А всякие лекции — это не учебная программа, я там сидеть не обязан!

— А что ты возмущаешься? Это ваша Роза Анатольевна распорядилась, а не я. С ней и выясняй.

Егор завелся и ринулся в литературный кабинет, чтобы с порога нарушить чинность мероприятия. Пусть немедленно открывают раздевалку! То кричат о самоуправлении и добровольности, а то шмотки под замок!..

Дверь в кабинет была распахнута. Егор увидел, что народу — битком: восьмой «А» и восьмой «Б» сели вместе. Сидели тихо, слушали внимательно. Егор сразу сорентировался: крик его сейчас не подержат, сочувствия не будет. Он вошел, сердито дыша. Подвинул на скамье у крайнего стола грузного Артема Карасева.

Классная Роза вешала, стоя у стола:

— ...для тех, кто не был на вчерашней встрече... Олег Валентинович пришел к писательской профессии не гладким путем. После окончания факультета журналистики он работал в разных газетах, жил на Севере, был геологом, рыбаком, строителем. Извездил всю нашу страну, встречался со множеством интересных людей. Все это дало ему возможность создать книги, которые пользуются заслуженным успехом у читателей. В последнем номере журнала «Объ» вы можете прочитать его повесть о нелегкой работе сотрудников уголовного розыска. А в книжных магазинах недавно появилась книжка «Тайный звон металла». Это увлекательные очерки об истории Нижнеокского металлургического завода — старейшего предприятия нашего города. Кто еще не купил, советуем поторопиться. Мы потом устроим обсуждение этой книги. Я думаю, всем нам интересна история нашего города, и книга «Тайный звон металла»...

— «Тайны звонкого металла»... — с улыбкой сказал Олег Валентинович, стоявший рядом с Классной Розой.

— Ох, простите... Если я волнуюсь, то всегда...

— Ну что вы, что вы. Волноваться следует мне. Перед такой взыскательской аудиторией...

Впрочем, никакого волнения в нем не замечалось. Он поглядывал на сплуснутых за столами восьмиклассников с доброжелательной уверенностью. Сквозь

большие модные очки. Это был рослый мужчина с пепельно-серой (может быть, седоватой) шевелюрой, с широкими плечами и выпуклым животиком под свитером домашней вязки. Его маленькая борода-лопатка торчала вперед с интеллигентной решительностью.

— Кто такой? — спросил Егор у сытно дышавшего Карасева.

— Писатель какой-то. Вчера еще выступал да не кончил. Седня опять приперся...

— Какой писатель?

— А фиг его... Про Робинзона вчера рассказывал...

— Про какого Робинзона? Зачем?

— Ну, я то чё?.. Про какого-то Робинзона Крузена...

Егор отвернулся. Карась был настолько туп, что не имело смысла его даже презирать.

Роза Анатольевна между тем еще раз выговорила «простите» и с облегчением устремила взгляд в задние ряды:

— Чья там рука?.. Что тебе, Симакова?

Темная Симакова поднялась, качая запрещенными сержками.

— Олег Валентинович, вот вы сказали, что переехали в наш город... А я думала, что все писатели живут в Москве.

— Симакова... — на всякий случай осудила ее Классная Роза. Олег Валентинович весело покивал:

— Да, это распространенное мнение. Но совершенно-совершенно несостоятельное. Я мог бы назвать много известных имен — тех литераторов, кто не стремится к столичному бытию и обитает в самых разных уголках страны... У меня все объясняется просто: я ведь родом из здешних мест, из Новотуринска, а к старости тянет обычно в родные края...

— Вам ли говорить о старости, — вставила Роза Анатольевна.

— Ну, все-таки... Правда, в самом Новотуринске литератору трудно, небольшой городок, а здесь — все, что нужно: известное в России издательство, киностудия, журнал... А главное — темы, темы! Нижнеокский завод дал мне массу материала. Да и встретили меня там прекрасно. Создали, как говорится, все условия для творческой работы, дали прекрасную квартиру... Вы люди уже взрослые и понимаете, что писательское вдохновение весьма прочно перелетено с житейскими проблемами. Тем более что для писателя квартира — это не только жилье, а прежде всего — рабочее место. Как цех для токаря или сталевара...

— А у вас большая семья? — пискнула с места похожая на пятиклассницу Любка Оршанская.

— Оршанская... Ох уж эти девочки. Их всегда волнуют подробности личной жизни знаменитостей.

— Да пожалуйста! Знаменитостью я себя не считаю, тайн из семейной жизни не делаю... Нас трое: жена — сотрудница научной библиотеки на Нижнекамском заводе и сын — ваш ровесник.

— Наверно, тоже будущий литератор? — Классная Роза выдавила любезно-доверительную улыбку. — Так сказать, наследник литературной славы...

— Н-не знаю, — помолчав, сказал Олег Валентинович. Серьезно так сказал. — Наследник, разумеется. Но славы или чего другого, трудно пока говорить... Существует мнение, что дети наследуют у отцов славу и подвиги. А ведь они всё наследуют — ошибки и слабости тоже... Поэтому надо стараться жить так,

чтобы ошибок было меньше. Хотя бы ради детей... Об этом, кстати, я пытался сказать и в повести «Паруса «Надежды». В той, о которой мы говорили вчера...

— Да-да! — обрадовалась Роза Анатольевна. — Вы обещали почитать отрывки. Мы поэтому и собрались в таком вот... обилии.

Егор вспомнил замок на раздевалке и готов был уже встать и разъяснить причины «обилия». Тем более что самоуверенная бородка неизвестного литературного светила Егора весьма раздражала. Но оба класса заинтересованно притихли, и пока Егор вычислял, стоит ли переть на скандал, момент оказался упущен. Олег Валентинович поднес к очкам большие листы:

— Я прочту вам начало. Буду очень благодарен, если вы потом нелицеприятно выскажете свое мнение. Уверю вас, комплименты мне не нужны, нужна истина. Очень хочется знать, удалась ли хоть в какой-то степени детали и дух той эпохи...

Возможно, Олегу Валентиновичу удалась дух и детали эпохи. Но эпоха эта ни в малейшей степени Егора не интересовала. Не интересовали его и дела директора Морского кадетского корпуса, пожилого адмирала Крузенштерна («Робинзон Крузен»! О, Карась-рыба!). И пока этот адмирал неторопливо шествовал по коридору вверенного ему учебного заведения, Егор начал потихоньку размышлять о том о сем. В частности, действительно ли Роза накапала директорше о вчерашнем деле с Редактором. Ничего, ко-

нечно, за это не будет, но сама возможность нудной беседы в директорском кабинете не радовала. Тем более что все было напрасно: Редактор оказался прочнее, чем думалось.

Занятый раздраженно-кислыми мыслями, Егор встряхнулся, когда назвали его имя. Что такое?

Нет, не о нем это. Писатель читал о каком-то кадетике, которого тоже звали Егором... Не сумел другого имени отыскать для своего сопливого героя? Впрочем, наплевать... Но отвлечься Егор уже не мог. Фразы, произносимые выразительно и отчетливо, лезли в уши. И Егор уяснил, что его тезке, жившему в прошлом веке, грозила беда. Этому воспитаннику резервной роты за какую-то провинность велено было явиться в специальную комнату, где его ожидали розги. Ибо в те времена воспитательная работа не сводилась к разговорам в директорском кабинете.

Егор сидел неподвижно и равнодушно, однако в душе съезжился. Не от жалости к чахлому кадету, а от воспоминаний...

У кадета, кажется, все уладилось: адмирал пообещал заступничество. Но чувство незащитности и ожидание чего-то скверного не оставило Егора. И он даже не удивился, когда в открытой двери показался Мстислав Георгиевич — Поп-физик — и злорадно сказал в пространство:

— Прошу прощения у собравшихся, но восьмиклассника Егора Петрова требуют к директору!

...Предчувствие не обмануло. В кабинете Клавдии

Геннадьевны, сбоку от ее стола, сидел милиционер в погонах старшего сержанта. Худой, светлорусый, с темным, будто припорошенным коричневой пылью лицом, с резко-синими глазами.

Тот самый мент, вчерашний попутчик Редактора! Значит, не случайный попутчик-то... Влип, Кошачок.

А впрочем, что ему сделают? И пусть сперва докажут!..

Егор подобрался и равнодушно отвел взгляд. Улыбнулся.

— Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали...

С директором Клавдией Геннадьевной Михаил решил дело моментально. Она подписала акт, сказала, что Мартышонок сегодня пришел в школу вовремя и сейчас на продленке, посочувствовала Михаилу по поводу его «каторжной» работы и со вздохом высказалась в адрес завуча Тамары Павловны и других своих заместителей, которые боятся всего на свете: детей, лишних трудностей, а пуще всего — ответственности. А какой смысл бояться поставить подпись на бумаге, если все равно каждый день ходишь, как по краешку обрыва? Того и гляди что-то случится — не сейчас, так через час. Своей доверительностью она давала понять: «Я вижу в вас коллегу и союзника».

Лицо у директрисы было пухловатое, с какими-то домашними морщинками, вздохи тоже не строгие, не кабинетные. Глаза, правда, с «беспокойкой», но что поделаешь — должность такая. Михаил, который с утра готов был к тому, что ему вернут акт и скажут: «Подписывайте у матери», сейчас обмяк и слушал Клавдию Геннадьевну с удовольствием и даже сочувствием.

После короткого стука шагнул в кабинет высокий парень лет двадцати пяти — тонкий, с римским носом и негодованием в очах.

— Клавдия Геннадьевна! Мне все-таки хотелось бы выяснить нелепейшую ситуацию, в которой я оказался!

— Мстислав Георгиевич, голубчик! Выясним, я же сказала. Но не сию минуту, видите, у меня товарищ из милиции. И тоже с «ситуацией». Давайте после шестого урока... А пока, очень вас прошу, загляните в литературный кабинет, вызовите ко мне Егора Петрова. Там встреча с писателем... Валя отпросилась на полчаса, а самой мне лишний раз на третий этаж...

Мстислав Георгиевич покинул кабинет с видом оскорбленного кавалергарда.

— Вот вам нынешние педагогические кадры, — сообщила Клавдия Геннадьевна. — Первый год работы, юноша полон энтузиазма, стремится к контакту с учениками, причем без всякого панибратства, на творческой, как говорится, основе. Не терпит разгильдяйства, ревностный сторонник твердых правил и дисциплины. Казалось бы, чего еще желать? А получается бог знает что... Вместе со старшеклассниками уговаривал меня отпустить их в поход с ночевкой. Уговорили, хотя для меня это лишние страхи и нервы. А вчера выяснилось, что ребята отказались идти с ним. Из-за стычки с курильщиками в туалете. Начал рьяно наводить порядок, не учел самолюбия наших великовозрастных интеллектуалов. И вот результат... Причем отказались-то даже не те, с кем был конфликт... А он счел, что я тайно поддерживаю это дело, чтобы похода не было... Честное слово, сам

еще как дитя, трудный подросток. Хоть маму вызывай.

— Может быть, стоит? — улыбнулся Михаил. И подумал, что пора прощаться. — Клавдия Геннадьевна, у меня еще просьба. Можно отметить у вас командировку? Чтобы не ходить в управление, не козырять здешнему начальству...

— Разумеется... Ох, но печать-то в сейфе, а ключ секретарша унесла. Я отпустила ее на полчаса в магазин, дела житейские... Вы можете подождать немного?

— Если я вам не мешаю...

В кабинете было уютно, до поезда оставалось больше двух часов, болтаться по слякотным улицам не хотелось.

Клавдия Геннадьевна сказала, что ничуть он не помешает, и, может быть, ему будет даже интересно. Сейчас явится еще одно трудное дитя. Весьма своеобразная личность.

Личность явилась. И Михаил тут же угадал в ней одного из вчерашних «караульчиков», хотя накануне видел его издали.

Симпатичный оказался парнишка. С небрежной прической пшенично-золотистого отлива, в меру курносый, с одинокими веснушками на подбородке и правой щеке (словно кто-то бросил в лицо горсточку желтой шелухи, да промахнулся, зацепил краем). С большим пухлогубым ртом, который наверняка растягивается в замечательную улыбку. Глянешь и подумаешь — вот ясная душа... Только очень внимательный взгляд мог различить серую пыльцу под глазами — след курения — да недобрые точки в зрачках.

Рот мальчишки растянулся полумесяцем:

— Здравствуйте, Клавдия Геннадьевна. Физик сказал, что вызывали.

— Не физик, а Мстислав Георгиевич. Что за мамы, Егор!

— Ах да, извините...

Он держался свободно. Однако в первый миг, когда они с Михаилом встретились глазами, живые брови Егора Петрова беспокойно шевельнулись, губы напряглись. Дрогнул мальчик.

— Петров, — официально сказала Клавдия Геннадьевна. — Меня интересует вчерашняя безобразная история. За что вы избили Ямщикова?

Егор придал зеленоватым глазом выражение полной невинности.

— Кто «мы»? Он подрался с Копчиком, а при чем тут я?

— Что за Копчик?

— Ну, Копчик и Копчик... Кажется, Вовкой зовут. Я толком и не знаю. Мы повстречались случайно, а потом...

— Вы же специально у школы караулили, — сказал Михаил.

— Если стояли, значит, караулили? Копчик какого-то девятиклассника ждал, а потом говорит: «А, вон ваш Редактор ковыляет, надо мне с ним разобраться». Я говорю: «Охота тебе...»

Михаил видел, что мальчишка врет с дерзким расчетом: чем нахальней — тем правдоподобней.

— ...А потом мы пошли к цирку, узнать насчет билетов на «Звезды на льду». А Ямщиков откуда-то прямо на нас выскочил. Они с Копчиком и сцепи-

лись, у них какие-то лавинные счеты. Я и не подходил...

— Егор, не лги. Утром ты обещал расправиться с Ямщиковым, когда тот вступился за второклассников.

— А чего он не разобрался, а суется! Ему везде за справедливость бороться надо!.. Я сгоряча и сказал: «Обожди, ты от меня получишь». Так можно каждого в бандиты записать, если к словам придираться...

— Егор, — значительно сказала Клавдия Геннадьевна. — Может быть, не следует выкручиваться? Хотя бы сейчас... — И она перевела выразительный взгляд на Михаила.

— Клавдия Геннадьевна, — улыбнулся Михаил. — Мне не хотелось бы играть роль пугала. Пусть Егор Петров знает, что я здесь по другому делу, хотя и шел вчера вместе с Ямщиковым до троллейбуса... Может быть, как раз в этом случае Петров будет искреннее. — И усмехнулся про себя: «Не будет. Не таков...»

В глазах Егора мелькнуло облегчение.

— А чего мне выкручиваться, если я его не трогал?

— Но ты стоял тут же, когда твои дружки били Ямщикова. И не вступился за товарища по классу, — сказала директорша.

— Клавдия Геннадьевна, — произнес Петров уже совсем уверенно, даже со скрытой усмешкой. — Товарищ по классу — это не всегда товарищ. А с Копчиком у Ямщикова свои дела. Они и выясняли. Я-то при чем?

— А двое других помогли Копчику, не так ли? — сказал Михаил.

— Когда они полезли, я и вмешался! Сказал: «А ну, кончайте!» Можете спросить Ямщикова! Он, конечно, меня терпеть не может, но врать не будет. Он же принципиальный...

— Ну что же, и спросим, если понадобится... — пообещала директорша, и Михаил уловил в ее тоне слабинку. — И думаю, что тебе будет трудно доказать, что твоя роль столь благородна...

Егор Петров обрел уверенность на сто процентов.

— А почему я должен доказывать? Кто обвиняет, тот пусть и доказывает! Это называется «презумпция невиновности». В программе «Человек и закон» говорили. А то на любого человека можно что угодно наговорить, а он доказывай, что не верблюду...

Клавдия Геннадьевна посмотрела на Михаила: вот, видали молодца!

— Юридически подкованный субъект, — сказал Михаил. Он приглядывался к мальчишке все с большим интересом. Даже с некоторым одобрением. Тот явно пережимал директоршу в полемике. Но вспомнил Михаил беззащитного Ямщикова и представил, каково ему пришлось одному против четверых. И ожесточился: — Знаете, Клавдия Геннадьевна, вы зря тратите время на дискуссию. В словесных поединках такие всегда выкручиваются.

Петров сжал губы в длинную прямую черту и равнодушно глянул на Михаила сильно позеленевшими глазами:

— Какие «такие»... гражданин старший сержант?

— Егор!

— Ничего, Клавдия Геннадьевна, я не обидчивый... Какие «такие»? Владеющие речью, знающие о презумпции невиновности. С интеллектом телевизионных знатоков и душами шкурников.

«Эк ведь меня... — подумал Михаил. — С чего это?»

Егор, глядя выше головы Михаила, сказал с ленцой:

— Что-то я не пойму. «Субъект, шкурник». Это ведь уже оскорбление.

— Оскорбление — это когда незаслуженно, — сказал Михаил и ощутил зыбкость своей позиции.

— А я чем заслужил? — глаза Егора блеснули почти настоящей обидой. — Вы что обо мне знаете? Или уже следствие провели?

— Е-е-е-е-е-е, — сказала Клавдия Геннадьевна.

— А что Егор? Милиции все можно, да? Она «при исполнении», она всегда права! И пожаловаться некому.

— Ну, почему же? — скучно возразил Михаил. — Жалуются сплошь и рядом. И с успехом. Напиши жалобу и ты.

— На деревню дяде милиционеру?

Михаил вынул записную книжку, ручку и при общем молчании писал целую минуту. Все данные и адрес. Вырвал листок.

— Прошу. Пиши заявление. А я потом приеду специально, принесу свои извинения... Если не сумею доказать, что ты хорошо знаком с Копчиком и обдуманно караулил Ямщикова.

Егор бумажку взял. Прочитал и (вот стервец!) аккуратно спрятал в нагрудный карман. Потом сказал со смесью обиды и снисходительности:

— Ну ладно. Ну, даже если я подготовил Копчика разбить губу Ямщикову, в тюрьму вы меня не посадите. А такие выражения использовать все равно не имеете права.

— Петров! — Клавдия Геннадьевна заговорила с хорошо рассчитанной железной интонацией. — Я сейчас тоже употреблю выражение. Я считаю твою вчерашнюю выходку свинством, а сегодняшнее поведение наглостью. Если на основании этого ты сделаешь вывод, что я назвала тебя наглцом и свиньей — дело твое. Можешь писать в районо, адрес возьми у секретаря... А я со своей стороны обо всем происшедшем немедленно позвоню отцу. Ступай.

— До свиданья, — сказал Егор и пошел к двери. А от порога сообщил: — Звоните лучше матери. Отец все равно на объекте.

— Вот такой фрукт... — Клавдия Геннадьевна виновато посмотрела на Михаила, когда дверь закрылась.

— Любопытный образец... — Михаил все еще испытывал что-то вроде досадливого сочувствия к Петрову.

Клавдия Геннадьевна шумно вздохнула, покрутила телефонный диск.

— Алло... Добрый день, Алина Михаевна... Да, я. Вы меня уже по голосу узнаете... Спасибо, как обычно, в трудах... К сожалению, да... Грустно говорить об этом, но приходится. Пока точно не знаю, но известно одно: с какими-то ребятами подкараулил своего одноклассника, и они его слегка поколотили... Нет, Алина Михаевна, к сожалению, он инициатор... Тот мальчик тоже не прост, но не из тех, кто отстаивает интересы кулаками... Ну, как он объясняет? Вы же знаете, говорить Егор умеет, аргументы найдет всегда, в уме ему не откажешь. И тем не менее... Вот именно. Важно, чтобы он осознал. Вот-вот, об этом я и хочу попросить... Мы — разумеется, но и вы со своей стороны... Да, спасибо... Конечно, конечно, созвонимся. Всего доброго.

Она подняла на Михаила виноватые глаза:

— Вот так и приходится... А что я могу сделать? От его отца зависит ремонт школы и масса всего другого... Неужели я совсем беспомощно разговаривала? Вы так на меня смотрите...

— Простите...— Михаил передохнул, чтобы прогнать ощущение жутковатой пустоты — такое, как перед распахнувшимся парашютным люком за секунду до прыжка. Это чувство у него возникало при любых резких неожиданностях.— Я услышал имя. Алина Михеевна?

— Да. Немного необычное...

— И знакомое...— Михаил сморщил лоб и прикусил губу. Клавдия Геннадьевна смотрела вопросительно. «Нет, стоп»,— сказал себе Михаил.— Что-то вертится в голове,— неуклюже соврал он.— С чем-то связано... Этот Егор Петров... он не мог раньше иметь дела с нашим ведомством?

— Да, возможно... Кажется, года четыре назад он не поладил с отцом и удрал из дома. Характер-то видите какой... По-моему, вернули с милицией. Но это давний случай. Вообще-то у них нормальные отношения, прекрасная семья... и...

— Простите, а они... из здешних мест? Коренные?

— Право не знаю. Я ведь в этой школе всего третий год... А в чем дело? Вас что-то встревожило?

— Да ничего особенного... Одна зацепка в мозгах... связанная уже не с Егором, а с совершенно другими людьми. Возможно, я и ошибаюсь...— опять неловко вывернулся Михаил. И тут же непоследовательно спросил:— А Егору-то сколько лет сейчас?

— Ну... четырнадцать, естественно, восьмой класс...

— Да, разумеется... А родился он здесь?.. Видите ли, мне интересно знать, не жил ли кто-нибудь из Петровых на юге.

Пряча в глазах искорки любопытства, Клавдия Геннадьевна поднялась.

— Это нетрудно узнать. В личном деле наверняка есть копия свидетельства о рождении.

Она вышла и через две минуты принесла тонкий листок.

— Да, вы правы... Родился первого июня шестьдесят восьмого года, место рождения — Севастополь...

Визиты

Из директорского кабинета Егор ушел с ощущением победы. Не потому, что выкрутился и осадил этого сержанта (личность, видимо, все-таки случайную), а потому, что почуял под конец разговора: нет у директорши доказательств, а главное — нет желания эти доказательства добывать и «двигать дело».

Слушать писателя Егор больше не пошел, сумка была при нем, раздевалку уже открыли, и через полчаса он оказался дома.

Едва успела мать скормить ему обед, как позвонил некий Гриб, человек не из «таверны», но знакомый Курбаши и к компании Больничного сада благоволивший.

— Кошачок! По агентурным данным ЦРУ ты располагаешь кассетой с «Викинггами». А?

Егор сказал, что кассета Копчика и Копчик не велел давать ее ни одному смертному. А связываться с Копчиком ему неохота, у того не характер, а одна истерика.

— И не давай, и не связывайся! Мне только послушать хотя бы начало! Чтобы знать, стоит ли игра свечек! Из твоих рук, а? Кошачок, за мной не пропадет!

Егор с полминуты поломался, чтобы набить цену, потом прихватил плеер и спустился во двор, к заброшенной песочнице, у которой был «сходняк» местного молодого населения.

Гриб — прыщавый тип семнадцати лет и непонятных занятий — стянул громадную грузинскую кепку и почтительно водрузил на нечесанную башку дужку с наушниками. Зажмурился. Они сели рядом, Егор не выпускал плеер из ладоней. Больше никого кругом не было. Гриб сидел и внимал. Егор ежился и скучал: было пасмурно и зябко. Прошло минут семь. Егор глянул в конец двора, окруженного п-образным двенадцатиэтажным корпусом. Глянул и машинально даванул кнопку «стоп» и клавишу перемотки.

Гриб обиженно заморгал.

— Ты чего? Там самый кайф...

— Вырубись, Гриб. Кажись, шах и мат...

От уличной арки по дорожке среди жухлых газонов и унылых кустиков шел недавний знакомый — старший сержант.

Тошновато стало Егору. Что же это, просчитался он? Ничего не кончилось? Ох, прижали, кажется, хвост Кошачку...

Егор спрятал магнитофон и наушники за пазуху. Милиционер подошел. Сапоги по склизкому асфальту хлюп-шелк, хлюп-шелк. А на коричневом лице улыбка, зубы белые в щели потрескавшихся губ. И в глазах синий насмешливый блеск.

— Вот, опять пришлось встретиться,— вздохнул старший сержант.

— Вижу,— хмуро усмехнулся Егор (в груди неприятно холодело).— А говорили: по другому делу...

— Обстоятельства меняются, Егор... Мама дома? Егор встал.

— Не вижу смысла скрывать. От милиции не спрячешься. Мама дома.

— Проводишь?

— Куда деваться... Руки за спину не надо?

— Сойдет и так.

Они пошли, Гриб смотрел вслед. Милиционер вдруг спросил:

— Егор, а ты правда обиделся тогда в кабинете?

— Это нужно для разговора с мамой?

— Нет. Это нужно мне...

— Тогда — да.

— Это хорошо,— непонятно сказал старший сержант. А когда подошли к подъезду, поинтересовался:— Ты решил, что я из-за Ямщикова пришел?

А зачем он пришел? Может, что в «таверне»? Может, насчет мопеда раскопали, который увел у кого-то Валет с мышатами? А при чем тут он, Кошак? Или станут помогать насчет бизнеса Курбаши с пластинками?.. Хуже всего, когда не знаешь...

— Я думаю, вы пришли агитировать меня в отряд «Юный дзержинец»,— собрав остатки храбрости, съязвил Егор.

— Я совсем по другому делу...

— У вас все время «другое дело», «другой вопрос», но все почему-то вокруг меня.

— А тебе страшно, что ли?

— Разве заметно?

— Представь себе.

— Ошибочное впечатление. Я... как это? Инди-ффе-рентен...

Поднялись на седьмой этаж. Егор открыл дверь своим ключом и в прихожей громко сказал:

— Мама, к нам тут представитель органов охраны общественного порядка... Я не звал, он сам.

Мать вышла, шураша халатом, округлила глаза. Егор скинул башмаки и, не снимая куртки, ушел в комнату. Слышал за собой обрывки разговора. Речь милиционера звучала приглушенно, а слова матери Егор различал ясно.

«...что-то натворил?.. Да-да, я понимаю, разговор необходим... Конечно, лучше без него. Там, в комнате... Ну и что же, что сапоги? А вот вы надените сверху эти лапти, я их специально для таких случаев плела, меня одна знакомая научила...»

Сейчас они войдут. «Горик, иди пока к себе, нам надо поговорить...»

О чем?

О чем же, черт возьми!

Егор выложил плеер на подоконник за шелковую портьеру и нажал кнопку записи.

Следующие два дня Михаил прожил в таком сумбуре мыслей, в такой путанице чувств, что порой заходило сердце — как в стремительно теряющем высоту самолете. Было у него и ощущение потери, и обида, и надежда, что потеря — не окончательная, и, несмотря ни на что, вспышки радости, которую тут же гасили трезвые и горькие мысли...

Мама сказала наконец:

— Миша, да что с тобой? Ну, напиши ей сам или позвони, в конце концов. Нельзя же так изводить себя.

Михаил сказал сперва правду: что изводится совсем по другой причине. А потом соврал, что расстроился из-за статьи в «Среднекамском комсомольце». Статью в редакции и в самом деле изуродовали. В первых, придумали слюнявый заголовок «Где ты, Антошкина мама?». Во-вторых, многое сократили, и получилась просто подборка случаев о брошенных матерями трехлетних и четырехлетних пацанятах, которые мыкаются по детприемникам вместе с правонарушителями школьного возраста. Будто Михаил в своей статье пытается убедить читателей, что во всем виноваты одни легкомысленные и бессердечные мамы. А рассуждения о том, откуда такие мамы берутся, оказались убраны.

Михаил долго лаялся по телефону с редактором отдела школьной жизни Васей Коротким. Вася отругивался. Ссылался на объективные причины и указания свыше. Потом, чтобы умяслить скандального автора, сообщил: на протяжении его корреспонденции о хамстве и рукоприкладстве воспитателей в новотуринском интернате пришел из тамошнего горно ответ о принятых мерах. Михаил знал цену таким ответам. Подробно и с удовольствием он объяснил товарищу Короткому, как тому следует использовать эту бумагу. Рывкнул, что все равно будет добиваться судебного дела в Новотуринске и трахнул трубку на аппарат. С такой силой, что из своей половины дома примчалась старшая сестра Галлина: ей показалось, будто выбили стекло.

Но и этот шумный разговор, и другие дела отвлекли Михаила ненадолго. Точнее, совсем не отвлекли, потому что, чем бы он ни занимался, с кем бы

ни говорил, стучала в глубине сознания мысль: «Егор... Егор... Егор...»

Субботу Михаил провел дома, а в воскресенье пошел в приемник, хотя дежурства у него не было.

В приемнике стояла тишь да гладь: малышня увели на прогулку, старших — на экскурсию в музей природы. Дежурила воспитательница Агафья Антоновна, которую и сотрудники, и ребята звали Агашей (не в упор, конечно, а за глаза). Была она добрейшая женщина и страдала лишь двумя недостатками: излишним любопытством и способностью открыто пускать слезы, когда из приемника увозили в детдома оставшихся без родителей малышей. Впрочем, и то и другое ей прощали...

Агаша дала Михаилу несколько писем, и он сел с ними в дежурке. В эту минуту заглянул сюда Старик — начальник детского приемника-распределителя подполковник Рыкалов. Несмотря на выходной, он оказался на службе. Михаил встал.

— Здравствуйте, Иннокентий Львович.

Глядя мимо Михаила, Старик сообщил:

— Товарищ старший сержант, от воспитателя Ситниковой поступил устный рапорт, что вы на той неделе после отбоя в спальне старших воспитанников не требовали от них спать, а рассказывали какую-то историю.

Михаил, нарушив субординацию, сказал, что шла бы она, воспитательница Ситникова, куда подальше. Например, венками торговать на рынке. Разве лучше будет, если пацаны станут бузить в темноте или играть при фонариках самодельными картами?

— Так-то оно так, — уныло произнес Иннокентий Львович, — но режим есть режим, и я обещал объявить вам замечание.

— Есть получить замечание... Только можно завтра?

— Что завтра? — слегка опешил товарищ подполковник.

— Замечание завтра. Нынче я здесь все равно неофициально. А завтра можно сразу выговор, заодно уж. Потому что вечером я буду рассказывать ребятам «Трудно быть богом», роман братьев Стругацких. Давно обещал.

— Каким еще богом? Это что, религиозная пропаганда?

— Да что вы! Совсем наоборот, атеистическая.

— Ну, завтра так завтра, — неожиданно согласился Иннокентий Львович. — Слышь, а чего ты двое суток в командировке болтался? За сутки можно было сделать все в лучшем виде...

Михаил хотел доложить о бюрократах от педагогики, но опять колыхнулось под сердцем: «Егор...» И он сумрачно сказал:

— Можете считать, что застрял по личному делу.

Старик покачал головой и пошел к двери, сутулясь и поглаживая аккуратную, словно уставом подтвержденную лысину. На пороге вдруг оглянулся:

— Тезку своего, Мишку Узелка, помнишь? Опять привезли, слинял из детдома, чертенок. Все равно, говорит, к отцу убегу...

— А знает, где отец-то?

— Знает. Говорит: пусть. Буду, говорит, с ним в бараке на стройке...

Михаил взялся за письма.

...Боже мой, как же изголодались эти неприкаянные, ошетиненные, никому не верящие Узелки, Мартышонки, Колянчики, Петьки Подсолнухи, Кочаны,

Томки-растратчицы, если после одного разговора в казенной спальне или гулком ночном вагоне пишут и пишут хмурому парню в милицейском затертом пиджаке. Тому, кого, казалось бы, ненавидеть должны. Конвоиру...

«Я же ничего им такого не говорил. Я же в себете разобратся не могу...»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич. С приветом к Вам Зойка. Помните? Я теперь в спецучилище в далеком сибирском городе Коржанске. Училище хорошее, я получаю специальность, а с учебой пока средне, но тоже ничего. Помните тогда наш разговор в вагоне, он мне задал в душу, особенно про то, что нельзя делать свое счастье на чужом горе. Я теперь часто про это думаю, и как мама тогда все переживала. И как Вы сказали, что если человек хоть немножко еще человек, то все еще может быть хорошее. Я спросила, а как я буду жить, если буду все время думать, что так сильно виновата, а Вы сказали...»

«Что я ей тогда сказал? То, что когда-то говорил мне Юрка?..»

«Здравствуйте, дядя Миша! Когда меня привезли в спецшколу, то не сразу поставили в отряд, а через две недели, и тогда пошел мой срок. Но потом случилось одно дело, и я попал в больницу, состояние было тяжелое, даже маму вызывали, но теперь уже нормально. Я маме говорил про вас, а она говорит, что если бы я повстречался с вами раньше, то было бы все на свете лучше. Но я думаю, что все равно хорошо, что повстречался, и если вы в нашем городе будете, приходите ко мне в спецшколу, ладно? Дядя Миша, я еще хочу спросить: как вы думаете, будет атомная война или нет? Больше писать пока нечего. До свиданья. Женька».

«Не будет войны, Женька. Наверно, все-таки не будет... Но и покоя не будет еще очень долго...»

«Здравствуй, Михаил! У меня теперь другой адрес, после училища я работаю в СМУ-14 и живу в общежитии. Здоровье теперь самое то. А как твой позвоночник? И сделали ли операцию отцу?.. Михаил, все теперь у меня нормально, но надо посоветоваться об одном деле. Можно, я как-нибудь приеду?..»

«Здравствуйте, Михаил Юрьевич! Поздравляем вас со скоро наступающим праздником Октября. Это пишут Юрка Зайцев и Серега Бабилов, который Самовар. Нас, после как вы поговорили с начальством, определили в одну группу, спасибо Вам за это...»

А это еще что такое? Надо же, из университета! Они что, домашнего адреса не знают?

«Уважаемый Михаил Юрьевич! Я надеюсь, что Вы не оставили намерение восстановиться на четвертом курсе со второго семестра этого учебного года. Буду рад помочь Вам и прошу в связи с этим зайти в деканат филологического факультета в удобное для Вас время, но желательно до праздника.

Проректор по заочному обучению,
профессор В. С. Платонов».

Увы, придется, видимо, огорчить милейшего Валентина Степановича: насчет зимнего семестра и восстановления вообще пока ничего не ясно. Программы по литературе и педагогике, которые три с половиной года прилежно штудировал сержант-заочник, не дали ответа на главный вопрос: как сделать, чтобы не нужны стали детприемники и должность эвакуатора.

Не волнуйся, дорогой, тебя попрут с этой долж-

ности гораздо раньше, чем ее упразднят. Старик-то тебя терпит, а зам по воспитательной части товарищ майор Курляндцев давно уже зубы точит. Анархист, мол. Поменьше бы, говорит, статейки писал да в душах копался, побольше бы думал о плановых мероприятиях и отчетности... А вытурить тебя, Мишенька, из органов — раз плюнуть. После первой же медкомиссии. И куда пойдешь (хотя и сочинял в уме рапорты)? Думаешь, в редакции или в школе нужны недоучившиеся филологи? И думаешь, они хоть кому то нужны?.. А доучившиеся?..

Ох, насколько же проще было в ВДВ. В той самой армии, которой почему-то так боятся многие нынешние мальчишки. Ясно было, отточено, честно и прочно. Несмотря на то, что до конца так и не избавился от страха, который останавливал дыхание перед каждым прыжком. Да наплевать на этот страх! Прыгал-то не меньше и не хуже других. И никто не виноват, что в том последнем прыжке захлестнуло стопы...

— ...Миша! Ты слышишь?

— А?.. Что, Агафья Антоновна?

— Мальчик тебя спрашивает. Там, у входа...

— Какой мальчик? Разве уже вернулись?

— Да не наш! — Агаша даже посапывала от любопытства. — Станный такой, приличный по внешности. Сперва адрес твой домашний просил, а я говорю: «Да он сам здесь». А он и говорит: «Скажите старшему сержанту Гаймуратову, что его ищет брат...»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Александр
ШАЛОБАЕВ

Александр
ДРАТ

НА ПОСТУ

Чтоб мать не кричала по мне,
Отец не давился рыданиями,
Я каждую ночью, в уме,
Молился творцу мироздания.

И чтоб не расплакалась ты
У камня с портретом эмалевым,
У каждой упавшей звезды
Я жизнь на коленях вымаливал.

По телу металась душа,
И крест возникал перекрестьем,
Я слушал до боли в ушах
Гуденье горящих созвездий
И чей-то неслышимый шаг.

И вечности черной река
Скрывала окрестные горы,
И крепче сжимала рука
АКБ, и я лязгал затвором.

ЗЕМЛЯНКА БОЕВОГО ОХРАНЕНИЯ

Огонь печурки дремлет и во сне
Расписывает глиняные стены,
И мы сидим и просто ждем замены,
На нашу крышу спать ложится снег.

Сверчок подхватит тихий разговор.
И тлеет чуть беседа о «гражданке»,
А за стеной, в промерзшем чреве танка,
Гудит ночного виденья прибор.

Дым сигарет, в два яруса кровать,
У входа — наготове — автоматы...
Не спят, вздыхают «дэмбеля»-ребята,
И дома все не спит, вздыхает мать.

Первый снег. Совсем как на Урале.
Ночь светла и воздух свеж и чист.
Склон горы — бумаги белый лист,
Напишу на нем мои печали.

Через месяц мне домой, послушай,
Через месяц будет Новый год.
Только б не разбился самолет,
Не упал на скалы Гиндукуша.

Только месяц, но уже невмочь,
Не заснуть, завела ностальгия...
Вспомню дом, отца и мать, Россию,
Вспомню лето, и костер, и ночь.

БОЕВОЕ ДЕЖУРСТВО

В домах уснут доверчиво огни.
Но есть у службы прочная основа:
Ни праздники, ни выходные дни
Дежурства не отменяют боевого.
Такая нам судьба дана с тобой,
Чтоб жить, за все на свете беспокоясь.
Тревога сердцу вверена, как боль,
Бессонница дарована, как совесть.
Нельзя иначе — так уж повелось,
Дежурство нашим кровным делом стало!
Пронизаны мгновения насквозь
Тревожным ожиданием сигнала.
Пульсирует, как сердце, тишина.
Плывет рассвет, в густом тумане вязнет.
Нам дорог мир. Не наша в том вина,
Что луч развертки ни на миг не гаснет.

Машины возвращались к нам...
И мне потом — не без причины —
Нередко снились по ночам
Их рваные борта и шины,
От пуль душманских снайперов
Все в дырках стекла лобовые...
В парк возвращались из боев
Машины — в прошлом строзовые...
На них смотрели в тишине
Солдаты нашей автороты.
И слов не требовалось мне
Для воспитательной работы...

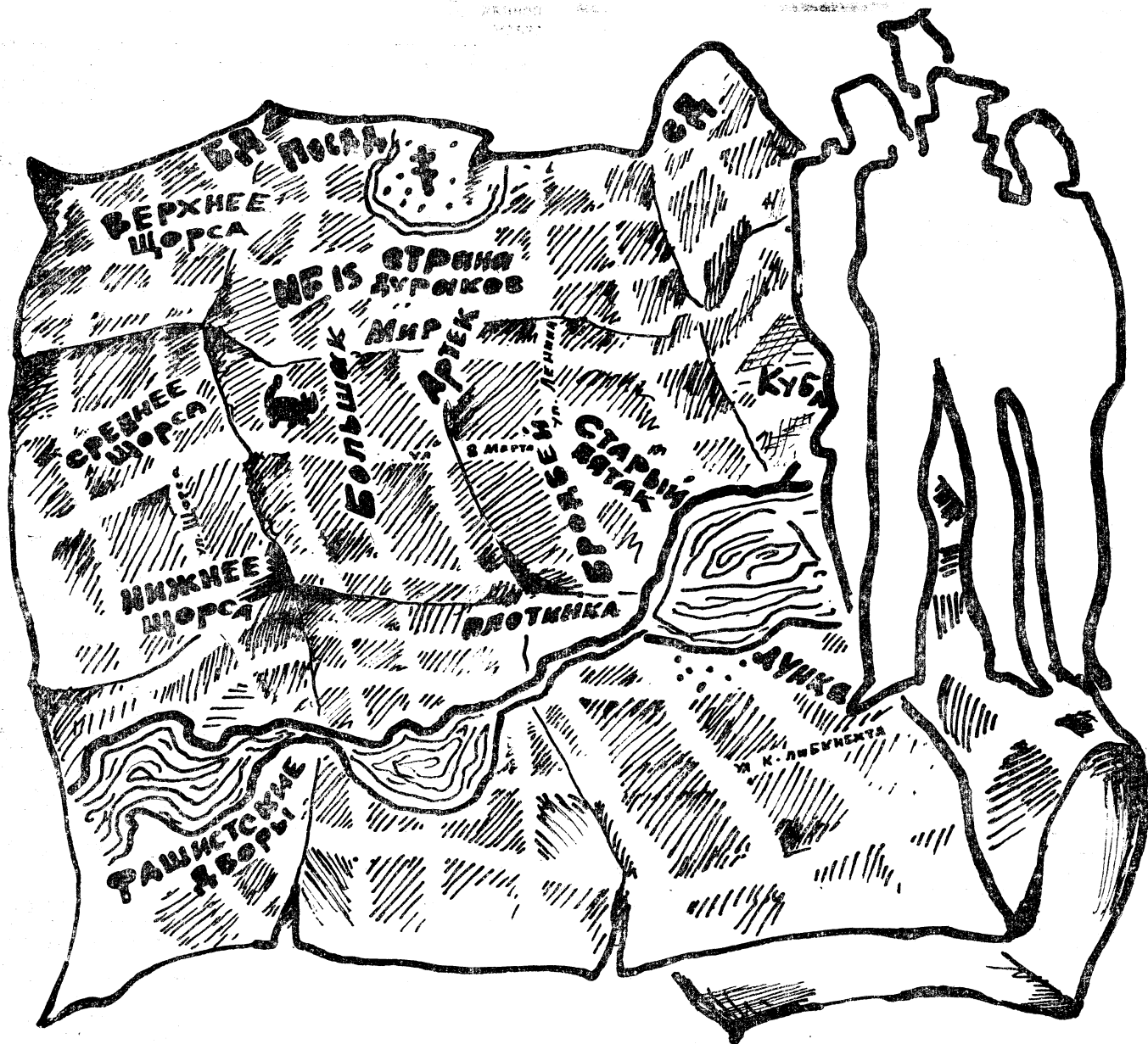
В ПОЛЕ

Походный быт наш строг и прост:
Палатки, чуткие дозоры...
Над полигоном — рассыпь звезд,
По сторонам — леса и горы.
Так тихо — кажется подчас,
Услышать можно: звезды тают
И росами в рассветный час
Неспешно в травы выпадают...
Но ощущение, что покой
Не может этот вечно длиться,
Живет в душе...

Махни рукой —
И тишина вспорхнет, как птица.

ЛЕСНИК

Журчал скороговоркою родник.
Изба дымком окуривала небо...
Он был походж на лешего, лесник,
Что путь мне указал и дал мне хлеба.
И мне еще подумалось о нем,
И в памяти таким он и остался,
Что в суетливом мире городском
Он бы, сробев, в два счета потерялся.
А здесь в глухой обители лесной,
Когда махнул рукой и канул в небось,
Он был своим: кустом или сосной...
Здесь я, должно быть, выглядел нелепым.

Это карта Свердловска. Не пытайтесь сравнить ее с теми, что можно получить в экскурсионном бюро — общего мало! Создана карта на основе того, как видят родной город 14—18-летние... «Лунка» — участок улицы Луначарского, он известен тем, что пересчитывать мелочь в вечернее время здесь небезопасно. «Старый пятак» — площадь 1905 года... «Татар-двор», «Куба», «Артек» — эти названия из подростковой топографии значат для подростка гораздо больше, чем истинные наименования улиц и площадей.

А твой город, поселок — он тоже имеет два лица? Готов ли ты нарисовать карту своего местожительства, попутно придумав топографические знаки «опасность», «места тусовок», «здесь «снимают деньги» и т. п.? И предложить нашему «Диалог-клубу» ознакомительный маршрут. По самому интересному — пройдем. Что увидим — расскажем.

Рис. Виктора Махотина

А НАВСТРЕЧУ— 206-Я...

**ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ «ДИАЛОГ-КЛУБА»
ПОСВЯЩАЕТСЯ 206-Й СТАТЬЕ УК РСФСР.
ВЕДЕТ ЕГО ДЕСЯТИКЛАССНИК
ИЛЬЯ ПЛЯМОВАТЫЙ.**

Илья: Поговорим о хулиганстве... Не будем претендовать на анализ корней этого явления, давайте конкретнее и утилитарней: опишем для себя социально опасные в этом отношении группы. Короче говоря, дадим светским своеобразный путеводитель «Куда не надо свертывать. В каких местах нужно быть начеку».

Но сначала я представлю участников разговора. По «солнышку»: Юлия Аблынина, член клуба самодеятельной песни. Два «металлиста» — Михаил Стуков и Андрей Белякин. Слесарь Игорь Миндолин. Семиклассники Сергей (Александрович) Оносов и Сергей (Анатольевич) Заев. Нина Зотова, пионервожатая из пос. Баранчинский Свердловской области. Молодой журналист Сергей Молодцов. Безработный педагог Михаил Черниковский (захочет, сам расскажет, почему безработный). Анатолий Яковлевич Минин, доцент Свердловского факультета Московского филиала юридического заочного обучения при Академии МВД СССР, подполковник милиции. И... Простите, представьтесь сами...

Человек в черной маске: Ни к чему. Мое инкогнито меня бережет! Вы решили назвать места, где требуется сверхосторожность, — я начинаю список: редакции, всякие «Диалог-клубы». Выданная здесь информация может обернуться вам боком, пусть и не по воле гостеприимных хозяев.

Илья: Будем надеяться на лучшее... Кто начнет разговор?

Сергей (Александрович): Начеку нужно быть везде и в любое время суток. Шел я сюда, в редакцию, а на скамейке возле вон того дома два парня сидят. У одного — бутылка водки. Попросили денег.

Илья: Ты благополучно увернулся?

Сергей (Александрович): Да. Сказал, что денег нет.

Илья: Анатолий Яковлевич, а можно формулировочку статьи?

А. Я. Минин: Хочу предупредить, что сейчас идет работа над новым вариантом Уголовного кодекса. Но пока будем ориентироваться на то, что есть. Во-первых, различим проступок и преступление. Проступок отличается от преступления степенью тяжести и карается в соответствии с Кодексом об административных проступках. Преступление характеризуется большей степенью общественной опасности.

Уголовно наказуемое хулиганство — действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. Это посягательство на личность, при котором потерпевшим наносятся оскорбления, побои. Злостное хулиганство — те же действия, отличающиеся цинизмом или особой дерзостью. По этой части статьи ответственность наступает с четырнадцати лет (по первой части — с шестнадцати). Злостное хулиганство наказывается лишением свободы сроком от одного года до пяти лет.

Те же действия с применением огнестрельного и холодного оружия — ножи, нунчаки, велосипедные цепи, что там еще у подростков в ходу?.. — ведут к наказанию по части третьей. «Оруженосцев» наша законность может уединить на срок от трех до семи лет.

Миша-«металлист» (снимает с себя массивную цепь): Это является холодным оружием? Почему нас дружина раздевает? Сняли цепь, браслеты...

Илья: Так, начинается реклама «металлических» принадлежностей...

Миша-«металлист»: Мы за свои поступки отвечаем! У нас при «металл»-клубе есть служба безопасности. Внут-

ренняя. Для чистки. Пьяных, например, к себе не допускаем.

Андрей-«металлист»: Нас семьдесят человек в клубе. Если не будет провокаций, никто из наших драться не будет. Если кого-то ударили — тогда могут цепь взять. Как у любого парня, сработает инстинкт! А нас заведомо считают хулиганями!

Миша-«металлист». На концерте «Мастера» все пихались, милиция — в том числе. А все свалили на нас. Как нас на концерт пропускали?.. За «побрякушки»! Сними браслет, отдай постовому — проходи. Мы сначала существовали при Октябрьском райкоме комсомола. Но они нас невзлюбили, предъявили обвинение: мол, на том злополучном концерте нарушили общественный порядок — танцевали...

А. Я. Минин: Вы, вероятно, впереди прыгали — другим не видно.

Миша-«металлист»: Один наш живет рядом с опорным пунктом. Его каждый день за что-нибудь ловят. То за прическу, то за костюм... Развлекаются!

А. Я. Минин: А вот это нарушение со стороны милиции. Самодеятельность. В наше время так же ловили стюла, стригли волосы. Эти действия нигде не регламентированы, поэтому есть накладки. Что касается ваших атрибутов... Вот Андрей об инстинкте сказал... Вас толкают — вы обороняетесь. А для кого-то инстинкт самообороны начинает срабатывать, когда видят ваш наряд. Он упоминает те времена, когда дрались цепями.

Миша-«металлист»: Помню, в деревне в велоцепь вставляли перочинные лезвия...

Илья: У меня тоже цепь есть. На всякий случай.

Миша-«металлист»: Вот он опасен. С цепью, а не «металлист». Значит, хулиган.

Сергей (Анатольевич): По отношению к неформалам вырабатываются какие-то инструкции? Может, подтолкнуть к этому, избежать всяких недоразумений, как с нашими «металлистами» произошло?

А. Я. Минин: Мы сейчас стали пользоваться информацией о неформалах. Вот я принес кое-что по Польше, недавнее поступление из отдела научно-технической информации. Обобщаем зарубежный опыт, потому что наши подработки в основном идут по их следам. Нас неформалы интересуют с точки зрения общественного порядка. И хотя из 30000 неформальных объединений, действующих в нашей стране, социальную опасность представляют лишь 60, работы нам неформалы все же задают.

Миша-«металлист»: Не мы же?

А. Я. Минин: В 1982 году из парка культуры и отдыха им. Маяковского вышла группа подростков, как потом оказалось — во главе с уголовником. Они начали кричать: «Зиг хайль!». По пути следования разбили урны, скамейки. Белой краской рисовали свастику. В денежном отношении урон был нанесен не очень существенный, но в моральном... Этим ребят судили за хулиганство. Дали им по максимуму. Почему? Когда запросили с места учебные характеристики, оказалось, у многих из них «в активе» уже были проступки.

Миша-«металлист»: Расстреливать таких надо! Я был на «коричневых» дискотеках в ДК им. Свердлова. Видел, как фашиствующие панки выстраивались в шеренги, тянули вверх руки... Слышал, что кричали. Это было давно, в том же 1982 году. Потом наши культуристы их быстро «прищучили».

А. Я. Минин: О «металлистах». Тут сложно всё. Если что-то не будет совпадать с вашими представлениями о справедливости — не обессудьте... Ведь вы тоже можете двинуться вперед разными путями. Мы уже ссылались на опыт Польши. Так вот он показывает, что там на любой вызов «металлические» ребята реагируют бурно и незамедлительно. Способны чрезвычайно быстро собираться в группы из 400—500 человек (например, в восьмидесячной толпе они сумели объединиться в течение 4—5 минут). В драке пользуются разбитыми бутылками, досками, камнями и другими предметами. Кроме того, именно из «металлистов» выделились в Польше «приверженцы Сатаны»,

главная заповедь которых: «Следует творить зло, так как оно правит миром и всегда побеждает». Простите за предположение, но если из вас кто-то займет эту философскую, мировоззренческую позицию (а «хэви метал» в общем-то к ней подталкивает, хотя бы тем же обожествлением, если можно так сказать, Сатаны), то в этом случае мы с вами уже по разные стороны баррикады, а может, и решетки. Ведь аналогия с Западом прослеживается же? Или у вас социалистический клуб «металлистов»?

Миша-«металлист»: Не феодальный же...

Илья: Давайте короче... По городу можно спокойно ходить?

Миша-«металлист»: Вчера я видел, как один товарищ пролетел сквозь застекленную телефонную будку. Его самолюбием интересоваться не стал — вдруг и меня проделали бы.

Андрей-«металлист»: Многие занимаются культуризмом. За это денег не платят, а времени уходит много, поэтому деньги культуристы «снимают». Сигаретой их не угостишь — могут поцарапать. По любому поводу демонстрируют силу. Сила их капитал, и они, естественно, ищут повод пустить этот капитал в оборот. Поэтому впереди, товарищ председатель, в свой путеводитель подвальные помещения, украшенные фотографиями сверхсилачей. Там, где сила накачивается бездумно, она так же бездумно пускается в ход.

Юля: Мой брат-четвероклассник без всяких путеводителей знает уже, куда можно на велосипеде заезжать, а куда не стоит — велосипед отберут. Он живет на границе двух районов — «ЮС» («юные садисты») и «Техас», а на границе всегда опаснее.

Игорь: Я жил в «Татар-дворе». Раз в месяц были стычки с Шинным, с Самолетной, с «Нижним Шорса».

Илья: Нужно признать, что сейчас война районов ослабла. Основные зачинщики или в армии, или сидят, а те, кому сейчас 16—17 лет, в этих стычках находят меньше удовольствия, чем их предшественники, но уж если сойдутся, то и четвероклассника не пощадят.

Миша-«металлист»: Кулачки — от того, что людям не во что верить. Напились — и в бой! Поэтому призываю всех: записывайтесь в клубы по интересам, и драк не будет, точно говорю...

А. Я. Минин: Ты прав, 70 процентов всех преступлений совершаются в пьяном состоянии.

С. Молодцов: Путеводитель предполагает подробное знакомство с аборигенами. Вношу в него несколько типов. «Хулиганы на выезде». Те, кто специально выезжают на природу, в пионерлагеря, чтобы позабавиться. Где скопление народа, там и они, их группировочки. Куражатся, отбирают деньги, вывав предварительно себе слабака.

М. Черниховский: Выезд может состояться и на трамвае, в местах же скопления. В Свердловске это ВИЗ-пляж, кинотеатры. У этих товарищей есть отработанные формулировки, типа: «Деньги, семечки, значки!».

Игорь: Меня так на восемь рублей ограбили.

М. Черниховский: ...а в Ленинграде я слышал формулировку: «Куни кирпич за три рубля!».

С. Молодцов: Среди «выездных» хулиганов потенциально опаснее те, кто ниже по уровню достатка. Им родители на кино не могут дать трояк.

Миша-«металлист»: Почему на кино? На пиво.

Илья: Сейчас опаснее дети обеспеченных родителей.

М. Черниховский: Опасны люди с комплексами. Лидеры хулиганских компаний — те личности, как правило, яркие, о них особый разговор. А вот ведомые...

Мне понравилось, как этих прихлебателей, «шестерок», определил Михаил Анчаров в своей книге «Этот синий апрель...». Правда, его размышления относятся ко временам первого НЭПа: «Считают, блатные опаснее хулиганов. Это все же ошибка. Конечно, человеку, которого ударили финкой, безразлично, кто это сделал — хулиган или уголовник, но для общества в целом это не вовсе безразлично. В те годы блатными становились с отчаяния, а хулиганами с жиру. В блатные или деклассированные, а хулиганы прятались за спину класса. Потому что блатной — это человек, не на-

шедший применения, а хулиган — это бездарность, желающая стать нормой. Потому что тогда за блатными стояла социальная трагедия, а за хулиганами — чувство неполноценности».

Нынешние хулиганы в полной мере обладают этим «чувством неполноценности». И в стан сбиваются лишь потому, что там атмосфера позволяет освободиться от комплексов. Но я бы не рискнул сказать, что за нынешними хулиганами не стоит социальной трагедии. Стоит она! И заключается в состоянии школьной системы, которая неожиданно для всех оказалась сориентирована на сколачивание комплексов («Не вылазь, не высовывайся, будь как все», — твердят школьные учителя). Говорю это как недавний педагог, которого наша наробразовская система пережевать не сумела, но с великим удовольствием выплюнула.

Впрочем, раскрепоститься помогают не только хулиганские тусовки, но и здоровые неформальные объединения, куда Миша-«мегаллист» нас уже призывал и куда устремилась ребята, заботящиеся о сохранении в себе Личности.

Нина: Комплексы — это раз! А второе, что «воспитывает» школа — это жестокость в отношении к младшим ребятам. Старшаки, которые не умеют проявить себя среди ровесников, давят на малышей. В моей сельской школе, где, казалось бы, должен сохраниться уклад большой крестьянской семьи, в отношении к малышам существует «разумный террор», как называют его старшеклассники. Толчки, пинки — в порядке вещей. А это, в свою очередь, воспитывает комплексы в младших ребятах. И озлобление. Таким образом готовится пополнение и в лидеры хулиганских компаний, и в ведомые.

И еще. Не согласна с Молодцовым, что в хулиганы «записываются» из необеспеченных семей...

С. Молодцов: ...Я говорил о конкретных группах возле кинотеатров. У них нет денег, и они из зависти, обиды агрессивны к тем, кто может взять трояк у родителей.

Нина: Мне точнее кажутся причины, определенные Черниховским. А уж там бедный, богатый — не важно. Не важно даже — мальчик или девочка. Когда я училась в школе, на педсовет очень часто вызывали и девочек. К ним было две претензии. Вольное обращение с мальчиками — сами понимаете, о чем... И вольное обращение с малышами. Тут все проще и не на уровне секса, а на уровне силы, не умеющей приложить себя. Те же толчки, пинки, нецензурная брань.

А. Я. Минин: Нецензурная брань в общественных местах — это хулиганство.

Нина: Я знаю. Я не мирилась. Могла дать и по губам за это.

Миша-«металлист» (притворно): Да ты что? Нужно убеждать. Убеждать, убеждать, убеждать... Я только так и действую. Если, к примеру, в нашем клубе появляется пьяный, я к нему подхожу и убеждаю: «Еще раз здесь появись — получишь в торец!».

М. Черниховский: Это хорошо, попытаться вывить все виды опасности. Но давайте признаем, что для ребят помладше опасность представляют в основном лишь территориальные группировки да люди вокруг бутылки. Не много? Но по частотности это сверхмного.

Мне уже больше двадцати пяти, но не далее как в субботу слышу из подворотни: «Эй, очкарик, иди сюда, мы тебя бить будем!». Подошел. Припомнил некоторые навыки, использовал преимущества своей комплекции, но все равно одно стекло в очках потом пришлось вставлять. Некоторые в этих ситуациях берут силой психической. Вон Молодцов обычно начинает читать лекции по этике...

С. Молодцов: Нужны навыки психологической самооборон.

А. Я. Минин: Особенно навыки самообороны нужны тем группам, которые подвержены витимности — повышенной опасности. Такими группами являются инкассаторы, например, престарелые люди... И в том числе — подростки. Вокруг их возрастных особенностей — незрелости, физического несовершенства — часто, как мошки возле огня, вьются взрослые преступники, превращая их то в жертвы своих

преступлений, то в сообщников. Я вот подумал сейчас, что подростковые группы в силу этого подвержены даже двойной витимности.

М. Черниковский (медленно осознавая): Так, так... Двойная витимность — быть втянутым в хулиганку и пострадать от хулиганки... Тогда вот что нужно отметить: такую категорию, как отдельные пенсионеры, пенсионеры-провокаторы. Подростки и люди преклонного возраста — две группы, которые в основном занимаются ничегонеделаньем, и конфликты между ними неизбежны. Мои воспитанники взялись оборудовать себе подвал, а пенсионеры затеяли с ними тяжбу, потому что магнитофоны, цепочки действуют на них, как красная тряпка на быка. Во всех подростках эти товарищи видят врагов. Ребята терпели, потом пошли бить стекла в квартирах обидчиков... 206-я гуляет!

А. Я. Минин: Почему подростки не обращаются в таких случаях в милицию?

М. Черниковский: Трудно доказать свою правоту. Пенсионеру быстрее поверят, чем школьнику...

Илья: Будем закруглыться?

Человек в черной маске: Позвольте мне пару слов... Разговор, собственно, только начался.

Однажды в детстве я пошел купаться в «лягушатник». Есть такая лужа в парке на бывших Московских торфяниках. И подходит ко мне цыганенок. Начал запугивать, кулаками перед носом машет. Кричит что-то. Обрабатал меня таким образом, потом велел мне карманы вывернуть, взял всю мелочь. С руки снял металлический браслет, которым я очень дорожил. Самое обидное, пацаненок этот был года на три младше меня. Но я срефил. И не потому, что он сильнее меня и физически, и психологически. Меня испугало другое. На лужайке у «лягушатника» палились кони, а в кустах сидели взрослые — бородатые мужики — и весело пересмеивались, глядя на своего отпрыска.

Вы, конечно, можете и этот тип внести в ваш путеводитель, но совсем не к тому веду речь. Мы часто боимся дать отпор хулиганству лишь потому, что за ним стоит сила, гораздо большая той, что стоит за нами.

Вот все промолчали о главном жуделе на улицах города, в коридорах училищ и техникумов, школ. А сталкивались с этим жуделом, уверен, не раз: «космическая мафия». Те организованные преступники, которые, по слухам, собираются при ресторане «Космос». Там и карты, там и рэкет, там и проституция, там и порновидео. Подростки, правда, сталкиваются не с этими заправилками преступного мира. Они имеют дело с их подручными, с «шестерками». Это «шестерка» может предложить тебе сыграть в школьном саду в картишки. И не подумаешь, глядя на него, что перед тобой обычный шулер. Но когда останешься в проигрыше, поймешь, что тебя обложили рублей на триста. А еще поймешь, что шулер не обычный, а из «Космоса», хотя в низком ранге. Поймешь по тому, каким образом он начнет выколачивать из тебя деньги: тебе будут звонить разные люди, угрожать, раза два встретят на улице, раза два пробьют голову. Словом, по коготкам узнаешь льва. Эти же «шестерки» поддерживают печально известный праздник — «День фазана». Скажете, и про этот день не слышали? Не поверю. Не верю, что никто не видел, как в день получения стипендии вокруг техникумов и училищ вьются гонцы, поджидая первокурсников, — и плач стипендия! Эти же «шестерки» могут предложить на ночь девочку, а утром эта девочка хриплым голоском заявит: «Что-то мне нездоровится. Уж не сифилисом ли ты меня заразил? Конечно, заразил, придется платить за лечение!». И уже по знакомому сценарию начнется стрясание денег. Я знаю одного паренька, которого таким образом довели до самоубийства. Но большинство все же расплачивается деньгами, а не жизнью: воруют, грабят в свою очередь, стрясают с малышей, чтобы вернуть долг и впредь «шестерок» обходить стороной.

А. Я. Минин: «Хороший» выход! А еще лучше — обратиться все-таки в милицию.

Илья: Один товарищ недавно так и сделал. Рассказал, на какой «стрелке» с него будут стрясать долг. Милицией-

ские «коробки» вовремя прибыли туда, красиво завывая сиренами, но застали лишь нашего бедного заявителя с проломленным черепом. А чаще всего на уровне рядовых сотрудников милиции слышишь: «Мелочевка! Нам и других дел хватает!».

А. Я. Минин: Милиция сейчас обязана принимать любое заявление. Я не отрицаю, что среди милиционеров есть перерожденцы, люди, сросшиеся с преступным миром. Но не кажется ли тебе, что «космическая мафия» может оказаться тем сказочным драконом, про которого все говорят, именем которого злодеи вершат несправедливость, но которого просто не существует? Не подростковый ли это фольклор? Как страшные истории в более раннем возрасте...

Илья: А вы бы проверили! Это не так сложно сделать. Послушайте при случае разговор двух незнакомых «крутых» подростков, встретившихся на улице. Они начнут запугивать друг друга именами своих взрослых покровителей и будут перебирать фамилии до тех пор, пока не дойдут до самой вершины преступной пирамиды. Подростки зубрят эти фамилии в целях самообороны, как тут говорили ли — психологической. А милиция вовсе их не слышала? Если окажется, что «космическая мафия» — блеф, почему бы органам не дать через печать опровержение? Тогда я буду знать, что передо мной не мафиози, а нечто, неприятное само по себе.

М. Черниковский: Мне кажется, подростки знают о преступниках гораздо больше, чем взрослые. Но почему-то здесь молчали...

Илья: Мы начали разговор со статьи 206-й... И она, несмотря на отступления, шел вокруг хулиганства. А если обозначить все опасности, которым подвержен современный подросток, нам бы и недели не хватило на обсуждение. Преступники ведь тоже перестраиваются. Появились платные службы по «разборкам». Платишь от десяти до пятидесяти рублей — и твой противник в лучшем случае ходит с синяками...

Нина: Совершенно необозначенными остались все сексуальные правонарушения. Одинокая девушка на улице — довольно яркая мишень для определенного типа мужчин.

Илья: И не только девушка. Парень тоже...

А. Я. Минин: Вы правы, обозначать опасность лишь «хулиганкой» было бы довольно просто. А зачастую при рассмотрении дела даже по признакам 206-й статьи вдруг происходит перекалфикация. Хулиган куражился над подростком. Ударил его. С головы потерпевшего слетела шапка. Хулиган вернулся, подобрал ее. Его действия будут квалифицироваться уже 145-й статьей — грабеж.

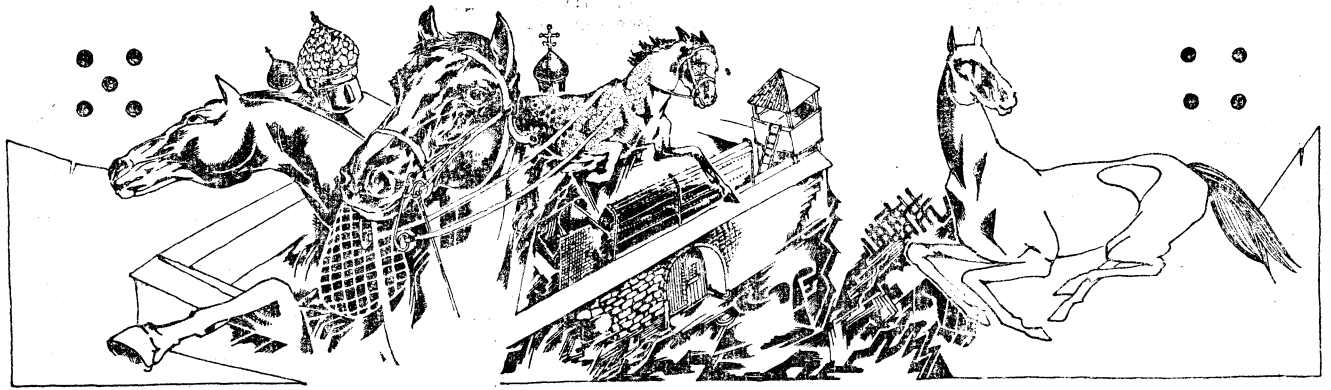
Насколько я понимаю, смысл сегодняшнего разговора состоял не только в знакомстве с правовыми основами. Хотя и это важно: каждый должен знать, что отобрать у малыша десять копеек — значит вступить в конфликт с законом. Смысл в другом. Каждый из вас хочет ходить по родному городу, не шараясь от кустов, из которых в любой миг может выбраться 206-я, а за ней и другие — 145-я, 117-я, 112-я... И вы совершенно справедливо ждете результативности работы от органов МВД. Но вы можете им помочь. Существует латентная, то есть скрытая преступность. Как ее выявить? Мы сейчас практикуем опросы общественного мнения, примерно в том виде, как проходит у нас «Диалог-клуб». Это позволяет изучать быстрые изменения в преступном мире и реагировать на них.

Илья: А результаты таких опросов неплохо бы доводить до самой общественности. Чтобы она знала, что играть в карты в школьном саду — занятие далеко не безопасное.

Заседание закончено. Остается обратиться к читателям-ровесникам. Наш «путеводитель» остался недописанным. Ждем ваших страничек в него. Самое важное опубликуем.

Диалог записал
Юрий ШИНКARENКО

ДИАЛОГ-КЛУБ

БЕЛЫЕ, РЫЖИЕ, ВОРОНЫЕ

Сергей НОХРИН

Рис. Сергея Копылова.

ДИАЛОГ-КЛУБ

Перед самым барьером конь замедляет ход, как бы сбиваясь с ноги, а потом плывет над мокрыми сосновыми жердинами. Будет плавный толчок, а потом ветер в лицо, белые и розовые полоски клевера, летящего навстречу... Но конь дальше не движется, зависнув над жердями, он начинает раскачиваться вперед-назад. Уже и не конь это, а лошадка-качалка из далекого детства.

Уже который раз Санькин сон обрывается на этом самом месте.

Колючее одеяло сползло, будь оно проклято! Самое противное — проснуться вот так, до общего подъема, лежать и думать. Уже год как Санька в тюрьме, ко всему вроде привык, но вот эти утренние часы — самое паршивое, что придумать можно.

Колония, конечно, не тюрьма, но это — детали. А по сути, что же это такое?

Выходит все равно тюрьма. Воры здесь сидят. Он, Санька, тоже вор. А «вор-р должен сидеть в тюрьме» Так говорил Высоцкий в кино.

Попробовать еще раз представить конягу, как шевелит она мохнатой ноздрей, как подергиваются огромные мышцы под блестящей рыжей замшей. Не получается: больше года Санька не видел лошадей, забыл.

Где бы на территории колонии ты ни находился, отовсюду видны тяжелые серые купола старого Собора. Как бы растолкав кирпичные низкорослые здания цехов, блеклые жилые помещения, асфальтовые дорожки, пробился он из самых недр земли, этот средневековый звездолет, и готов в любую минуту взлететь, вырваться из железного кушака колючей проволоки по забору, крепко перехватившего этот участок земли.

Много на своем веку повидал Собор. Раньше в его стенах располагался мужской монастырь, а теперь серые монашеские сутаны сменили коричневые робы и кирзачи колонистов. Грустно и смешно смотреть ему сверху на колонны бритых голов, горлающих бодрые строевые песни. Вот уж действительно, «где раньше стол был яств...». «Хотя, — думает Собор, — как не крути, а единственный путь к истине как лежал, так и лежит через отречение от благ земных».

Думал Собор еще вот над чем: с какой стати некоторые ушастые безбожники срисовывают его во всем его величии себе на хиленькие телеса? Срисовывают жестоко: иглами и тушью, на всю жизнь.

Санька до Собора еще не добрался, татуировка у него более чем скромная. На правой руке — пять точек, как на

кубике для игры в кости, четыре точки — квадратом — и одна в центре. Четыре вышки, которые охраняют его несвободу, а посередке — он сам.

В то лето лошадиный бум у ревдинских пацанов подпрыгнул до высот невероятных. До краж. Крали совхозных и частных, крали в самой Ревде и на Ледянке, воровали марининских лошадей, аж до Бардыма докатывалось.

Не нужны, конечно, никому эти лошади были, ведь кормить нужно, ухаживать, но прокатиться, гаргануть перед девчатами — это пожалуйста, с глубоким удовольствием. Находились сволочи — загоняли: навика-то нет, мало кто может определить точно, что устало животное. Случалось, находили люди в лесу разбухшие, покусанные мелким зверьем трупы лошадей, которых уж совсем крайние подонки привязывали к деревьям. Злость на конокрадов росла.

Суд дал им по два года с отсрочкой исполнения приговора. Дальше Санькина жизнь должна была проходить «на цыпочках», тихо-тихо. Примерное поведение в школе, обязательные приходы в инспекцию по делам несовершеннолетних для отметки, что вот он — ты, не ходишь-колеснишь, а живешь вполне нормально, правильно живешь. Не выдержал Санька этого. Получил срок. На этот раз настоящий — три года: два — за старое, год — за то, что увел молодого рыжего жеребца. Да как же его не увести-то было? Такой сказочный конь!

Парни резались в карты, найдя себе приют под мрачными гулкими сводами Собора. Мастер в цехе не хватился их как минимум часа два: они «пошли» за тяжелой балкой, которая зачем-то вдруг понадобилась. Такое «вольное» время выпадает редко и провести его надо с наибольшей пользой. Конечно, это — «свара», пусть без банка, пусть замусоленными донельзя самодельными картами, но главное — то, что они сейчас одни, без присмотра, сами по себе.

Могли ли пацаны подозревать, что Собор слышит каждое их слово, каждый приглушенный звук, усиленный стоком сводами, которые специально так и построены много лет назад.

А Собор слушал, радуясь голосам, говорящим пусть даже незнакомые ему вещи.

— Ты с ума сошла, коза — бьешь десяткою туза!
— Буби козыри у нас?

— Буби были в прошлый раз.

Картежные рассказы перебивались другими фразами.

— А мастак у нас вроде ничего, хоть и квасит. Не злобный мужик.

— Ха, скажешь, Студень, ничего. Что надо мужик! Ты лапы его видел? Во! Возьмется — удавит. Факт! Но справедливый!

— В мотиках сечет, вообще во всем сечет, что бы в руки не попало.

— Ты, Фугас, лучше в карты смотри. Мотолобитель! Небось как четыре года припаяли, так на мотоциклы глядеть не можешь?

— Почему? Еще как могу. Эх, откинуться бы скорее, да за руль!

— Снова сядешь.

— Нет, свой куплю. Законно.

— Мужики, вот одного не пойму, на кой черт всякие отсрочки и условные... Садил бы сразу.

— Точно. Не выдержать. Когда первый раз судили, всё, думал, завяжу. Потом в школе училка заладила — ты вор, все равно по тебе решетка плачет. А потом кто-то магнитофон в пионерской приборал. Все, даже корешки первые в классе, на меня подумали. Ну, я со зла «перышком» все барабаны и «пописал».

— Хо-хо, так ты по «мокрому» шел, а я думал — вор!

Господи! — взмолился старый Собор. — Как все это похоже на игру! Почти на такую же игру, что сейчас ведут его гости. В бумажных королей и витязей, прекрасных дам и могучих тузов. Слышал он от кого-то, что дальше, на севере, есть такие места, где отбывают свой срок великие грешники. Взрослые люди. Стерегут их с оружием и собаками. Эти же ребята лишь играют в те далекие места, им нравится так играть, они принимают условия игры, которые им диктуют взрослые. Диктует закон.

За что их лишают самого дорогого, что есть у человека — свободы? За украденные велосипеды, мотоциклы, магнитофоны, лошадей? Время украдено у него, у Собора, его статный облик, что должно ему иметь, обшарпались стены, лохмотьями свисает штукатурка, но никогда, ни в один из его куполов не приходила мысль наказать людей за это. Чего он хочет, так это воскрешения лица своего первозданного, возмещения того, что отнято у него, всего лишь труда и внимания. Да неужели потерпевшие, у которых украдено, получают удовлетворение от того, что их обидчики попадают сюда? Из четырехсот бритых голов, а их Собор пересчитывал, от нечего делать, каждый день, лишь десяток-другой находится тут за иные грехи, нежели воровство. Почти все они попадают сюда после не очень понятных для Собора условных судимостей и судимостей с отсрочкой. Сроки большие: три-четыре года. Самых благодатных, сочных года жизни человеческой...

Как же их все-таки загигать? Полозья-то. Глянешь, вроде вещь нехитрая. Веками мужики гнули. А поди ж ты сам попробуй, сделай. Замаяешься не умеючи.

Добрая штука — сани. Но чтобы сани по всем статьям сани были, то и готовить их надо, согласно пословице, летом. Вот и думает, ломает голову Роман Александрович Гизитдинов, мастер производственного обучения 72-го Ревдинского ГПТУ, как же их все-таки загигать, полозья-то? Училище выпускает строителей, а вовсе не народных мастеров-умельцев. Хотя почему строитель не должен быть умельцем-мастером на все руки?

Но не только полозья беспокоят Гизитдинова. Скажи ему пару лет назад кто-нибудь, что он любит лошадей, — рассмеялся бы, не поверил. А на деле выходит — любит. Понял это совсем недавно, когда вся секция, которой он руководит, ходила в конно-спортивный поход на Бардым. Тогда, в лесу, он лежал у костра, смотрел на алые язычки пламени, слушал занятные разговоры ребятнишек, а там, дальше, шагах в двадцати от костровища стояли лошади. Огромные чудные животные. И вот что подумал тогда мастер: он пошел в этот поход старшим, а значит — ребята находятся под его опекой и защитой. Но вот какая стран-

ная штука получилась — не чувствовал он себя старшим. Все они — 22 парня и он сам — находились той ночью под покровительственными глазами лошадей, огромными добрыми глазами, в глубине которых тепло и далеко мигал костер.

В прошлом году, примерно в то же время, когда Саньку увезла из Ревды машина с решеткой, ребята из училища пришли с делом к директору:

— Хотим взять в совхозе лошадей. Сами будем ходить за ними, ну и все такое...

Лошадей дали с условием подготовить для них место: перестроить под конюшню старый сарай. Вот тогда-то и взялся за дело Гизитдинов. Организовал ребят, нашел стройматериалы, и вкалывали они с утра до ночи больше недели. Работали до ломоты в плечах. Осилили. Строители как-никак.

Запахло живым в стойлах: конским потом и навозом; зашлепали мягкие черные губы лошадей — ожила конюшня.

Тогда на Бардыме, прислушиваясь к разговорам ребят, воспоминаниям о том, кого из лошадей и когда крали, а было и такое, о том, как катали малышей у Дворца культуры под Новый год, о том, кто, как и когда падал с высоких конских спин, Гизитдинов подумал: что же для ребят важнее — кататься или ухаживать за животными? Когда обустроились, стали подходить люди: из школ, просто так, с улицы. Возьмите к себе! Лошадей — двенадцать, желающих — море.

Как-то в училище раздался телефонный звонок. Говорил директор совхоза. Новость: по району резко снизилось конокрадство. Директор предлагал Гизитдинову взять весь табун.

Вот и думает сейчас Роман Александрович над тем, брать или нет. Хлопот прибавится, конечно, шестьдесят — не двенадцать. Ребят к этому делу больше потянется — тоже ясно, но нужно столько всего, чтобы поставить дело на широкую ногу: седла, сбруи... Где деньги, кто поможет? Комсомол? Даже не поинтересуется, как идут дела. Галочки в отчетах ставят небось, невесело думает Гизитдинов. А еще думает — возьмем! Все равно возьмем. Вот только бы узнать, как же они все-таки загибаются, полозья-то?

Санька натягивает одеяло на голову. Знобит что-то. Вчера приезжал прокурор, привез два письма. От мамы и из школы. Сегодня нужно писать ответы, обещал зайти и забрать. Чего писать? Маме — понятно: жив, здоров, не волнуется; а этим олухам? Саньке вдруг страшно становится, ведь класса-то своего он никогда не увидит. Закончит школу класс без него, как раз — два года. Что он будет делать, когда выйдет отсюда, кем работать, с кем дружить? Там совсем другая жизнь. Саньке очень хочется жить там, но он боится.

Эх! Перед тем как выйти, попросит он Тощего собор заделать. На груди. Чтобы век помнить все это.

Перед самым барьером конь замедляет ход, как бы сбиваясь с ноги, а потом плывет над мокрыми сосновыми жердинами. Плавный толчок, и вот рыжий идет во весь опор по лугу, забирая к большаку. Ветер выбивает слезы из глаз и хочется кричать.

Но что такое? Конь резко меняет направление и к лесу идет. Куда? Стоять! Не хватает силы в руках. Проклятье! Почему такие слабые руки? У мастака они здоровые, величиной с голову, все туго перевязаны узлами синих вен. У отца тоже такие руки были. Они-то уж смогли бы остановить!

Лес стремительно растет, обещая добрую березовую баню. Нужно попробовать осадить еще, главное — не выпустить уздечку из рук. Они совсем окаменели, как чужие стали; гладкие с редкими рыжими волосками, а на правой — синяя метка: пять точек, как на кубике для игры в кости. Четыре квадратом — и одна посередине.

«ХЭВИ МЕТАЛ»: СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ

«СЕРДИТЫЕ» ПИСЬМА БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Мы уже цитировали это письмо, вспомним его еще раз: «Если вы и дальше будете в том же духе отзываться о «металле», я всех своих друзей подговорю не подписываться на ваш журналешко... «Металлисты» — народ нервный, могут сделать больно». То, что нервный, мы поняли по тону письма; а вот то, что наш брат, уральцы, еще и робкий народ — это в дикивину: ни адреса, ни подписи в письме, только штемпель Нижнего Тагила... Хотим вам ответить, земляки: не умеете вы постоять за себя! Такую возможность упустили — высказаться в защиту «металла» тиражом почти в пятьсот тысяч...

Что толку ругаться и грозить? Надо уметь аргументировать и вести спор. А какой аргумент содержит, например, это письмо: «...Молчите, раз не доросли до величия ритма и шороха «металла»! Сидите себе тихо, прошлый век, ум у вас еще незрелый!». Подписано: «Алка, от первой буквы «Мейден», имя не настоящее». Ладно, Алка, когда вспомнишь свое настоящее имя — давай познакомимся, все-таки в одном городе живем.

Письмо от Славика Ш., тоже свердловчанина, заканчивается так: «Помалкивайте в тряпочку. С огромным презрением...» — он, Славик. Мы вынуждены ответить Славвику прямо через журнал, поскольку адрес он тоже забыл указать: «Дорогой Слава! Спасибо, что ты высказал свое мнение. Жаль только, что тон твоего письма невежлив. И обрати внимание: на полстранички у тебя одиннадцать ошибок. С уважением, «Следопыт».

...Нет, ребята, так не пойдет. Если вы не научитесь убеждать, приводить доводы — никто вас не поймет и никому ничего вы не докажете. В общем, кончайте писать «разбойничьи» письма. Во-первых, ваш «тяжелый металл» никто не отменял; во-вторых, разбираться надо вместе — по-умному и спокойно. Об одном и том же можно говорить по-разному.

Мы исходим из того, что музыка вечна, и разговор о ней тоже вечный, и говорить о музыке имеет право каждый. Когда, например, Ю. Бессонов из Куйбышева пишет: «Я очень люблю рок, но в вашем журнале не нахожу для себя подходящего материала», мы воспринимаем это как серьезное мнение и критику, к которой, конечно, прислушаемся. Но... не сразу младенец диплом получил — погодите, дайте и нам «образоваться», с вашей же, читательской, помощью.

Авторам всех «сердитых» — не «разбойничьих»! — писем мы очень благодарны. Многие письма убедительны, над многими хочется поразмышлять, просто поделиться мыслями с читателями.

Но сначала — сами письма.

«Молодое поколение слушает рок, если хотите — воспитывается на роке, и никакими силами ему не привить интерес к классике. Ведь до классики надо дорасти, ее нужно понять, осмыслить. В роке этого не требуется. Сергей Островерхов, Красноярск».

«Не все «металлические» группы поют только о кровавых и дьяволах. Есть ансамбли, основывающиеся на «демонизме», но есть и другие, — которые участвуют в движении борьбы за мир. М. Л., Верхняя Салда».

«Наконец-то разговор о роке проник на страницы вашего читаемого журнала — я это приветствую, хотя начать разговор нужно было лет десять назад. Лично я поклонник «хэви метала». Но не отношусь к фанатам: не увешиваюсь килограммами браслетов и километрами

цепей. Зачем носить на себе весь этот металл, я не понимаю и не пойму. Если человек любит «металл» по настоящему, он не будет афишировать это; а показным «вторсырьевицам» слушать что хард, что диско — одно и то же. Неоднократно видел, как крутые донельзя ребята выплясывали под «Модерн Токинг». Ничего худого, но я бы предпочел быть последовательным до конца. О самой музыке: согласен, не всё можно принимать безоговорочно — это раз; нужна информация обо всем, что происходит в музыке, — это два. И еще: не употребляйте большие выражение «рок-музыка». Рок он и есть рок, а музыка — все остальное. Андрей Воробьев, Новокузнецк».

Просьба понятна, Андрей, мы ее учтем. Но довод нам кажется, повергнет в изумление многих: а что же тогда — рок?! Позвольте, мы процитируем: «...Когда в начале 60-х годов на эстраду пришел стиль рок-музыки с его обостренным, прихотливым ритмом, специфическим звукоизвлечением, броским сценическим поведением актеров, многие не приняли его, потому что слово «рок» (в русском понятии «злая судьба») настроивало на что-то ужасное... Потом разобрались. Оказывается, музыка в этом стиле может быть и ритмичная, и мелодичная и может сливаться с симфонической (симфо-рок, классик-рок) и с народной мелодией (фольк-рок, кантри-рок), украшаться восточным орнаментом (реггей, рага-рок) и наполняться как бы отголосками космических катаклизмов (хэви, хард-рок)...»*

Ясно, что народная песня и космическая фантазия — понятия не одного порядка, но выходы рока во многие музыкальные сферы говорят сами за себя. То, что его границы сейчас размыты и очень много взаимопроникновения в манерах групп, — тоже не отнимает права у рока быть целым направлением в музыке. Если вспомнить «Битлз», у которых были и «е-е», и симфоническое сопровождение, то они в общем-то тоже на «мешанине» воспитывались и росли, утверждались как уникальный ансамбль.

Так что этот довод нужно поставить под сомнение. Хотя еще есть письма с таким же мнением:

«Р. Блэкмор на вопрос, как он относится к музыке «металлистов», сказал: «Очень прости. Разве это музыка?». И я с ним полностью согласна. Одним из основных критериев является индивидуальность, а в нашем «хэви метале» во многом господствуют западные штампы — индивидуальности мало. Мария Левина, Москва».

«Многие наши рок-группы во всем подражают западным «звездам», и в первую очередь поведением на сцене и непременными душераздирающими воплями. Неужели так лучше передается содержание? Что-то я в этом сомневаюсь. Если в песне содержания нет, то хоть весь изойдись в крике — он криком и останется. Анна Т., Алту-ровск».

ЧТО «КУЕТ» «МЕТАЛЛ»?

О содержании стоит поговорить особо.

«Чего только не начитаешься сейчас о «хэви метале»... Из информации медиков и социологов следует, что все «металлисты» — психопаты и скоро озолют, в пору «караул» кричать... Один из композиторов договорился до того, что роком должно переболеть в 13—15 лет, как свинкой в детстве; причем о своей музыке этот композитор

* Л. Леонов, сб-к «Камennyй пояс», 1986, Челябинск.

тор почему-то не говорит, что ~~ее~~ положено слушать от 20 до 30 или от 30 до 40 лет... Позвольте, мне 21 год, я учусь на 4-м курсе горно-металлургического института, уже полтора года как «металлист» — и не чувствую никаких отклонений: не олох, не кидаюсь на людей... Может быть, не надо быть такими категоричными? Вот говорят: рок не формирует активной жизненной позиции. Но ведь стоит хотя бы послушать «Владимирскую Русь» или «Встань! Страх преодолеть!» — и станет ясно, что это далеко не так. Александр Баталов, Магнитогорск.

«Не буду отрицать: в «хэви металле», как и в любом другом стиле, есть много хлама. Но не замечать позитивных его сторон — подход необъективный. Музыканты во весь голос говорят об угрозе, которая нависла над миром, и «хэви метал» — самый подходящий стиль для выражения гнева, озлобленности, протеста. Ни диско, ни реггей для этого не годятся... М. Орлов, рабочий. Пермь».

Почти об этом же, но по-другому говорит Константин Кинчев, лидер мятежной «Алисы»: «Молодость — время, когда особенно остро чувствуется фальшь, ложь. Мы не принимаем их ни под каким видом. Это и есть рок».

«Как форма общения, рок имеет свои преимущества. Например, слова, сказанные любимой рок-группой, намного быстрее достигнут сознания молодежи, чем те же слова в виде наставнического вразумления. Достигается это, во-первых, благодаря взволнованности, сильному эмоциональному подъему. Во-вторых, за счет идоломании... Хотя благодаря именно этим факторам голос рока может оказаться не только пиццей для ума, но и вторым средством. Известные факты массовой истерии. Такие проявления вредны. Но факт остается фактом: рок — мощное средство социально-психологического влияния на молодежную среду. Валерий Гончаров, Бердянск».

«Я, честно говоря, был удивлен, что вы хвалите наши рок-группы. Игра наших «рок-групп» (я не зря беру их в кавычки) — это настоящее издевательство над музыкой. Взять, к примеру, «Черный кофе» — что в ней может привлекать? То, что она беспрестанно снимается на телевидении?.. Я думаю, что среди «металлистов» 70 процентов ничего не воображают в «металле», а просто хотят выделиться среди своих друзей. У каждого свои вкусы, но разве не доказывает бездарность исполнителей то, что они добиваются славы, кривляясь, как попугай, на сцене?! Олег, Тюмень».

«По-моему, не надо делать из мухи слона, говоря о том, что «хэви метал» побуждает все крушить, убивать, что он настраивает на антисоветский лад. Неужели вы думаете, что все мы не имеем каких-либо моральных устоев?.. Владимир Сергеев, Иркутск».

«Каждый слушает, что ему нравится; одевает, что он хочет. Почему принципились к «металлистам»? Почему бы не покритиковать так называемую рок-группу «Браво»? Если критиковать — то всех помаленьку... В. Мисюров, А. Дерягин, А. Лазуков, В. Дружинин и еще 23 «металлиста», Дегтярск».

«Я считаю, что критиковать надо творчество определенных композиторов и исполнителей, а не весь стиль. Андрей Селин, Пермь».

«Много еще у нас тех, кто выдает дешевые поделки за настоящую рок-музыку. Не из-за этого ли создается впечатление, что вся наша эстрада является «насаждением бескультурья и дурного вкуса»? Игорь Александров, Архангельск».

«Уверен, что многие из нас не переформируют своего мнения под влиянием критики. Ведь критик, в сущности, такой же человек, ему может нравится что-то и, наоборот, не нравится... Его мнение всегда будет лишь мнением одного человека. Что касается не самых лучших сторон творчества некоторых авторов и исполнителей, то нельзя только на этом основании обвинять целый жанр в страшных грехах. Геннадий Селезнев, Донецк».

«Человек говорит: «Хорошая музыка — это та, которая мне нравится». Это субъективное понятие. А быть хорошим — понятие есть и объективное, оно отражает такое влияние музыки, которое усталаливается в интерес-

сах общества. Интересы общества же связаны не с тем, как сильно или слабо влияет музыка (это форма), а с тем, какое содержание она вносит, какой смысл начинает формироваться в подсознании после прослушивания... Д. Каменщик, Москва».

Нам кажется, читатели сами подметили и плюсы, и минусы рок-музыки, и в том числе «хэви метала». Известно сравнение, которое хорошо характеризует манеру этого стиля: если опера — флегматик (спорно, но в сравнении допустимо), если эстрада — сангвиник, то рок, особенно «тяжелый металл», — холерик. Что касается сути крайнего рока, то есть «хэви метала», то сейчас об этом говорят однозначно: оппозиция всему застойному, плеснелово привычному... Суть — социальная критика. Способы выражения и метод тоже особенные: аллегория, ассоциация, условность, экспрессивно короткая строка, очень часто наивность и примитив (не всегда недостаток — сравните с художниками)... Рок ищет свою дорогу.

...Но как же быстро меняется мода: вот уже и «Браво» прогоняется за кулисы, и на «Черный кофе» полно нападков со стороны «металлистов»! Все-таки в фанатизме, как пишут многие читатели, действительно есть обидная ограниченность.

Нельзя ли как-нибудь усвоить, что «хэви метал» — всего лишь один из стилей рока? Самый дерзкий, самый прямолинейный, самый популярный на сегодняшний день, но всего лишь — только один из стилей... И вот из-за этой самой ограниченности видения максимализм и агрессивность «Алисы» не вызывает нареканий, потому что он «соответствует», а все другие группы — побоку... Но ведь право творить имеют все рок-группы!.. И «Черный обелиск» с его жестким, грубым «блэк хэви», и «Тяжелый день», который склоняется к более мелодичному и светлому «уайт хэви», и тяготеющий к фольклору «Калинов мост» из Новосибирска, и ленинградская, уникальная по синтезу стилей «Популярная механика», и «Браво» с его ретро, и «Рок-сентябрь» с его манерой бардов, и не погнавшийся за агрессивностью «Форум», и пытающийся утвердить художественность «Николай Коперник», и «Флаг» с его патриотизмом, и «Кино» с его мини-рок-спектаклями... В этом-то и богатство рока — когда есть свое лицо, а не всеобщая пошлость.

МОРОЗОВ ПРОТИВ ТОМИТЫ

«Року не грозит упадок. У него много возможностей, которые еще надо открывать и использовать. Елена Посадова, Челябинск».

«Уже одно то, что о «металле» стали много говорить и писать, является хорошим признаком. Абсолютно не согласен с теми, кто упрекает «тяжелый металл» в пренебрежении к мелодии. Мелодия, быстрая и гремящая, всегда была на первом месте; если ее убрать — будет какофония, «блэк метал», то есть «черный», который играют очень немногие. Подавляющее же большинство придерживается другого стиля, где рокочущий и сверлящий скрежет гитар и гром ударных неожиданно сменяется тихой мелодией. Андрей Р., Москва».

«Сейчас пишут о кризисе в роке. Утверждают о похалтуре. Хотелось бы подробнее узнать обо всем этом; а также о том, в каких направлениях ищут наши ведущие музыканты. М. Мартыненко, Кокчетав».

Куда нас выведет рок?..

В Японии музыкант Томита выступает за целый оркестр — ему помогает электронно-вычислительная машина. Все инструменты, кроме барабана, в современных ансамблях молчат, пока не подключены к электророзеткам. Может быть, люди вообще скоро станут не нужны в музыке?

Между прочим, уже есть такие прогнозы. Человечество затоскует по живому, природному, сильному, красному голосу... Без микрофона, без магнитофонных дубликатов, тем более — без фонограмм, без этого суррогата, который не позволяет себе ни один уважающий себя ремесленник, у которого даже гончарные горшки не похо-

жи один на другой... А при фонограмме певцу достаточно только распылять рот: за него работают техника, акустика, видеоклипы... Талант подменяется техническими возможностями, идет обесценивание природного человеческого дара...

Может быть, прав композитор Александр Морозов, который считает, что в будущем именно сегодняшняя музыка пойдет навстречу классике, и снова возобладает духовность над ритмом, эстетика — над физиологией? Может быть, мы действительно «объелись» электронной музыкой и пора вводить гусли?.. Возвращаться к натуральным инструментам?.. Вызывать к жизни новые исполнительские силы?.. Вдруг «хард», «хэви» — это тот край, за которым потребуются диаметрально противоположное?!

Возьмите хотя бы одну деталь: тяжелый рок — это мода на мужские ансамбли?.. Нет ли в этом дискриминации и угрозы обеднить (без женских голосов) пение — все-таки пение в основе даже «хэви метала»?!

«А мы и рок повернем себе на пользу: все их кричалки, вопилки и трещалки...» — такая мысль прозвучала на одном из концертов ленинградского фольклорного ансамбля «Яблоко».

...Мы приведем здесь отрывок из статьи об «Ариэле» — автора, которого уже упоминали в сноске. Хотя «Ариэль» не имеет отношения к «хэви металлу», но и у «тяжелого рока» пути неисповедимы...

«Кто открывает новое явление, тот его и называет на своем языке. Во все языки вошло русское слово «спунтик». Русский язык спокойно принял «кредит», «гарантию» и другие иностранные новинки. Только вот «рок» многих продолжает смущать Рок-группа?.. Не годится. Назовем скромнее: вокально-инструментальный ансамбль (речь идет о «прежних» временах. — *Ред.*). На этот счет у конференсье «Ариэля» Владимира Царькова была забавная реплика. Он показывал на одну детальку: «По-английски она называется «вау-вау», по-французски — «уа-уа», по-японски — «гу-гу». А по-русски — важно и мудро: «педаль автоматическая ножная для гитары электрической ручной».

Смешно? Пожалуй. Но, увы, так бывает не всегда. И в истории «Ариэля» бывали минуты, когда смеяться не хотелось... Тем более что «Ариэль» никогда не открещивался от своих истоков. «Своим учителем считаю ансамбль «Битлз», — не раз заявлял Валерий Ярушин. — Мы многое взяли у него. Приверженность к крупной форме, манеру пения «белыми» голосами, то есть на открытом звуке, как, кстати, поют Уральский и Оренбургский народные хоры».

«Битлз» и Уральский народный хор... Такая параллель не случайна. «Битлз» первый из авангардистов обратился к народной музыке и попытался создать для нее современную форму. Об этом многие забывают. «Покуда «Битлз» не указал на первоисточник, американская белая молодежь вообще ничего не знала о нашем искусстве», — говорил негритянский музыкант М. Уотерс.

То, что «Битлз» обратился к народным песням, помогло коллективу удержаться на эстраде дольше других ансамблей. И в нашей стране рок-группы, опирающиеся на фольклор, оказались самыми жизнестойкими: белорусские «Песняры», узбекский «Ялла», русский «Ариэль» — которому, как писала газета ФРГ «Кельнше рундшау», «удалось слияние жесткого стиля рок с фольклором, чего не добились ни одна наша группа в этом направлении».

...Так что мы не знаем, куда нас выведут «хард» и «хэви». Может, будет прав японец Томита, а может, и Александр Морозов.

Как все современное, рок тоже вырос из древнего...

«Пройдя через джаз, бит и т. д., рок предстал в современном виде — так что с «пролетарским происхождением» у него все в порядке. У рока, конечно, заграничный паспорт, он не русский, но это не делает его опасным: будем использовать его мудро, в своих целях, мы уже разрешили ему постоянное проживание в СССР... Никто не мешает развивать русский рок по-русски, но

убирать, а добавлять, опираясь на наши национальные традиции... Д. Каменщик, Москва».

КАК СЛЫШИМОСТЬ?..

«Меня очень заинтересовала публикация раздела «Музыка и мы». С 15 лет я интересуюсь музыкой и во многом с вами не согласен. Я перевожу тексты песен и литературу по музыке. Вы, как и многие другие издания, критикуете западные рок-группы; но в своих песнях они рассказывают о пороках общества, о социальных проблемах. Вадим Гончаренко, Севастополь».

«Вы пишете, что некоторые западные группы — «Назарет», «Эй-Си Ди-Си», «Саксон» — отражают антикоммунистические настроения. Да, это так. Но ведь подростки «балдеют» от самой музыки, а не от текста песен, который они абсолютно не понимают... Брамс, 18 лет, Краснодар». (Если псевдоним придуман — то великолепно! — *Ред.*)

Но вот, стоп, позволите здесь возразить. «Балдеют» не от текста, а от музыки — это как?!.. Если какой-нибудь Жан в Париже или Джон в Лондоне «забалдеют» только от одного голоса Высоцкого, исключив все, что он вложил в песню — страсть, гнев, боль, иронию, то много ли он будет стоить?!.. И за что тогда его ценить Жану или Джону?!

Если слушают джаз или симфонию — слушают оркестр; а рок идет со словами — как же слышать одно и игнорировать другое? Как судить о нем как о явлении, когда мы знаем на примере отечественных групп, что каждая из них вкладывает свою программу, свое мировоззрение именно в песни, которые составляются из слов?

Мы бы согласились с другим: хочешь быть знатоком и ценителем — суди по целому и неделимому, изучай иностранный язык, знай, о чем поют твои кумиры, и потом оценивай. А то тебе напоят в уши, что ты дурак, а ты и будешь балдеть — лишь бы пальцы чертиком...

«Своими грязными статейками вы вывели меня основательно и надолго из себя. Если вам не нравится «хэви металл», молча переживайте за нашу «металлическую» музыку, жалейте нас за нашу музыкальную безграмотность. У каждого свой вкус и не пытайтесь повлиять на наше увлечение «хэви металом», подсовывая музыкальные подделки бардов и прочих. Миша П. (Майк), Ленинград».

...Ну вот, опять «разбойничье» письмо. А мы только хотели заключить рассуждениями о демократичности «тяжелого метала», о том, что всякий рок народен...

Но мы договорились: будут разные мнения. Так пусть они будут — разные и противоречивые.

«Пишет вам бывший «металлист». Когда я учился в 8-м классе, впервые услышал на дискотеке «металл». Познакомился с «металлистами» и стал во всем подражать им. Нас было человек двадцать. Шатались по городу, вызывая множество неодобрительных взглядов. Фанатов среди нас было мало, многие присоединились из любопытства и желания выделиться. Я был с «металлистами» тоже не по убеждению, а чтобы показать, что я не против рок-музыки».

Сейчас увлекаюсь «Битлз», «Эй-Си Ди-Си» и органной музыкой. Больше всего уважаю В. Высоцкого. Анатолий Машаров, Мурманск».

«Музыка для меня означает очень много. Разное в жизни бывало (много оперировали в институте Илизарова), — но всегда музыка поддерживала, помогала. Я не принадлежу к фанатам какого-либо стиля или группы. Постепенно пришел к выводу, что разная музыка нужна в разных ситуациях. Нельзя сравнивать «Пинк Флойд» с «Модерн Токин» или «Аквариум» с «Лотосом»... Что-то нужно слушать с особым вниманием, а что-то хорошо для отдыха или для танцев — что тоже немаловажно. Александр Аникин, Курган».

Полностью разделяю точку зрения последнего автора, мы завершаем сегодняшний разговор.

Обзор подготовила Н. Широкова

ДОЙТИ ДО ГОРИЗОНТА

Николай
КОНДРАТЕНКО

— Эмиль, а этот колодец обозначен на карте?

— Нет, наверное, недавно построен. Да и по времени рано, не пришли мы еще к сегодняшнему колодцу — солнце только приближается к зениту.

Все сняли рюкзаки, даже в войлочных шляпах сталеваров и белых рубашках жарко под июльским солнцем.

— Поддержаться за биопотенциометр, а термометры под язык! — напоминаю товарищам, как только отошли в неширокую тень единственно домика зимовья.

Немного странно все мы выглядим: усталые, обросшие бородами лица с термометрами во рту, прилипшие к спинам рубахи, на ногах поверх трико высокие брезентовые бахилы, обуты все в зимние войлочные ботинки...

Двое с брезентовым ведром полезли на высокую бетонную пирамиду, в какие обычно накачивают воду из колодца или скважины.

— Николай, этот бетонный ящик совсем сухой и в скважину ничем не залезть, — спокойно говорит Устименко.

— Ничего, у нас с собой достаточно воды, а часа за три дойдем к колодцу у края Таукумов, — за меня ответил Эмиль, обращаясь больше к новичкам.

Эмиль Балъ, Николай Устименко и Эрнст Миловидов имели уже серьезный опыт переходов в пустынях. Я вместе с ними в июле — августе 1984 года прошел рекордный маршрут через Каракумы, преодолев более 550 км, в наиболее трудных летних условиях.

Сейчас с нами проходили испытания пустыней новые члены экспедиции — Калыбек Кобландин и Анатолий Попов. Вторая группа из семи человек по условиям эксперимента эти первые дни должна была испытывать пассивную акклиматизацию к жару.

«Старая гвардия» вела себя, как обычно, а Калыбек и Анатолий тревожно переглянулись. Видимо, надеялись, что этот колодец будет как колодец с водой, а он оказался с сюрпризом. За день второй сюрприз.

Никто не знал, что неожиданности только начинаются.

Почему вдруг экспедиция идет днем? Еще в 1980 году мы удостоверились, что ходить в быстром темпе с нашими тяжелыми рюкзаками в пустыне летом, даже в 9—10 часов утра, — опасно, значит, и неразумно. Это было не только устоявшееся за пять летних сезонов мнение членов спортивно-научной экспедиции «Человек и пустыня». Такой же точки зрения придерживаются и ведущие ученые страны.

Как сказано в фильме о нашей экспедиции «720 тысяч шагов через Каракумы», каждый наш следующий шаг — это шаг в неизведанное.

Шагов таких сделано уже немало. Пройдено за пять лет 2000 км в этих негостеприимных местах. Дважды установлено высшее мировое достижение по дальности пеших переходов в пустыне летом. Как удалось выяснить, ни одна группа в мире не проходила в таких условиях более 400 км.

Вот после Каракумов и появилась впервые мысль: прежде чем пройти через Гоби, проверить возможность ежедневной работы по несколько часов под солнцем. Если мы преодолеем 250 км, двигаясь ежедневно с 3—4 часов ночи и до полудня, когда температура под солнцем более 50 °С, и если на будущий год пройдем благополучно по песчаной пустыне только днем, это позволит планировать длительный маршрут по Гоби преимущественно днем.

Пока дежурные разжигают костер из собранных возле домика обломков саксаула, дающего отличный жар (не зря его так любят шашлычники), ложусь немного поспать и мгновенно как проваливаюсь — скачивается навык саморегуляции.

А первый сюрприз у нас был позавчера, когда мы на автобусе не нашли исходной точки маршрута, поселок Аралкум. Здесь первая группа должна проверить эффективность активной акклиматизации. Но вместо отдыха перед стартом мы вынуждены идти в сторону от поселка, по незнакомой водителю дороге.

— Как же вы пойдете, если сейчас без воды? — волновался за нас Володя Крохмаль. Хороший спортсмен, он упорно готовился с нами последний год, но недавно получил травму колена. Сейчас мог только

проводить нас да сфотографировать на память.

— Эта проселочная дорога должна вывести к маленькому поселку и колодцу, — отвечаю ему, но сам понимаю, что при ошибке вычисления нашего места на карте группа сразу попадет в аварийную ситуацию. В рюкзаках разное походное и экспедиционное снаряжение, продукты, а воду планировали залить в кислотные подушки на старте. Но где он, старт?

— Давай делай прощальный снимок. Может, последний нас видишь в живых, — шутит Устименко.

Пустыни в стране занимают более 2 000 000 квадратных километров. Более двух третей территории Казахстана, Узбекской и Туркменской ССР — это пустыни и полупустыни. Почти все областные города здесь жмутся к руслам немногочисленных рек. Узкие зеленые ленты среди безбрежного океана выжженных песчаных волн или мелкопесчанника сменяются белыми пятнами солончаков или ровными, как стол, глиняными такырами. И это не бросовые земли. Если дать воду и приложить руки земледельцев, то возникнут сказочные по красоте оазисы с богатейшими полями и садами.

Но нелегко человеку в пустыне, даже если он приходит сюда с современной техникой и транспортом.

Теперь верблюда почти заменили автомашины, а лошадь — мотоциклы. Однако жизнь в пустыне изменилась мало. Как тысячелетие назад, солнце такое же жгучее, в редкой тени температура воздуха поднимается до 45—50 градусов, а песок прогревается еще больше. Значит, нужны знания, чтобы правильно организовать труд и отдых людей в экстремальных условиях.

При температуре 33 градуса у человека очень напряженно работает система терморегуляции, и без акклиматизации работоспособность снижается, здоровье подвергается риску. В то же время развитие общества требует освоения обширных и богатых территорий, где раньше изредка ступала лишь нога караванщика...

На маршруте мы второй день. Точно и довольно быстро вышли

к нескольким обитаемым домикам поселка Аралкум. Но разные заботы, особенно перекладка рюкзаков после заполнения емкостей водой и подгонка их веса каждому в соответствии с планом, отняли часть времени отдыха. На участок в 70 км до следующего колодца нужно два дня пути по песку. При движении до полудня расход воды будет больше, чем при оптимальном ночном режиме жизни.

Вес рюкзаков становится до 43 кг — так определили нашу «грузоподъемность» в Алма-Ате после функциональной пробы на велоэргометре. За первый день с большим грузом мы без всяких приключений прошли плановые 28 км. На следующий день с полегчавшими от выпитой воды рюкзаками надеялись выйти к колодцу. Конечно, удовольствия от перехода под жгучим дневным солнцем не было. Вскоре после исчезновения ветерка начали греться в самом прямом смысле. Температура тела под белой тонкой рубашкой у некоторых поднялась до 38 градусов — близко к пределу.

— Большой привал. Отдохнули под рюкзаками, теперь можно и поработать для науки...

— Холодильного квасу бы сейчас, — размышлял Анатолий.

— Ты лучше чаю выпей, у меня фляжка на солнце снова горячая, — посоветовал Эрнст.

— Кто не ставит тент — за сушняком! Анатолий, даже думать о холодном здесь не надо, только тяжелее будет, — приходится сразу реагировать на реплику товарища, пока не сделал ошибку похлеще.

В тени двойной крыши тента приятно пить горячий зеленый чай. Укладываемся головами к обоям выходам и в меру способностей дремлем или просто терпим до вечера. Из интереса в самое жаркое время, между 13 и 16 часами, несколько раз меряю свою температуру. Даже без движения, когда образуется много своего, так называемого эндогенного тепла, у меня держится не ниже 37°.

А лучшее время — это вечер после заката солнца. Тогда и голова свежее. Поэтому после ужина — побыстрее отбой.

Погода начала портиться, поэтому и решили подъем и выход сделать на час раньше. Берем НЗ воды на дополнительных три часа движения, лишнюю выливаем. Когда вышли, начали падать редкие крупные капли дождя. Днем порой бывает, что такой дождь и до земли не долетает. Усилился встречный теплый ветер.

Перед полуднем вышли к современной бетонной емкости для воды. У многих обе фляжки с чаем были пусты. Та скважина была вторым сюрпризом.

После привала с чаем идем даль-

ше. У развилки проселочных дорог, по которым ходить разумнее, чем напрямую, как и по тропам в горах, встречаем характерный знак, о котором говорили в Аралкуме.

15 часов. Колодца все нет. Местность из грядовой становится больше ячеистой. Проселок делает маленькие прыжки вверх-вниз или в стороны, «объезжая» более крутые склоны. Солнце раскаляет все вокруг, но ветер с севера относительно прохладный, и на гребнях гряд обдувает приятно.

Соблюдаем правильный режим питья для сохранения хорошей работоспособности — пьем чай каждый час. Если в самую жаркую погоду сидеть под тентом, то, по данным В. Г. Волсвича из книги «Человек в экстремальных условиях природной среды», достаточно менее 100 г воды. У нас при физической работе, движения с грузом на пульсе 110—120. В Каракумах утром и здесь днем расход воды более 200 г в час. Да еще этот теплый встречный ветер...

Когда после полудня воздух, как обычно, стал почти недвижим, у нас весь НЗ чая и воды закончился. Жара, духота. На пониженной скорости преодолеваем еще несколько гряд. Каждый с надеждой вглядывается вперед, к горизонту, но всюду простирается то же пекло.

— Когда же этот колодец? — вслух высказывает общую мысль Калыбек.

— Уже должны были выйти часа два назад, — отвечает Эмиль.

— Расстояние по карте уже прошли?

— По привязкам и по данным шагомеров от старта пройдено не меньше 75 километров.

Смотрю на лица товарищей — и без психофизиологических показателей заметно, что всем тяжело, а у неопытных видна и неуверенность.

17 часов. Шли, сколько могли, но горизонт везде ограничен песчаными грядами, с низкорослыми кустами кандыма и неказистыми, будто жарой скрюченными, стволками саксаула.

— Мужики, надо останавливаться здесь и отлеживаться. Пойдем дальше, когда наступит вечер, — говорю товарищам.

Все как выжатые, но ведут себя спокойно. Почему-то не хочется ставить тент, по двое укладываемся в жидкой тени кустиков, усилив ее наброшенной сверху одеждой. Эрнст вытаскивает из кармана пластмассовый флакончик граммов на 30.

— Еще есть немного воды, — шутит он, но все улыбаются и этой грустной шутке. У кого оставалась во фляжках вода, уже больше часа назад поделились со своими менее терпеливыми к жажде товарищами.

Легли. Пытаемся расслабиться и задремать. Удивительно, что даже

вездесущих мух нет. Часов в 12 исчезли цепочки трудяг-муравьев.

Состояние, похожее на обреченность.

Николай Смирнов, прервавший позднее тренировки с нами из-за окончания работы над диссертацией, после второго маршрута написал большое стихотворение. В нем есть такие строки:

*Лежу без сил распятым на спине,
Сухой песок набился в глотку мне,
Соленый пот струится по вискам,
Песчинки больно хлещут по щекам.
Уж тело пожелтело, словно воск,
А жажда будто иссушает мозг.
До скрежета сжимаю зубы
И в кровь закусываю губы.
Я ночи жду, как милости с небес,
Мне дела нет до этих всех чудес:
Вон за барханом озеро плывет
И синевую вод к себе зовет,
Там зеленую поросище поля,
Но в это все равно не верю я,
Пустыня избегается над нами,
Дрожь у горизонта миражами...*

Наконец — 18 часов. Жарко, губы сухие и будто склеившиеся. Почти полная тишина. Эрнст передоверил флакончик-брызгалку мне — все чуть-чуть сполоснули рот. И когда Калыбек взял его повторно, то возвратился флакончик пустым.

19 часов. Жара и духота. Сердце часто стучит.

20 часов, жара вроде и не думает спадать...

21 час. Оглядываюсь по сторонам. Настоящие мужчины, как их сейчас можно назвать, лежат. И хотя глаза под темными очками не видны — никто не спит, понемногу ворочаются и не треплют лишними эмоциями нервы другим. Нет, вставать еще рано...

Наконец-то вскоре после захода солнца подул ветерок. Он не освежал потные лица и разгоряченные тела, как обычно, — пота у нас уже не было. Вместо привычной команды «Под рюкзаки!» говорю: «Ну, мужики, надо немного поработать. Терпения у нас хватит».

Эмиль с Николаем снова становятся во главе двойной цепочки. Перед выходом на эти сверхплановые километры пытаемся поесть. Ничего без воды не получается. Пробуем в банках отверстия и пытаемся утолить жажду, но масло из рыбных не идет, а рассола от тушенки совсем мало. Приходится консервы выкинуть. Но без еды сил не прибавляется. Голодные, с пересохшими губами, мы пошли по грядово-ячеистой части пустыни с бесконечными небольшими подъемами и спусками.

Не прошли еще привычных 45—50 минут, как Николай сказал:

— Все. Устал. — И остановился.

Привал. Ноги как ватные. Опускаемся на свои брезентовые коврики. С трудом проглатываем сухим гор-лом конфету и пару долек кураги.

Обычные методы контроля состояния и перераспределения груза здесь не годятся. На глазок разгружаем Николая. Видно, что неважно себя чувствуют Анатолий и Калыбек.

Пошли. Минут через 20—30 снова вымотался Николай. Труднее всех приходится ему, самому молодому и худощавому из нас. В прошлом году очень неплохо прошел с нами рекордный маршрут через великие Каракумы, а сейчас даже с легким рюкзаком он идти не может, дважды падал без сил.

Мы с Эрнстом и Эмилем уговорили его идти дальше без рюкзака. Разрывать группу в таких ситуациях нельзя, рискованно и вдвоем оставаться — мол, если найдете колодец, то вернитесь за нами.

Рюкзак оставили на дороге: взять эти несколько килограммов было выше сил.

Вскоре совсем неожиданно вышли на песчаную гряду, за которой простиралась обширная пойменная долина реки Или.

Наконец вышли к колодцу. Что это за чудо — холодная вода! Едва успевали отстояться кружки с добавкой марганцовки, как мы пили и пили воду, хотя в ней явно было много соли.

После радостной встречи со второй подгруппой экспедиции и комплексной научной группой Казахского института физкультуры все было обследовано. Однако не было статистически достоверной разницы между показателями страдавшей от непереносимого вынужденного безделья второй группы под руководством В. Голикова и первой, не успевшей восстановиться за несколько часов от «слишком активной» акклиматизации. Подсчитали, что за вторые сутки мы прошли 50 км — новое сверхплановое наше достижение. Выручил необходимый для таких маршрутов полутонный запас прочности.

Так неожиданно трудно пришлось нам идти первую часть из запланированных 260 км. Но дальше, объединенной группой, было уже намного легче, хотя дважды еще попадали в критические ситуации с водой.

Первый сезон непосредственной подготовки к переходу в Гоби успешно закончили.

В июле 1982 года, чтобы доказать возможность длительного автономного, без помощи какого-либо транспорта, перехода подготовленных людей в пустыне, мы замахнулись на полный переход Кызылкумов. Одновременно это была комплексная проверка системы жизнеобеспечения. При оказавшейся ненадежной радиосвязи, даже продублированной, ставка участников эксперимента равнялась жизни, если бы в знаниях были просчеты.

Да, без знаний, грамотных действий там, где и радиоволны теря-

ются в песках, жизнь подобна пламени свечи при ветре. Мы знали, что в середине лета ни одна группа не пересекала всю пустыню. Честно говоря, мы не знали, что такое собирались мы совершить первыми в мире. Иначе не хватило бы смелости.

И сумели не только пройти Кызылкум «от воды до воды», точнее, от рисовых полей Сыр-Дарьи до поймы Аму-Дарьи, но и неожиданно для себя установили высшее мировое достижение. Неоценимую помощь покорителям пустыни оказали Географическое общество Казахстана, общество «Енбек». Мы всегда чувствовали поддержку со стороны ЦК ВЛКСМ, целого ряда консультантов и специалистов.

На маршрутах больше, чем пустыню, мы познавали себя, учились преодолению своих слабостей. И только взаимоотношения человека и пустыни производят естественный отбор — ей не все подходят.

Создание коллектива шло так. Организованные и упорные могли пройти испытательный срок и попасть в десятку сильнейших. Кроме двух сверхдальних, в обычный маршрут на 200—250 км обычно планировалось человек 10—12. Даже брали на каждый обычный переход-эксперимент минимум трех новичков.

Конечно, особенно ценен опыт старой гвардии экспедиции, или опытных пустынников, как нас часто называют. Известность коллективу, теперь уже можно говорить о международной известности, принесла электромонтажники Гельмут Гегеле, преподаватель Вадим Журавлев, механик Виктор Голиков, инженеры Эмиль Баль и Николай Устименко, а также врач из Подмосковья Эрнст Миловидов, военнослужащий из Челябинской области Владимир Климов, студент из Тарту Александр Борисов.

На смену ветеранам экспедиции могут встать Сергей Богданов, Анатолий Полик, Анатолий Попов, Досмахам Кушимов, Тынышкыптай Картабаев... Хотя все эти люди достаточно взрослые, диапазон возрастов в экспедиции от 17 до 46 лет, называю только имена, как принято у нас внутри коллектива.

— Вы думали, что делаете? Вы с Кондратенко могли погубить и себя, и других, — возмущался при встрече с Эмилем Балем известный специалист по жизнеобеспечению людей доктор медицинских наук В. Г. Волович.

Формально он был прав — у нас не было проверенной и описанной другими методики такого эксперимента, а новое всегда имеет риск. И одновременно он был не прав. Он исследования в пустыне проводил около 20 лет назад, когда знаний

по экологической физиологии было заметно меньше.

Знания и практический опыт, традиции экспедиции передаются, как эстафета. В сложившийся коллектив приходят ежегодно новые люди. И не о каждом можно сказать, что он пришел ко двору. Однако обновление состава сильной спортивной команды является неизбежным делом. Психологи считают оптимальным изменение процентов на 30 в год. Значит, не потерять традиции, не ухудшить деловой товарищеский климат — одна из задач экспедиции «Человек и пустыня».

В перспективном плане, составленном после победного финиша у Бахардена, записано следующее:

— на членах экспедиции выявить оптимальный вариант комплексной подготовки к специфическим условиям пустыни;

— провести экспериментальную проверку разных режимов работы, включая дневной вариант;

— продолжить изучение критериев отбора для эффективной физической работы (сложных маршрутов с дозированной интенсивностью) в пустыне летом;

— изучить динамику работоспособности на разных этапах подготовки и при прохождении маршрутов;

— продолжить апробацию тестов оценки состояния;

— совершенствовать защитное снаряжение, рационы питания и т. п.

Прежде скромная цель — пройти через сравнительно большую пустыню — отдалается, как горизонт. Для энтузиастов слились спорт и исследование, получился у нас сплав спорта и науки, спорт ради науки, ради людей.

НАД БЕЖИНЫМ ЛУГОМ

Виктор ШАВЫРИН

«Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной. Я быстро отдернул занесенную ногу и сквозь едва прозрачный сумрак ночи увидел далеко под собой огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом: стальные отблески воды, изредка и смутно мерца, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея от синеватой воздушной пухоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручею холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька...».

Знакомые с детства тургеневские «Записки охотника», едва ли не самый знаменитый рассказ писателя — «Бежин луг». Впрочем, во времена И. С. Тургенева «Записки охотника» называли очерками, таковыми их считал и сам автор.

Значит, они созданы на документальной основе? Да, и при жизни Тургенева это не вызвало сомнений у читателя. Афанасий Фет так заинтересовался характерами Хоря и Калиныча, что решил лично познакомиться с мужиками. И уже в 1862 году напечатал статью, в которой рассказывал о том, как охотился на тетеревов вместе с Хорем, жителем Калужской губернии, где (в современной деревне Хоревке Ульяновского района) и ныне живут потомки этого «мужика с характером Гете».

Память орловских, калужских, тульских крестьян сохранила имена и других знакомцев Тургенева, прототипов его героев: Афанасия Алифанова, выкупленного писателем у помещика и названного им в очерках Ермолаем; лесника Бирюка, который в конце концов был убит мужиками-порубщиками; дворянина Голофеева, изображенного под именем господина Полутыкина. Узнаются и деревни, в которых жили тургеневские персонажи. Что касается Бежина луга, то автор сам указал его точный адрес: «В Черном уезде, Тульской губернии».

И вот стою над крутым склоном и думаю: узнал бы я это знаменитое в литературе место, если бы, допустим, попал сюда случайно? Да, вероятно, узнал бы. Недаром, когда мы ехали из Черни в переполненном автобусе, сердце дрогнуло как раз в тот момент, когда внезапно открылась панорама луга.

— Он!

Широким полумесяцем лежала под обрывом пойма реки Снежеди, и над ней там и сям лениво кольхались под летним ветерком метелки конского щавеля. В дальнем углу луга, над Прощеным колодцем, скапливалась легкая сиреневая мгла, оттуда долетал нежный запах разогретых трав и свежего сена. А прямо под обрывом горел нежаркий костерок да пасты табунок рыжих лошадей, и это было словно повторением чуда, пережитого писателем в ту ночь, когда он, заплутав в полях и перелесках, вышел сюда, к откосу, а потом прилег у костра и всю ночь слушал разговоры деревенских мальчишек...

Нельзя не поверить, что все так и было, что разговоры в ночном записаны слово в слово. Убеждают в этом и де-

тальное описание заливного луга в полукольце противоположного, тоже высокого берега Снежеди, и та неподражаемая чистота и непосредственность детской души, что, как прекрасное прошлое, навсегда сохранена для нас в очерке. И недаром, видимо, автор уточнил, что один из мальчиков, Илюша, работал на бумажной фабрике, — то была фабрика брата писателя Николая Сергеевича, в конторе которой как раз и был написан «Бежин луг».

Кто знает, что за ребята сидели на этот раз у костра. Потомки тех, тургеневских? Может быть! Во всяком случае, армяки да шапки, налетые на них, не были театральным реквизитом. Старинную одежду современным школьникам удалось разыскать в сундуках местных жителей. И язык их был тот же самый — среднерусский, тургеневский. И место они выбрали то же самое — под кручею, в углу луга. И даже колхозные лошади, может быть, происходили от тех сивок и бурок, которых задолго до отмены крепостного права стерегли в ночном тургеневские герои.

Возвращение ушедшей эпохи было так реально, что я не хочу называть это событие театрализованным представлением. Нет, это была почти реальность. Только раз микрочеловек, замаскированный в дровишках у костра, нехотели захрипел и напомнил о том, что дело все же происходит не в Тульской губернии, а в Тульской области, не в Черном уезде, а в Черном районе, и что мальчики, говорящие о русалках и водяных вряд ли верят в этих обитателей своей родной речки Снежеди.

По чернской земле шел праздник «Тургеневское лето».

Но прежде чем рассказать о нем, я хочу вспомнить об одном из тех людей, кому чернская земля обязана своей традицией особой любви к И. С. Тургеневу. Об Анатолии Федоровиче Полякове.

В тот день, когда праздник должен был состояться впервые — а было это в 1983 году, — мы приехали в колхоз имени Тургенева спозаранок. На центральной усадьбе, у школы, понемногу собирались гости, приглашенные из Москвы, Тулы, Орла. Мемориальная доска, которую предстояло открыть, еще была покрыта полотном, под ней на столике стоял букет полевых цветов, а мы, ожидая начала торжеств, осматривали тургеневские места: остатки старого бора, церковь, контору бумажной фабрики, пришкольный сад, в котором похоронены солдаты Отечественной войны, — все, что звало обернуться назад, подумать о медленном течении лет, о неторопливой народной поступи сквозь мглу эпох к этому прозрачному утру, пышному сенокосу, ребятам в белых рубашках и алых галстуках.

Мы знали, конечно, что родина Тургенева — село Спасское-Лутовиново на Орловщине, и кто-то даже явно заметил, что туляки без достаточных оснований предъявляют свои права на великого писателя: что же с того, что его брат владел этим селом? Это еще не аргумент в пользу народного гулянья. Но может быть — пронеслось в голове сомнение — мы просто мало знаем биографию писателя, историю этих мест? Найти бы знатока, проконсультироваться! И тут мне указали на местного жителя, почетного гостя праздника, бывшего директора Тургеневской школы А. Ф. Полякова: никто, мол, не знает лучше его и творчество писателя, и его жизнь, и историю

села. И еще он построил школу. Ту самую, на которой открывается мемориальная доска.

Учатся в этой школе, носящей имя Тургенева, потомки героев «Записок охотника», населявших село — вотчину старого рода — и окрестные деревни: Колотовку, Стекольную слободку, Бежин луг. Иван Сергеевич написал об их предках бессмертные рассказы, а они, в свою очередь, сохраняют устные предания о великом земляке.

И когда мемориальная доска была открыта, сели мы с Анатолием Федоровичем на тюк сена и принялись неспешно беседовать.

Казалось бы, что может сохраниться в памяти поколений о тридцатых — сороковых годах девятнадцатого столетия? И я не ожидал, что одно из преданий услышу всего из вторых уст — от Анатолия Федоровича, который, в свою очередь, слышал его от свидетельницы происходившего.

— Видите ли, здесь было родовое имение Сергея Николаевича Тургенева, отца писателя. Здесь он жил до женитьбы постоянно. А после того как женился на Варваре Петровне, владелице Спасского-Лутовинова, пребывал временами в ее селе, а временами опять же здесь. Так вот, моя бабушка, Акулина Алексеевна Полякова, была дворовой девкой Сергея Николаевича. А дед, Тимофей Алексеевич, тоже будучи крепостным, управлял бумажной фабрикой Тургеневых.

Бабушка умерла девяносто двух лет, в 1906 году. Мне в ту пору было восемь лет, так что ее рассказы успели отложиться в памяти. А рассказывала она о старом времени много: и как боялись крестьяне, особенно дворовые, «злой барыни» Варвары Петровны (да и брат писателя Николай, наследовавший имение, вышел характером в мать), как радовались, когда приезжал добрый Иван Сергеевич...

Помню, сию я ребенком на печке, а она мне рассказывает, как приехал Иван Сергеевич откуда-то издалека, с учебы. Уже гораздо позже я установил, что то было возвращение молодого Тургенева из-за границы. Варвара Петровна как раз находилась в имении мужа. Получив известие от сына, она послала на станцию тройку и приказала, чтобы на Введенской церкви звонили в колокола, когда она поедет обратно.

На колокольню отправили звонаря — дежурить. Когда он увидел, что тройка возвращается, то грянул во все колокола. А перед домом уже ковры расстелены, вся дворня выстроена, кланяется. И бабушка там была... Молодой барин и обиделся, и рассердился. И сказал при всех дворовых людях: «Что вы, матушка, встречаете меня как архиерея? Я этого не достоин и не хочу...»

Представляю себе эту картину. Тройка мчит через мельничную запруду на Снежиды к дому с балконом, который одним фасадом смотрит на улицу и церковь, а другим — в сад и на широкий приречный луг. Стоит этот деревянный дом на склоне, поэтому с одной стороны он одноэтажный, а с луга — в два этажа.

Время дом не пощадило. Он сгорел в 1919 году. Остался только каменный фундамент.

На первых порах Ивана Сергеевича вспоминали в селе просто как хорошего человека, доброго барина, заступника. Но постепенно узнали, что он — знаменитый писатель. Правда, читали его в те времена немногие: книг было мало, да и грамотности не хватало. А все же сюжеты тургеневских рассказов знали, передавали их изустно. И тем бережнее хранили воспоминания старожилы. Не одна бабушка рассказывала будущему директору школы о старине; в Тургеневе вообще любили вспоминать прошлое. Так с малых лет впитал потомок крепостных уважение к писателю...

— Когда я подросток, — вспоминал дальше Анатолий Федорович, — когда стал читать Тургенева, я поставил задачу: в селе должна быть увековечена память об Иване Сергеевиче. Пришлось мне до войны заведовать школой. Предполагалась она тогда в старой помещичьей постройке. Тесно в ней было. И решили мы с родителями ребят построить новое школьное здание на фундаменте тургеневского дома. Не только потому, что так легче и дешевле. Главное — не

хотели, чтобы пустовало священное место, чтобы бурьян на нем рос. Для нас это было как бы возрождение тургеневского гнезда.

Об архитекторах в ту пору в деревне и не слышали. Анатолий Федорович произвел обмеры, снял с фундамента план, сам разработал проект. Школу решили строить своими силами — больше некому было.

Не было и денег. В Тургеневе подумали и решили торговать яблоками.

К яблоневым садам в Чернском уезде питали особое почтение. Местная антоновка считалась лучшей в России: ни лежки, ни перевозки не боялась. В старое время почти каждый помещик был садоводом. И при тургеневском имении находился сад, теперь он пришкольный. Был сад в Колотовке — той самой деревне, где происходило действие тургеневского рассказа «Певцы». Ну и еще один был знаменит в округе, Хозиковский. После революции эти сады перешли во владение товарищества «Победа». Со временем оно было реорганизовано. Сады, вероятно, одичали бы без присмотра, но Анатолий Федорович не дремал и уговорил правление товарищества передать бывшие помещичьи угодья школе.

Дела у ребят пошли лучше, чем у садоводов. Учеников в Тургеневе и окрестных деревнях в ту пору было около двух с половиной сотен, и с этакой силой вполне можно было наладить образцовое садоводческое хозяйство. Да и трудовое обучение ребятам не помешает, — рассудили учителя. И не ошиблись.

Сады расцвели как никогда.

Весной на узловатых ветках набухли почки, и в одно солнечное утро ударило людям в глаза белое зарево цветущих садов. Цвели они широко и раздольно на берегах Снежиды, и нежным ковриком осыпался белый лепестковый цвет на ухоженную землю.

Пришли летние дни, зарозовели плоды под солнцем, потянулись ветки к земле. И весь-то год сады были наполнены ребячьими голосами: ученики окапывали яблони, удобряли почву. А Анатолий Федорович тем временем налаживал связь с московскими заготовителями, и, когда подошла пора сбора урожая, ребята стали упаковывать яблоки в ящики и отправлять их в столицу.

Так завелась у школы деньги. Немного, но ведь люди взялись работать бесплатно. Колхозники возили камень, рубили дрова, заложили две ямы для обжига извести.

— Выжигали известь, — вспоминал Анатолий Федорович. — В одно время приходят ко мне мастера и говорят: «Пора брать на выпал». Это значит, что снижать огонь никак нельзя, иначе испортишь все дело. Трое суток надо поддерживать высокую температуру. А для этого, по расчетам, нужно было 150 кубометров дров. Они были заготовлены в лесу, а вывезти времени не хватило — пора была горячая, да к тому же у каждого свои дела.

Собрал я педсовет. Учителя были славные, активные ребята. Говорю им: идем-ка в ночь по деревням поднимать народ, просить, чтобы поехали в лес за дровами.

Отправил директор учителей по округе, пошел и сам намеченным маршрутом. Первой на пути лежала деревня Веливашево.

В ту пору в каждом селе на видном месте висела какая-нибудь железная штука — било, в которое можно было в случае пожара или иной беды ударить в набат, поднять по тревоге людей. В такое било, войдя в деревню, и ударил Анатолий Федорович.

От изб своих спешили на сходку утомленные дневными трудами деревенские пахари — мужики и парни.

— Ребята, надо ехать в ночь за дровами, иначе известь загубим. Двадцать возов с вас.

Запрягли мужики лошадей, без лишнего разговора поехали в лес. А Анатолий Федорович пошел дальше — в Стекольную слободку...

В ту ночь по всей округе стоял скрип тележных колес. Из предрассветного тумана, что полз по долине Снежиды, то и дело выплывали вереницы груженых подвод. К началу дня у ям для выжигания извести были сложены штабеля дров — все полтора ста кубометров.

Школу открыли 9 ноября 1934 года — в день 118-годовщины со дня рождения И. С. Тургенева. Праздновали открытие так же, как строили — всем миром. Около семисот гостей собралось тогда из окрестных колхозов. И пусть в то время идеи охраны памятных мест еще не проникли в народ, мало кто слышал о реставрации старых зданий, о восстановлении прославленных усадеб, но местные крестьяне считали само собой разумеющимся, что не должно быть в наших селах мерзости запустения, что святые места не должны пустовать. И с того дня на том же месте, где некогда бывал и работал великий писатель, учили сельские ребята стихи Пушкина, и рассказы Толстого, и, конечно, «Записки охотника».

И вокруг цвели их сады.

Кто думал тогда, что пройдет всего семь лет — и Чернский район будет выжжен дотла? Здесь, на прямом пути от Орла к Туле, где ползла железная орда Гудериана, горела даже земля. В самом районном центре чудом уцелели три здания: все остальное спалили перед отступлением фашистские факельщики, и многие годы после освобождения население жило в подвалах. Ребятишки из поселка ходили учиться в одну из сельских школ, случайно уцелевшую в огне. Только в 1951 году в райцентре ценной неимоверных усилий удалось открыть собственную школу — и о строительстве ее шлакоблочного здания, как о большой трудовой победе, дважды сообщала печать!

Только головешки остались от деревень. Погорельцы сколачивали хибары из обломков немецких блиндажей, из ящиков с готическими надписями, копали землянки в лесах и пахали на коровах. Но не только поселок и деревни уничтожили оккупанты. Были вырублены знаменитые сады на Снежеди, чтобы никогда больше не цвела по весне здешняя земля.

Это было не только варварство. Это был холодный расчет идеологов фашизма, не случайно провозгласивших тезис об отсутствии на Востоке духовных ценностей. Они быстрее кого бы то ни было поняли, что уничтожение народа вернее всего достигается уничтожением его культуры, среды обитания, что их противников объединяет сознание духовного и генетического родства. И в одном ряду с прославленными памятниками русской культуры, разрушенными фашизмом, не случайно оказалась скромная сельская школа в селе Тургенево.

Но еще мы помним имя свое, не забыли слов Тургенева о русском языке. Не потому ли уже в те годы, когда район лежал в развалинах, вернувшийся с войны Поляков вновь поднял ребят и их родителей на восстановление полуразрушенной школы, вновь вывел их в сады с лопатами и ведрами? И по-прежнему стоит и встречает мальчишек и девчонок школа, по-прежнему цветут яблоки и звучат над берегами Снежеди русские песни.

У чернцев — или, как они сами себя называют, чернян — свой праздник, не похожий ни на один другой на свете.

Праздников много. Может быть, даже слишком много. Кто их только не имеет! Шахтеры и работники торговли, учителя и моряки, журналисты и лесничие... Но нельзя сказать, что жизнь стала праздничнее от этого обилия всевозможных праздников. Особенно если сами они сводятся к торжественному заседанию да концерту по завякам.

— Главное, — вспоминает заместитель председателя Чернского райисполкома В. Д. Волков, — заключалось в том, чтобы убедить скептиков: праздник, народное гулянье — это больше чем потеха.

Виктор Волков, в то время комсомольский работник, шел к празднику от нелегких раздумий о судьбе родной земли. Некогда планировалось, что население района превысит сто тысяч человек, а оно стремительно падало. Двадцать тысяч жителей — все население поселка и района, и большая часть из них — дети и пенсионеры. Что ж, пенсионеры отработали свое и заслужили покой, но школьни-

ки, единственная надежда! Покинут они родные места или останутся? А если останутся, то что их удержит?

Иногда в этом чисто сельскохозяйственном районе начинали мечтать о крупном промышленном строительстве, способном закрепить кадры, привлечь людей со стороны. Но здравый расчет тут же обрывал эти мечты. Нет, не желать промышленного строительства, а бояться его надо душе огня, — считают в Черни. Откуда возьмутся кадры для новостройки? Конечно же, из оскудевших людьми колхозов и совхозов. А это значит — еще сильнее будет оголено сельское хозяйство, обострится проблема кадров, укрепления молодых сельчан. Не этим путем надо идти. Но каким?

Разумеется, строилась и строится Чернь, хорошеют усадьбы хозяйств, прокладываются новые дороги, реконструируются фермы. Но ведь недаром сказано, что не хлебом единым жив человек. И всматриваясь в свое прошлое, видели черняне, что существовал исконно сельский микрокосм, бытовал, несмотря на все трудности, деревенский лад, что патриотизм крестьянина не был и не мог быть абстрактным, а был деятельным, выражавшим себя и в труде, и в песне, и в украшении своей избы, и в охране маленького родника, и в общении с лошадьми, и в любви к старинным рушникам...

Спасти эти традиции, возродить былую убежденность в том, что эта земля неповторима, что есть ей чем гордиться, сделать жизнь в округе интересной, — такова была общая мысль, из которой родились и праздники на Бежином лугу, и многое другое, чем неожиданно прославилась чернская земля.

Были ли у Волкова противники? А почему бы нет? Речь не о ретроградах. Возникла идея провести на Бежином лугу и на окраине деревни Колотовки певческий праздник. Казалось бы, прекрасно. Однако встанем на место хозяйственного руководителя. Когда на селе свободное время? Только зимой. Но ведь не в мороз и пургу собирать людей на лугу! А летом — сплошные заботы, люди работают и в выходные, и по ночам, и устраивать в разгар сенокоса или уборки массовое гулянье — это же бесхозяйственность!

Рассудим далее. Село Тургенево с Колотовкой и Бежиным лугом недалеко от райцентра, пешком туда не доедешь. Но ведь как раз райцентр, другие села и деревни дадут основных участников праздника! Значит, их надо на чем-то привезти, а затем увести назад. Собственного автотранспортного предприятия в районе нет, и перекинуть сотни человек с места на место, да еще разом — не на чем.

Предлагается не обычный концерт, а фольклорный праздник. А кто будет петь? Правда, по деревням еще остались бабушки, помнящие старинные песни. Но собрать их, уговорить выступить, опять же привезти на Бежин луг — тоже проблема.

Два года то хозяйственные заботы, то непогода не давали открыть «Тургеневское лето». Но Волков и увлеченные им единомышленники не отказывались от своей затеи. И в 1983 году возгорелся-таки костер на Бежином лугу. И зазвела песнями окраина деревни Колотовки.

Оказалось, что все вопросы можно решить. Период сельхозработ? Да, но есть возможность провести праздник между сенокосом и жатвой, когда напряжение несколько спадает. И пусть люди отдохнут денек — можно не сомневаться, что на следующий день после такого праздника они выдадут по полторы-две нормы.

Не хватает автобусов? Но в районе и поселке мобилизовали весь ведомственный транспорт вплоть до крытых машин и «уазиков», которые через каждую минуту отправлялись из назначенного места в райцентр, сажая всех желающих. В тесноте, но не во обиде ехали черняне на Бежин луг, — туда молча, оттуда — с песнями.

И самое главное чудо праздника — народные певцы в дотомочной одежде, вероятно, впервые выступавшие перед микрофоном. Они собрались со всего района. Увы, уже ни в одной деревне не соберешь целого фольклорного ансамбля, но школа-то одна! И достаточно было всего двух

спевков, чтобы образовались новые ансамбли, не деревенские, но, как говорят в Черни, «кустовые».

— В Черни я слышал больше народных песен, чем за весь год по телевидению, — восторгался писатель В. Н. Ганичев. И можно только добавить, что даже если фольклорные ансамбли будут пропагандироваться телевидением, они все равно не произведут такого впечатления, как на открытом воздухе. Народная песня не рождена для помещений, пусть с самой совершенной акустикой. Она теряет свою неповторимую прелесть, приобретая инструментально-металлический оттенок. Слушать ее надо именно здесь — в амфитреатных зеленых склонах, на фоне безбрежной дали, когда в нее влетают пение птиц, тихое журчание речки, шелест травы. Она разнесется широкой волной над толпами притихших людей, над сенокосными лугами, над той самой землей, где она родилась бог весть когда и где пелась в дни народных радостей и тревог.

Интерес к празднику в районе год за годом растет. В райотделе культуры с удовлетворением говорят, что если раньше приходилось разыскивать народные таланты, просить их выступить, то теперь сельчане сами просятся к микрофону. Выступить на Бежином лугу теперь — высокая честь.

Почему радуется не только сам праздник, но и сознание того, что он есть?

Потому что он — не просто отдых между сенокосом и уборкой.

Чтобы праздник состоялся, нужна была народная память, отделяющая добро от зла, нужно было уважение к самим себе и к своей земле. Эта память была пронесена через многие десятилетия.

Нужно было сохранить, насколько оказалось возможным, тургеневские места: здания, сады и сам Бежин луг, изуродованный одно время карьером именно в том месте, где, верно, сидел с ребятишками великий писатель. И как не сказать добрых слов о краеведе Василии Петровиче Крылове, вовремя забывшем тревогу и спасшем священное место России от бездумного надругательства! Как не сказать спасибо и черному старожилу Георгию Георгиевичу Монину, организовавшему очистку речки Черни! В тот день, когда участники субботника машинами вывозили стекло, металлолом и прочий хлам, накопившийся в ее русле, они впервые увидели, во что чуть было не превратилась синяя артерия тургеневской России, и были потрясены открывшимся... Как не сказать доброе слово в адрес тех друзей природы, кто восстанавливал вырубленные перелески близ Бежина луга!

Нужна была поддержка доброму начинанию, и ее оказали авторитетные люди из Москвы: писатели В. Ганичев, В. Захарченко, А. Лиханов.

И самое главное: нужно было убеждение местных руководителей, краеведов и просто общественности в том, что не единым хлебом жив человек. Истина прописная, но как легко забыть о ней в непрерывных хозяйственных хлопотах, особенно в горячую пору заготовки кормов и подготовки к жатве, когда — как это рекомендовалось совсем недавно — следует закрывать и клубы, и библиотеки, и Дома быта, и даже больницы, чтобы навалиться на сено да на свеклу — план превыше всего!

А может, и в этой убежденности живет традиция? Ведь как он работал, тот же тургеневский крестьянин, на своей немилостивой земле! И на барина, и на себя, да что греха таить — и на кабак. Но разве обезобразил труд душу знаменитого Касьяна, заслонил красоту земную от Калиныча, разве не пели песен в Призынном кабаке, некогда стоявшем на окраине селца Колоотовки? С каких же пор и почему мы начали разъединять труд и песню, долг перед пашней и долг перед природой; как случилось, что мы переврали старинную поговорку «Делу время и потехе час», заменив союз «и» на «а», то есть противопоставив делу — отдых, нравственность — работе, нежности — деловитости?

Непросто было сохранить трепетную традицию песенных сел, деревень и слободок, непросто оказалось и оградить ее от всепроникающей пошлости. Пришлось бо-

раться и с ретивыми кооператорами, пытавшимися наладить во время праздника широкую торговлю водкой «с колес», и еще до появления соответствующего указа удалось пресечь их чрезмерную активность. Привелось воевать и с моторизованными туристами, пытавшимися устроить из самого Бежина луга автостоянку. Что делать: традиции нужно не только поддерживать, их нередко приходится и защищать!

Как-то раз, встретив знакомого, я разговорился с ним о прошедшем празднике и о местных народных праздниках вообще.

— Я убежден, что в каждом районе могут быть свои праздники, свои традиции. Давайте вспоминать. Ну возьмем хотя бы Тульскую область. Итак, Чернь — это Тургенев.

— Белевский район.

— Жуковский. Родина Жуковского. Фольклорные праздники там уже проводятся — в селе Мишенском. Но это еще и родина братьев Киреевских, а они, кстати, были собирателями народных песен. Писатель С. П. Бородин тоже оттуда. Елец В. А. Левшин. Герой 1812 года и декабрист Батеньков. Декабрист А. И. Черкасов.

— Ефремовский.

— Бунин. Лермонтов. Николай Успенский. Паустовский. А. И. Левшин. Авиаконструктор Мясищев.

— Куркинский.

— И вспоминать нечего: Куликово поле. Грибоедов. Художник Н. В. Орлов.

— Заокский.

— Художник Поленов. А. Т. Болотов, 250-летие которого мы отмечаем в 1988 году. Командир крейсера «Варяг» Руднев.

— Шекинский.

— Ну, не говоря о Ясной Поляне, можно вспомнить о Крапивне. А это — тот же Лев Толстой, Глеб Успенский, известные русские лесоводы...

— Плавский.

— Сухово-Кобылин. Сумбатов-Южин. Академик Е. А. Чудаков. Декабрист М. А. Бодиско. Лучшие певческие хоры России.

Мы перечисляли знаменитых земляков на память и потому многое пропускали.

Да неужели есть на Руси край, откуда не вышли знаменитые люди? Нет таких краев! В том же Черном районе есть места, связанные не только с именем Тургенева. Мы считали, поражаясь богатству: Толстой, Дельвиг, Грибоедов, директор Царскосельского лицея Энгельгардт, Жуковский, историк Афремов, землепроходцы Алексей Скуратов и Иван Сухотин, герои 1812 года... Здесь был основан первый в России сахарный завод, здесь бывали Гоголь и Пушкин, здесь восемь древних городищ, курганы, поселения, наконец, просто живописные места. Расчистить все! — такую задачу поставили в Черни.

Нет, не бульдозером расчистить. Расчистить так, как очищают родники от мусора и ила, вернуть народную память. Расчистить так, как Георгий Георгиевич Монин очищал родную речку Чернь. Как спасал школьный учитель Николай Гаврилович Трофимов курганы у слияния Зуши с Окой — те курганы вятичей, на которые замахнулись были ретивые меллиораторы. Как боролся районный журналист Василий Анисимович Новиков за право иметь в Черни музей Вознесенского — своего земляка, организатора первой комсомольской ячейки, затем — члена Политбюро, академика, председателя Госплана СССР, прославленного теоретика экономической науки.

Бороться — значит заражать других своей идеей.

Потеря духовности грозит потерей всего...

Игорь
ПОДГОРНЫЙ

ТАЙНА БИБЛИОТЕКИ ДИДРО

Старое парижское кладбище. На стене церкви мемориальная доска: «1784 год августа 1-го дня в этой церкви погребен Дени Дидро, семидесяти одного года, член Берлинской, Стокгольмской и Санктпетербургской академий наук, библиотекарь ее императорского величества Екатерины II, императрицы России, умерший вчера, июля в 31-й день».

Деятель эпохи Просвещения, подготовивший Великую французскую революцию, и библиотекарь Екатерины II. Русская императрица и философ-материалист. Что между ними общего?

Тридцать лет жизни Дидро отдает составлению и изданию «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» — первому в мире своду накопленных человеческих знаний, прообразу многочисленных энциклопедий наших дней.

Выход первых томов «Толкового словаря» вызывает бурные споры. Прогрессивные взгляды, передовое мировоззрение составителя беспокоят реакцию. Духовенство и чиновничья бюрократия видят в них опасность, угрозу своему благополучию. Совместными усилиями богословского факультета Сорбонны, парижского архиепископа и парламента издание «Энциклопедии» запрещается, а успевшие выйти тома приговариваются к сожжению.

Дидро оказывается на грани разорения. На помощь ему приходит состоящий при русском посольстве писатель, член Петербургской Академии наук князь Д. А. Голицын. По указанию Екатерины II он покупает библиотеку Дидро, оставив ее в пожизненном распоряжении ученого, а его самого императрица принимает на службу своим библиотекарем с выплатой жалованья и сумм на приобретение и содержание книг. Этот поступок привлекает внимание к русской правительнице, надолго обещивает ей признание и благодарность всей передовой Европы.

После смерти Дидро библиотека перевозится в Петербург. Известно, что в 1785 году она находилась в

одном из залов Эрмитажа. Можно было ознакомиться с любой из трех тысяч книг из замечательного собрания. А потом... Потом произошло невероятное — библиотека Дидро исчезла, перестала существовать как единое целое.

После Великой Отечественной войны в залах Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина работали книговеды-ученые американец А. Вильсон и русский В. Люблинский. Внимание их привлек ряд цифр на форзаце книги К. Гельвеция. Цифры оказались номерами страниц, на которых легкими карандашными черточками были отмечены отдельные строки или абзацы. Именно те, как показало исследование, на которые ссылается или которые цитирует Дидро в рецензии «Последовательное опровержение сочинения Гельвеция, озаглавленное «О человеке».

Затем обнаруживаются пометы, сделанные рукой Дидро: расшифровка имени автора на шмуцтитуле одной книги, надпись на ярлыке, приклеенном к корешку другой, инициалы «ДД» и цифры «1765» — год продажи библиотеки — в третьей.

Есть смысл продолжить поиск, решили исследователи. И теперь открытие следует за открытием. В иностранном фонде Публичной библиотеки обнаруживается перевод поэмы «Ночи» англичанина Эдварда Юнга с дарственной надписью «Господину Дидро от автора». В руки к главному хранителю «Библиотеки Вольтера» — одной из драгоценных жемчужин ленинградской Публички — попадает книга Франца Хемтерхеля «Письма о скульптуре». На ней адрес: «Господину Дидро, улица Тарани».

Сотрудники научно-исследовательской группы, занимавшиеся подготовкой «корпуса читательских помет Вольтера», обращают внимание на пометы в некоторых книгах, сделанные двумя легкими параллельными черточками, характерными для Дидро. Эти знаки чтения часто совпадают с закладками. Все из бумаги одного сорта, они имеют специальный вырез, с помощью которого закрепляются на странице. На «закладках-наездниках», как их назвали библиотекари, цифры и обязательная буква «Д».

Найдено уже более пяти десятков книг, принадлежность которых к пропавшей библиотеке сомнений не вызывает. Большинство обнаружено с помощью «закладок-наездников». Цифры на них, следующие в нарастающем порядке, словно бы обозначают место книги в каталоге. Но ведь каталог библиотеки Дидро пока не обнаружен и само предположение о его существовании некоторые ученые подвергают сомнению.

Между тем в одном из писем Екатерина II прямо говорит о най-

денных в каталоге библиотеки Дидро замечаниях на «Наказ комиссии по составлению нового уложения». «Наказ» императрица считала важнейшим своим деянием. Критику материалиста-просветителя не приняла, сочтя ее «болтовней, где нет ни понимания вешей, ни осторожности, ни предвидения».

Находки, сделанные в архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, подтвердили, что каталог существовал. Найдена расписка в получении 720 ливров за составление каталога библиотеки Дидро. И письмо, в котором зарубежный корреспондент сообщает Екатерине II, что 21 ящик с библиотекой и рукописями Дидро отправлен из Руана на корабле «Нептун», а каталог, упакованный в один большой пакет, выслан отдельно.

Однако поиски каталога пока успехом не увенчались.

г. Ленинград

ЗАБЫТЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Александр БЕРЕЖНОЙ,
краевед

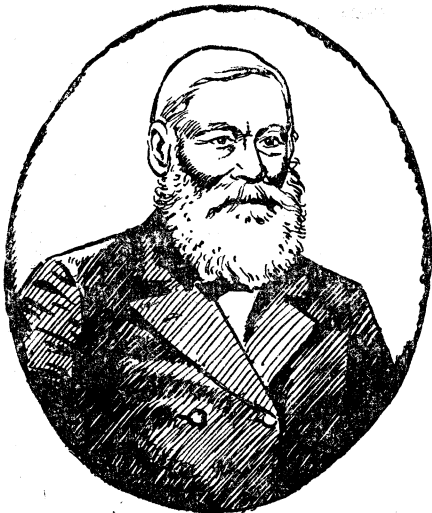
На одном из старинных рижских некрополей, в глубине вековой аллеи, стоит памятник. Ему почти сто лет. На нем еще можно разобрать слова: «Евграфу Васильевичу Чешихину — русские рижане»...

Е. В. Чешихин родился 6 декабря 1824 года в Оренбурге в семье военного аудитора. Гимназию закончил в Динабурге (теперешний Даугавпилс), университет (философский факультет) — в Москве.

В Ригу Чешихин переехал в 1862 году и жил там до конца своих дней — до 1888 года. Для деятельной его натуры время было подходящее — бурное: капитализм сбрасывал с себя остатки феодализма. Новый закон о паспортах 1863 года открыл безземельным крестьянам путь в город. Из Псковской, Витебской и других близлежащих губерний России они съезжались в Ригу, пополняя русскую прослойку латышского пролетариата.

Нужны были русские школы, газета. Хлопотами по их организации и занялся Е. В. Чешихин. «Рижский вестник» — первая частная русская газета на прибалтийской окраине, редактируемая Чешихиным. Она заговорила сразу в полный голос о нуждах русского населения и об улучшении положения эстонско-латышского населения края.

Власти встретили газету насто-

АЛТЫННОВСКАЯ ПЛЯСОВАЯ

**Виктор СТАРЦЕВ,
слесарь**

роженно. Непосредственное начальство «инженерного чиновника Чехихина» ему намекнуло: либо продолжать редактирование «Рижского вестника», либо уйти в отставку. Забрали у него казенную квартиру. Но это не испугало издателя. Волновало другое: материальное положение газеты. Подписка и газетные объявления давали ничтожные суммы. Поэтому все недоборы приходилось покрывать за счет частных пожертвований.

Вот в таких условиях десять лет трудился Евграф Васильевич Чехихин.

С его именем связано открытие в Риге двух гимназий: Ломоносовской — женской (ныне — Вычислительный центр) и Александровской — мужской (теперешнее здание консерватории), из стен которых вышло немало образованных людей.

Был он и председателем целого ряда городских общественных организаций: Петрово-Павловского русского братства, Благовещенского церковноприходского попечительства, Литературного русского кружка. Входил во все русские культурно-просветительские общества, существовавшие в тогдашней Риге.

Е. В. Чехихин занимался и научной исторической деятельностью. Он написал четыре объемных тома «Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края». «Для историков края,— писал Чехихину писатель И. А. Гончаров,— это клад, и они только оценят всю громадность и важность вашего труда». Было издано отдельными выпусками начало «Истории Ливонии с древнейших времен». Но этот труд Чехихину завершить не удалось. Скончался он скоропостижно, в редакции, работая над рукописью по истории Ливонии.

г. Рига

На снимке: Е. В. Чехихин.

Три года назад был я на свадьбе в селе Мосино. Паренек-гармонист что-то наигрывал, но не затрагивала музыка души. Видя, что дело не идет, начал другую мелодию. Гостей из-за столов словно ветром сдуло — все пустились в пляс. Сидевший рядом со мной ветеран войны и труда А. И. Дементьев с гордостью произнес: «Наша. Алтынновская!». Оказывается, «Алтынновскую» знают не только в Мосино, но и далеко за пределами района. Слышал ее в Кишерти, в селе Нижний Иргинск Свердловской области.

Как же родилась «Алтынновская»?

В 1916 году пришел с империалистической войны в село Алтынное Егор Владимирович Клестов. Привез с собой гармонию-«минорку». Вечерами стал играть. Играл в основном хваткие солдатские песенки.

Свершилась революция. Начались в Алтынном столкновения бедноты с кулачем. Клестов сильно переживал, когда его ученик-гармонист Иван Кузьмич Худяков, пробираясь в деревню Михино с сообщением о мятеже кулаков, случайно наткнулся в лесу на белогвардейских конников и был зверски убит. Потом наступил голодный год. Людям, чтобы выжить, приходилось есть белую глину, липняк и бог знает еще что. И в это трудное время Е. В. Клестов решил создать такую музыку, чтобы поднимала у людей настроение, веселила, заставляла жить. Так появилась «Алтынновская плясовая».

Рассказывает старожил села А. Н. Вяткина:

— Сам Клестов был довольно уже старый, но любил ездить с нами в поле. Мало ли — черенок сломается, зуб выпадет у граблей. Это ему было под силу. Всегда брал с собой «минорку». Помню, намерзлись, да голодные, с ног валимся. По 200 граммов муки на трудодень давали. И вдруг зазвучала «Алтынновская». Глядим, наш бригадир Вяткин Семен Дмитриевич запереступал с ноги на ногу, вытащил вилы из-под снега, туда-сюда там, словно гимнастику делает. Кричит нам: «Веселее, бабоньки, веселее пляшите. Новую жизнь налаживаем!». Вспомню, смешно даже. Как это мы с вилами в руках да в лаптях плясали на снегу. Но как нам тогда помогла «Алтынновская»!

Вскоре на эту музыку стали сочинять частушки.

*Запрядай-ка, братик, рыжка,
подавай, сестра, гармонь,
я поеду, прокачуся
по алтынновской, кривой...*

Дома в селе размещены вдоль речки. Улица, как и речка, петляет.

22 июня 1941 года все село собралось на главной площади. Причитания, вскрики, звуки гармони, песни. Война... Мужики ушли на фронт, не стало гармонистов.

Вспоминает жительница села Евгения Тихоновна Ваганова:

— 1 мая 1942 года собрались мы с бабами у меня в доме. И кто-то сказал: «Давайте пригласим деда Сартакова Ивана Ивановича, он умеет играть «Алтынновскую». Дед хоть и поворчал — «война ведь», но пришел. И заиграла в селе гармонь: *Скоро кончится война,
пойдут ребята рогати.
И я своего дорогого
встречу за воротами...*

Но не пришлось Жене Вагановой встречать мужа. Через два месяца пришла похоронка.

Сотни алтынновцев погибли в войну. Среди них гармонисты И. С. Сердитых, П. А. Карачинов, Н. С. Вяткин, В. И. Сартаков, А. А. Белоусов, С. П. Суздальцев и другие.

Долгие годы хранили вдовы в чуланах завязанные в шали гармони, не веря в похоронные листки. Но и возвращались гармонисты.

Когда из сельсовета женам сообщали, что их мужья со станции идут пешком, женщины выходили за околицу села, в руках были гармони. После объятий и слез мужья брали их в руки и начинали играть «Алтынновскую»...

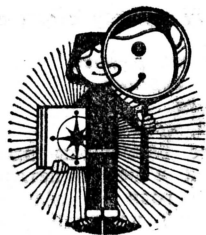
Интересно проходили в Алтынном свадьбы. Готовились всем околотком. Пекли пироги: рыбные, грибные, капустные, делали квасы, студень, стряпали пельмени. Накануне свадьбы подбирали самых лучших, резвых коней. Дуги и оглобли украшивали разноцветными лентами. В колхозе для этих целей имелась специальная свадебная сбура.

Интересный случай произошел с Петром Малыгиным. Поехал он в 1962 году поступать в Кудымкарское музыкальное училище по классу баяна. Строгая комиссия его спрашивает:

— Что вы нам сыграете, паренек?

— «Алтынновскую!» — ответил он и начал «резать» на гармони. Председатель комиссии, уже пожилой мужчина, аж рот раскрыл от удивления. «Алтынновская» понравилась. В дальнейшем по заказу училища ее переложили на ноты. Теперь в Коми-Пермяцком округе тоже играют «Алтынновскую».

Село Алтынное Пермской обл.

МИР

на лагони

Основатель отдела палеонтологии академик Борис Сергеевич Соколов

Каким был мир

Каким был растительный и животный мир 500 миллионов лет назад? Какие претерпел изменения в своей эволюции?..

Ответы на эти вопросы можно получить в отделе палеонтологии Института геологии и геодезии СО АН СССР.

Здесь хранятся многочисленные экспонаты (более четырех тысяч) далекого прошлого: морские беспозвоночные животные и остатки растительного мира. Архециты, граптолиты, триллобиты — морские животные, обитавшие в морях 500 млн. лет назад. Головоногие моллюски бассейнов мезозойского времени, отделенного от нас на 200 млн. лет...

Коллекции собраны геологами новосибирского Академгородка, Новокузнецка, Томска. Часть из них переданы музею учеными США, Англии, Франции и Австралии. Экспонаты эдиакарской фауны — наиболее древней из органического мира — прислал в дар музею профессор Глестер из Австралии.

Необычайно красив макет сов-

ременного морского дна. Уникальные образцы его собраны с коралловых рифов Океании профессорами А. М. Обутом и Ю. И. Тесаковым.

В отделе палеонтологии проводится большая научно-исследовательская работа. Его сотрудники постоянно обмениваются коллекциями с музеями нашей страны и зарубежными. Многие ученые приезжают сюда не просто познакомиться с редкими экспонатами отдела, а на месяц-два поработать. Палеонтологи из Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Индии, Дании, Испании, Франции здесь частые гости.

И, конечно, постоянные посетители отдела — будущие палеонтологи, студенты геологического факультета Новосибирского государственного университета и участники Всесоюзных школьных геологических олимпиад.

Г. КУСТОВ.

Рыбье замешательство

Как установили исследователи из университета штата Нью-Гэмпшир (США), кислотные дожди могут настолько нарушить обоняние лососей, что они лишаются способности воз-

вращаться на нерест в родные реки.

Зоологи доказали: атлантический лосось, помещенный в воду с таким же уровнем кислотности, какой имеется в настоящее время во многих реках Новой Англии, становится нечувствительным к запахам, которые обычно привлекают его внимание. Это открытие подтверждается документальными данными об уменьшении количества лососей в озерах и реках с подкисленной водой.

Е. СОЛДАТКИН

Книга к пиву

228 лет назад в Дублине некий Артур Гиннесс основал пивоварню. Предприятие его разрослось, превратившись в крупнейшего производителя пива на европейском континенте. Экспорт фирмы составляет сейчас около 130 миллионов литров пива в год. Цифра эта, конечно, занесена в «Книгу рекордов Гиннесса», олицетворяющую самую успешную рекламную кампанию всех времен. Потомки Артура издают свой альманах с 1955 года, общий тираж составляет уже 55 млн. экземпляров. Но дело даже не в тираже, а в возможно более частом упоминании фирмы.

Книга задумывалась как средство «мирного урегулирования» споров о наивысших достижениях, но с тех пор сама стала причиной гротескной охоты за рекордами. Так, Чарльз Осборн из США, икающий непрерывно с 1922 года, икнул уже 450 млн. раз. Сьюзен Бирмингем из Гонконга только своим криком создала шум в 120 децибел, подобно взлетающему самолету. Джона Миннока, якобы весившего 635 кг, поворачивали в постели 13 человек. Джей Гуолтни из Чикаго за 89 часов съел березу высотой 3,35 м. Более далекий от природы Мишель Лотито из Гренобля съел за 20 лет несколько телевизоров, семь велосипедов и старый спортивный самолет. Говорят, наибольшую трудность для него составили резиновые шасси... из-за своего отвратительного вкуса.

Миссис Харгрейв из Англии 39 раз проваливалась на экзамене по вождению автомобиля, пока через 8 лет не получила права и титул рекордсменки мира по настойчивости.

Наконец, если кто-то из наших читателей задумает написать в редакцию письмо рекордной длины, ему надо будет ориентироваться на Джона Сальцбау из США. Его послание, состоявшее из 23 513 слов, было напечатано с продолжением в восьми номерах местной газеты.

По материалам журнала
«Магазин» (ГДР)
подготовил Б. ПИНАЕВ

ПЛОТНИКИ ЕКАТЕРИНБУРГА

Евгений ДЕВИКОВ

Долго считалось, что один из первых домов Екатеринбурга простоял от закладки города до нашего времени. Это будто бы был дом Шамшурнина на Госпитальной (ныне ул. Добролюбова, 20). Исследование этого не подтвердили. Дом действительно жил долго: сто шестнадцать лет. Он построен был после опустошительного пожара — в первой трети прошлого века. Мы не можем доподлинно знать, как выглядел домовый убор Екатеринбурга в восемнадцатом столетии. И все же попытаемся заглянуть в историю.

В 1734 году было решено строить дом для В. Н. Татищева, нового командира уральских заводов. Место выбрали на холме близ Шарташского бастиона. Холм господствовал над крепостью. По обоям берегам реки, за глинобитной плотиной разлавалось могучее дыхание тридцати фабрик. Широкая перспектива прорезала крепость от Московского к Восточному бастиону. На фоне деревянной застройки вырисовывался крытый белой жемью высокий шатер мазанковой колокольни.

Горный офицер Андрей Хрушев и автор «Чертежа нового завода на Исети» Никифор Клеопин рапортовали в апреле 1734 года, что, со слов плотника Сомова, подле Шувакишского озера вырублены для командирского дома пятьсот бревен. Лес заготовили до таяния снега, пока деревья не наполнились весенней влагой. Срубы, сложенные из сухих бревен, теплей и долговечей. Венцы, протертые поваренной солью, плотник считал бережными от гнили и насекомых.

Прежний начальник горных завесов незадолго до отъезда запретил плотникам вручную вытесывать доски из бревен. Пильная мельница делала это быстрее и экономней. Однако бревно, расколотое клиньями по старинке, меньше впитывало влагу, дольше противилось гниению. Пила, наверное, предвещала недолгую жизнь командирского дома: он простоял чуть более полувека. В 1789 году его купили с торгов церковные власти, решив построить на этом месте каменный храм. Память о доме Татищева, срубленном из пятисот шувакишских бревен, хранит мраморная доска у входа в Свердловский историко-краеведческий музей.

При первом же командире привезли в Екатеринбург и поселили в Елизавете отряд олонекких плотников. Это, несомненно, послужило толчком к возникновению нижнеисетского гнезда древоделов. В том же 1729 году на фабрике воздуходушных мехов впервые ввели должность резчика по дереву. Он получал годовое жалованье в двадцать рублей, тогда как столяру платили пятнадцать. Его изделия не сохранились, но в описях можно встретить и резные стулья в обер-бергаме, и покоее на трон кресло с кожаной подушкой, и резные золоченые тумбы зеркал для указов, и узорчатые рамы для стенных зеркал и картин. А однажды казенный резчик искусно вырезал из клееного бревна кандалы — «образец, по которому железа ковать, присланный во обер-бергама от господина генерал-лейтенанта де Геннина».

Затем в Екатеринбург прибыла партия заонежских плотников. В 1766 году их расселили в Верх-Исетском заводе. Не случайно именно в этом поселке потом расцвело столярное дело и мебельное производство. В те годы плотники из Заонежья работали и в Сысерти. Это были подневольные казенные мастеровые.

Тянулись на Урал и свободные люди. Их приток из северных русских земель объяснялся просто: в Олонецком крае пуд немолотой ржи стоил двадцать три копейки, а здесь, на Урале, готовую ржаную муку продавали по семь копеек за пуд.

Екатеринбург восемнадцатого столетия был средоточием разнообразных народных художественных традиций. Не только русский Север влиял на развитие здесь плотницкого ремесла. Крестьяне Таватуйской волости — прямые потомки стрельцов и старообрядцев, сосланных или бежавших в необжитые просторы Урала, — тоже шли в город подражаться на артельные плотницкие работы. В их строениях проявлялись традиции средней России — Москвы, Твери, Поволжья. Дома украшали крыльцом на резных столбах, ставнями столярной работы, лобовыми досками, «подзоринами с некоторой по приличности надрезью».

Надрезь — вот, пожалуй, тот термин, что характеризует домовую резьбу тех лет. Доску не пропиливали, не выбирали из пласти глубинных слоев, а делали ногтевидные или трехгранной формы надрезы, как это и теперь еще водится в деревнях. Узорная разработка плоскости была чisto крестьянским, народным началом в деревянной домовой резьбе. Ее до сих пор можно видеть на матичных балках церкви в подмосковном селе Васильевском или на поздних, но ставших уже старомодными, екатеринбургских наличниках. Эта плотницкая манера резьбы — узор из-под топора — гармонировала с ритмичкой бревенчатых стен, делала нарядным городское жилище. В Свердловске теперь таких нет, а, например, в Туринске немало еще домов с наличниками, выполненными в щедрой манере народной трехгранно-выемчатой резьбы.

О первых плотниках Екатеринбурга располагаем мы лишь отрывочными сведениями. Купец Леонтий Пономарев в 1782 году нанял плотника Данилу Хухрина оборудовать и украсить новый бревенчатый дом. Постройка была двухэтажной. Надо было сделать крыльцо к нижним и верхним сениям, парадную лестницу между ними, приладить к окнам личинки и ставни, отделать покоя, а в горницах поставить лавки с резными причелинами. По договору Хухрин получил девяносто рублей — почти двухлетнее жалованье заводского штатного мастера. Через год он уже рубил деревянную церковь в Бруснянской слободе под Екатеринбургом.

О существовании «плотницкого конца» прямых сообщений не попадалось. Но если внимательно вчитаться в «Опись всем екатеринбургским жителям» (1788), то многое прояснится. Признаки такого ремесленного «конца» мы находим на небольшом пятачке, где сгрудились дворы городских плотников. Когда-то, может быть, мастера селились тут погуще, но в последней четверти века оставалось не больше десятка имен. Вот они: Петр Колташев, Федор Лачихин, Фарафонт Максимов, Филат Микулин, Осип Палкин, Петр Плотников, Родион Попов, Тихон Сеначев, Тит Симанов, Василий Стариков, Семен Стрыков... Плотники-домовладельцы принадлежали к ремесленной элите. Вместе они поддерживали цену на строительные работы, следили за спросом, контролировали предложение. Порозня конкурировали друг с другом, подавляли соперников, переманивали к себе молодых, а подчас бывалых, но неимущих плотников. Ремесло давало им средства к существованию, но не делало богатыми.

Как-то раз на главной площади под барабанную дробь объявили розыск Хухрина, не закончившего к сроку работу по договору. В те времена строительная незавершенка наказывалась сурово. Хозяину недостроенного дома, хотя он и был пострадавшим, грозила вторая неделя голодной отсидки с головой и конечностями, продетыми в тесные отверстия позорной колоды. Первую неделю истец уже отсидел, страдая от жары, насекомых и оскорбительного внимания добропорядочных горожан. На его счастье, плотник Стрыков взялся доделать в короткий срок незавершенную работу, и купец не пожалел денег.

Недалеко от этого лобного места, как раз напротив обер-бергмта, плотники возводили новый рубленый дом. Он стоял на главном проспекте за большими воротами, окруженный прекрасным садом — одноэтажный, с семью окнами по фасаду и парадным подъездом. Д. Н. Мамин-Сибиряк, описывая в «Приваловских миллионах» дом Половцова, похоже, имел в виду этот одноэтажный дворец: «Пролетка остановилась у подъезда низенького деревянного дома в один этаж с высокой крышей и резным коньком. Фронтон, окна, подъезд и ворота были покрыты мелкой резьбой в русском вкусе и раскрашены под дуб. Домик был тем, что называется полная чаша. От ручки звонка до последнего гвоздя все было пригнано под русский вкус, и гостя сейчас за порогом охватывала атмосфера настоящего богатства».

Последний владелец дворца купил эту землю с домом и садом в свое время у Харитоновы за три тысячи рублей, а в 1850 году уступил городу. Потом здесь выросло каменное здание училища, сохранившееся и в наши дни. Сейчас на этом месте напротив Уральской консерватории размещена средняя школа. Ничто больше не напоминает о чуде плотницкого умения — дворце из сосновых бревен, походившем на большой русский ларец.

Наряду с купеческими и мещанскими усадьбами в городе было немало крестьянских домов. По всей Пермской губернии избы рубились одинаково. Строительство вели в три этапа: плотники одновременно укладывали и ровняли каменное основание, делали сруб и готовили кровлю. Затем из частей они собирали всю постройку. После этого приступали к внутренней и внешней отделке.

Уже через шестьдесят лет после возникновения города появились предприниматели, пытавшиеся прибрать к рукам жилищное строительство. Купец Степан Негодяев, поставлявший артельным подрядчикам косяки для изб, ввел стандарт на этот товар, заказав крестьянину Ивану Косулину большую партию «избных косяков длиной полтора аршина, а толщиной в одну сторону восемь, в другую пять вершков, и чтоб оные были из плашенного тесу кондовые». Каждая пара таких косяков обходилась купцу в одиннадцать копеек — цена полпуда пшеничной муки. Непросто было крестьянину заработать на собственную избу в Екатеринбурге.

В семидесятых годах прошлого столетия на окраине города поселился крестьянин Казанской губернии Павел Липатов. Вскоре обыватели уже знали его как старательного ассенизатора. Постепенно он монополизировал очистку города, скупил подряды, назначил собственные расценки. А в последнем десятилетии века завладел имуществом бывшего городского головы В. А. Грамматчиковы. Его большой деревянный с мезонином дом на равных соперничал с домом архитектора Малахова. Эти два величественных здания открывали живописную перспективу Малаховской улицы, известной горожанам чистой водой Малаховского ключа.

В 1894 году П. И. Липатов открыл деревообрабатывающее производство. Городская дума «рассмотрела ходатайство крестьянина П. И. Липатова о разрешении поставить на принадлежащем ему усадебном месте близ Малаховского ключа лесопильный станок с паровым двигателем и разрешила его в утвердительном смысле».

В отличие от лесопилок, работавших на Урале, предприятие Липатова не ограничилось пилением и продажей леса. Он налажил изготовление веселых и моторных лодок, столярных изделий, дверей, мебели, широко освоил выпуск резного убранства для деревянных домов — ажурных фриз, накладных украшений к прибойным доскам, пропиленных тесовых карнизов, причелин, узоров к наличникам и фронтонам. Артельные плотники не могли состязаться с человеком, организовавшим чистодеревянный промысел на широкую ногу.

По индивидуальным заказам делал художественные наличники и парадные двери из дуба в собственных мастерских резной и кутаной мебели верх-исетский крестьянин М. Ф. Просвириц, арендовавший двухэтажный каменный дом Котляровского (Главный проспект, 15/2).

Не один десяток щедро декорированных обывательских домов поставила плотницкая артель братьев Тиуновых, имевших большую столярную мастерскую на одной улице с заведением Липатова. Каждый из братьев владел резным, столярным и плотницким ремеслами. Но в борьбе с Липатовым им пришлось отступить и заняться строительством мучных мельниц, не нуждавшихся в резьбе по дереву.

В 1900 году хозяин переоборудовал свое предприятие на углу Малаховской и Васнецовской в лесопильно-деревообрабатывающую фабрику с паровым двигателем в двенадцать лошадиных сил и вообще освободился от конкурентов. Газета «Слово Урала» сообщала в 1908 году, что резьбу и украшения для городских и дачных домов выполняет единственная на Урале фабрика Павла Игнатьевича Липатова. Таким образом, екатеринбургский фабрикант распространил свою монополию на все уральские города.

Производство резного узорочья на продажу в эпоху расцвета промышленного капитализма, лишенную романтической сентиментальности, выглядит по крайней мере весьма смелым предприятием. Деловой человек не мог отважиться на такое дело без досадочной гарантии на успех. Для Липатова гарантией служили его профессиональные навыки и уверенность в приглашенных дипломированных рисовальщиках.

Хорошо знавший екатеринбургскую жизнь, писатель Павел Петрович Бажов утверждал, что многие обывательские дома здесь резным своим убором обязаны искусству художника Александра Никитича Парамонова (1874—1949). Но трудно себе представить, что художник мог в одиночку или даже с помощниками выстрогать, разметить и вырезать выкружной пилой тысячи погонных метров тесовых узоров для наличников, фриз, карнизов, пиластр и фронтонов сотен домов в Екатеринбурге и его окрестностях.

Предприятие Липатова действовало двадцать пять лет: с 1894 по 1919 год. Выпускник Петербургского училища технического рисования, преподаватель декоративной мастерской художественно-промышленной школы, Парамонов жил и работал здесь с 1905 по 1928 год.

Нетрудно заметить, что пропиловочные узоры на домах, имеющих охранные доски конца девятнадцатого века, большей частью однообразны и нивны. В их композиции не чувствуется навыка и художественной фантазии уверенного в себе рисовальщика. Напротив, начиная с первого десятилетия нашего века, домовые узоры приобретают законченность, раппорты пропиленного орнамента — образность и стилевую определенность. Поэтому нельзя не высказать догадку о сотрудничестве Липатова и Парамонова с 1906 по 1918 год. Сегодня можно определенно назвать до десятка сохранившихся в Свердловске старых домов, чей нарядный убор создан под наблюдением художника А. Н. Парамонова и тиражирован фабрикой П. И. Липатова.

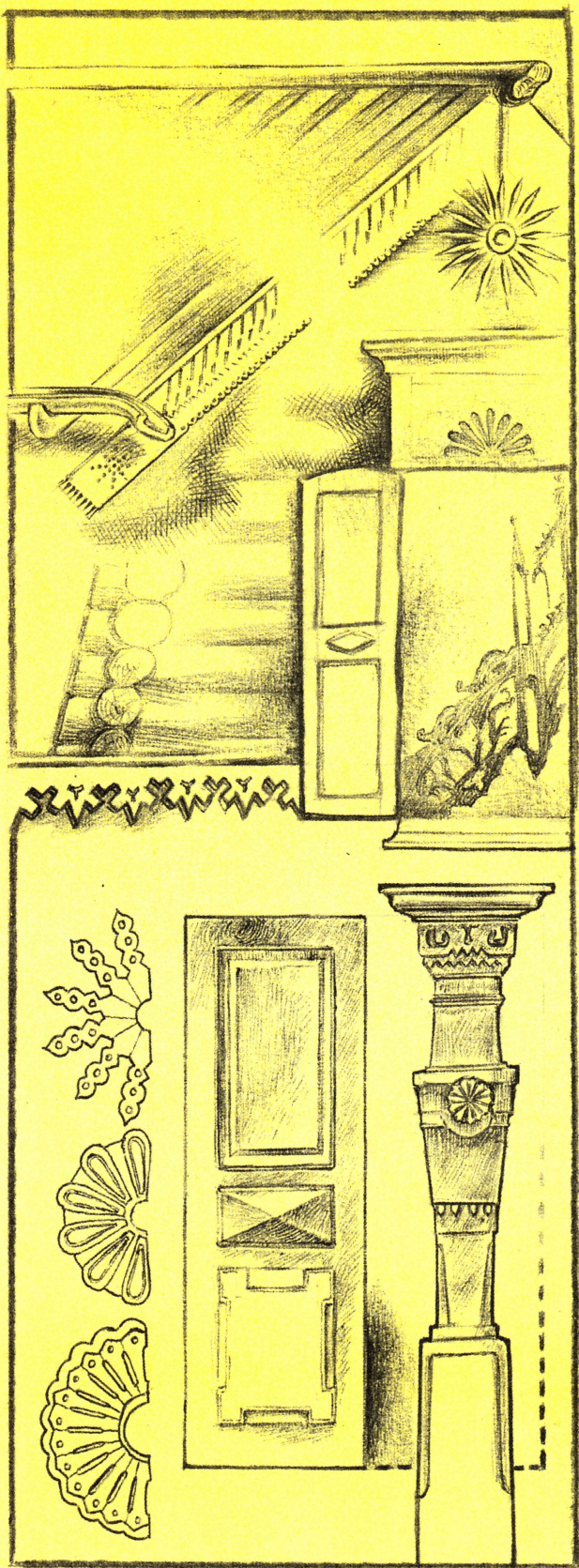

Рис. Владимира Тачкина

НТТМ ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ «УРАЛ»

ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МОЛОДЕЖИ «УРАЛ» ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ ОТ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕЙ СТРАНЫ НА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ И ПРОЕКТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЛЮБОЙ ОБЛАСТИ НАУКИ, ТЕХНИКИ, НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

ЦЕНТР ГАРАНТИРУЕТ ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО РАБОТ; СРОКИ ИСПОЛНЕНИЯ—МИНИМАЛЬНЫЕ.

«УРАЛ» СОТРУДНИЧАЕТ С МОЛОДЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ, ТВОРЧЕСКИМИ КОЛЛЕКТИВАМИ. РАБОТА — ПО ДОГОВОРУ, СПРАВКА НА СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО НЕ ТРЕБУЕТСЯ.

Наш адрес: 620072 г. Свердловск,
ул. Риммы Юровской, 18, центр
НТТМ «Урал»; телефон 44-44-34.

Центр научно-технического
творчества молодежи
«УРАЛ»

НТТМ

Цена 40 коп. Индекс 73413

Уральский СЛЕДОПЫТ, 1988, № 11, 1—367.